

КРИМИНАЛИСТЬ

2025 № 3(52)

Санкт-Петербург
Литейный, 44

КРИМИНАЛИСТЪ

2025 № 3 (52)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2008 года Санкт-Петербургским юридическим институтом (филиалом)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Учредитель Университет прокуратуры Российской Федерации

Главный редактор А. А. Сапожков, заместитель директора Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

Редакционный совет

А. Ю. Захаров, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации; **Н. Е. Солнышкина**, начальник управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе; **Т. А. Ашурбеков**, доктор юридических наук; **Е. Е. Амилеева**, кандидат юридических наук, доцент; **И. А. Антонов**, доктор юридических наук, профессор; **Е. В. Болотина**, доктор юридических наук; **Н. А. Васильчикова**, доктор юридических наук, профессор; **И. В. Гончаров**, доктор юридических наук, профессор; **Л. В. Готчина**, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор; **Н. А. Данилова**, доктор юридических наук, профессор; **А. А. Дорская**, доктор юридических наук, профессор; **И. Г. Дудко**, доктор юридических наук, профессор; **Е. В. Емельянова**, доктор юридических наук, профессор; **Е. Р. Ергашев**, доктор юридических наук, профессор; **Г. П. Ермолович**, доктор юридических наук, профессор; **В. Н. Исаенко**, доктор юридических наук, профессор; **А. С. Карцов**, доктор юридических наук; **Н. П. Кириллова**, доктор юридических наук; **О. Н. Кориунова**, доктор юридических наук, профессор; **А. Н. Кузбагаров**, доктор юридических наук, профессор; **Э. К. Кумтуев**, доктор юридических наук, профессор; **В. В. Лавров**, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент; **Ю. В. Мишальченко**, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор; **Н. С. Нижник**, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор; **Т. Г. Николаева**, доктор юридических наук, профессор; **М. Ю. Павлик**, доктор юридических наук, профессор; **А. Н. Попов**, доктор юридических наук, профессор; **С. М. Прокофьев**, доктор юридических наук, профессор; **Е. Н. Рахманова**, доктор юридических наук; **Р. А. Ромашов**, доктор юридических наук, профессор; **Е. Б. Серова**, кандидат юридических наук, доцент; **С. А. Смирнова**, доктор юридических наук, профессор; **Ю. А. Тимошенко**, доктор юридических наук; **Н. И. Уткин**, доктор юридических наук, профессор; **О. В. Чельщева**, доктор юридических наук, профессор; **Ю. Б. Шубников**,

доктор юридических наук, профессор; **В. С. Шадрин**, доктор юридических наук, профессор; **Р. Д. Шарапов**, доктор юридических наук, профессор; **В. Ф. Щепельков**, доктор юридических наук, профессор; **А. А. Экспахонуло**, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия

А. А. Сапожков (главный редактор), кандидат юридических наук, доцент; **Д. А. Безбородов** (заместитель главного редактора), кандидат юридических наук, доцент; **М. А. Григорьева** (ответственный секретарь), кандидат юридических наук, доцент; **О. А. Гуреева**, кандидат юридических наук; **Е. В. Елагина**, кандидат юридических наук, доцент; **Д. Ю. Краев**, кандидат юридических наук, доцент; **Н. В. Кулик**, кандидат юридических наук, доцент; **Е. Л. Никитин**, кандидат юридических наук, доцент; **И. Л. Честнов**, доктор юридических наук, профессор

Адрес редакции, издательства и типографии:

191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: kriminalist_institut@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76805 от 16.09.2019. Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.4. Распространяется бесплатно.

Подписано в печать 17.09.2025. Печ. л. 21,5. Формат 60x84/8. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1 – 160). Заказ 19/25.

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации. Дата выхода в свет 07.10.2025.

191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: rio-procuror@yandex.ru

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных материалах несут авторы. Перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, возможны только с письменного разрешения редакции

© Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Абсатаров Р. Р. Использование современных возможностей судебных экспертиз для установления возраста лиц, запечатленных на порнографических изображениях 3
- Безбородов Д. А., Серкина С. И. Деструктивная идеология без признаков экстремизма: понятие и общественная опасность 11
- Васкэ Е. В. Проблемные вопросы производства судебно-психологической экспертизы потерпевшего при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних 19
- Игнатенко Е. А. Диверсионная преступная деятельность: криминологический анализ некоторых детерминант 28
- Личидов А. А. Сущность и значение института права на защиту, реализуемого в стадии возбуждения уголовного дела. 37
- Макеева И. А. Возможности внедрения системы веб-конференции в уголовном процессе на стадии предварительного расследования 42
- Резцов А. В. Условия совершения преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: грядущие вызовы и необходимые инициативы 48
- Русинова К. О. Развитие российского законодательства о противодействии пропаганде и демонстрации запрещенной атрибутики и символики 55
- Сидоренко Е. В. Особенности поддержания государственного обвинения по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии 64
- Сильнов М. А. Особенности изучения прокурором электронных носителей информации при проверке уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением (актом, постановлением) 73
- Сычев Д. А. К вопросу о содержании функции уголовного преследования в деятельности прокурора в досудебном производстве 80

Тюнин В. И. Вопросы уголовной ответственности за изготовление, хранение, перевозку или сбыт поддельных денег или ценных бумаг 89

Федышина П. В., Щеглова А. А. Социальная обусловленность криминализации нарушения неприкосновенности частной жизни 97

Холопов А. В. Концепция «ментального преступления» 103

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Елкина Н. Я., Хропина О. А., Тимощук О. Е. Зарубежный опыт электронного судопроизводства 113

Иванова Е. Ф. Защита прокурором прав несовершеннолетних на оказание медицинской помощи в образовательных организациях 122

Широкова П. В., Ребковец М. А. Информатизация органов прокуратуры в рамках деятельности по правовому просвещению 132

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Честнов И. Л., Ясеновская Е. А. Правовой реализм правосудия 138

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СОБРАНИЙ

Честнов И. Л. Обзор Всероссийской научно-теоретической конференции «Постклассические исследования права» на тему «Перспективы правового реализма» 146

Шурпаев Ш. М. Отзыв официального оппонента на диссертацию Волковой Маргариты Андреевны на тему «Коррупционная преступность в сфере публичных закупок и ее предупреждение», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки 159

ПЕРСОНАЛИИ В НАУКЕ

Н. А. Корниенко – 90 лет! 168

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.98

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ВОЗРАСТА ЛИЦ, ЗАПЕЧАТЛЕННЫХ НА ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ

Роман Рифович АБСАТАРОВ

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Калининград,
Россия, karelia.abc@rambler.ru

Аннотация. Появление новых видов и форм распространения детской порнографии требует при расследовании преступлений данной категории привлечения специалистов в различных областях: в области судебной медицины, искусства, портретной, сексологической, компьютерной экспертизы. В настоящее время назначение искусствоведческой экспертизы в отношении порнографических материалов с изображением несовершеннолетних не всегда является эффективным. Следователь должен в первую очередь решить вопрос: «Является ли изображенное лицо несовершеннолетним или кажется таковым?». Установив, что возраст запечатленных лиц не превышает 18 лет и действия, совершаемые ими или совершающиеся с ними, являются сексуальными, можно констатировать порнографический характер исследуемых изображений без проведения искусствоведческой экспертизы, так как «детской» эротики не существует. В статье рассматриваются современные возможности судебных экспертиз для установления возраста лиц, запечатленных на порнографических изображениях.

Ключевые слова: несовершеннолетние, детская порнография, киберпреступность, идентификация, диагностика, порнографические изображения, определение возраста

Для цитирования: Абсатаров Р. Р. Использование современных возможностей судебных экспертиз для установления возраста лиц, запечатленных на порнографических изображениях // Криминалистъ. 2025. № 3 (52). С. 3 – 10.

Original article

THE USE OF MODERN FORENSIC EXAMINATION CAPABILITIES TO DETERMINE THE AGE OF THE PERSONS CAPTURED ON PORNOGRAPHIC IMAGES

Roman R. ABSATAROV

Kaliningrad branch of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Kaliningrad, Russia, karelia.abc@rambler.ru

© Абсатаров Р. Р., 2025

Abstract. Emerging new types and forms of distribution of child pornography requires the involvement of specialists from various fields during the investigation of crimes in this category: experts in forensic medicine, art analysis, portrait analysis, sexological expertise, and computer forensics. Currently, the appointment of art critic examination of pornographic materials depicting minors is not always effective. The investigator must first resolve the question: "Is the depicted individual a minor, does he or she merely appear to be one". Upon establishing that the age of the depicted individuals is under the age of 18 and that the acts they are performing or are being performed with them are of a sexual nature, the pornographic character of the image in question may be determined without conducting an art critic examination, as "child" erotica does not exist. The article discusses contemporary forensic advancements in determining the age of individuals depicted in pornographic images.

Keywords: minors, child pornography, cybercrime, identification, diagnostics, pornographic images, age determination

For citation: Absatarov R. R. The use of modern forensic examination capabilities to determine the age of the persons captured on pornographic images. *Criminalist*. 2025;3(52):3-10. (In Russ.).

За последние десятилетия в мире произошла значительная трансформация культурных ценностей, влияющих на формирование общественной морали. Мораль играет ключевую роль в регулировании поведения личности в обществе. От морального здоровья молодого поколения во многом зависит будущее любой страны. Исходя из культурных ориентиров, государство принимает правовые нормы с учетом потребностей и менталитета его граждан. Действующее уголовное законодательство нашей страны предусматривает ответственность за ряд преступлений против нравственности, наиболее циничным из которых является изготовление и оборот порнографических изображений несовершеннолетних (детская порнография). Наблюдаемый рост оборота детской порнографии связан с ее распространением через сеть «Интернет» с использованием мобильных устройств, персональных компьютеров, планшетов и т. д. [1, с. 196 – 202]. По оценкам экспертов, ежегодно в сети «Интернет» появляется около 50 тысяч порнографических материалов с изображением несовершеннолетних, а теневой доход в данном секторе достигает 2,5 миллиарда долларов США [2, с. 166 – 173; 3, с. 113 – 119]. Только за период с 2011 по 2023 год Роскомнадзором было заблоки-

ровано более 200 тысяч сайтов, содержащих детскую порнографию. Принимая во внимание общественную опасность, новые способы распространения порнографических изображений несовершеннолетних, в Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации 2001 года данное деяние было отнесено к категории киберпреступлений [4, с. 276 – 283]. Вместе с тем индустрия детской порнографии не стоит на месте. Появляются новые формы ее изготовления, в том числе создание запрещенного контента самими несовершеннолетними («секстинг»), а также при помощи искусственного интеллекта («виртуальная детская порнография»).

Традиционно следственная практика расследования преступлений, связанных с изготовлением и распространением детской порнографии, ограничивалась назначением только искусствоведческой экспертизы. С учетом новых способов совершения преступлений данной категории и достижений иных видов судебной экспертизы такая практика не может быть признана эффективной.

Распространение порнографических материалов практически всегда осуществляется с использованием современных компьютерных технологий обработки и передачи информации, что вызывает необходимость комплексного подхода

к исследованию подобного рода объектов [5, с. 238 – 246]. Чаще всего детская порнография с использованием информационно-телекоммуникационных систем принимает форму фотографий, видеозаписей, онлайн-трансляций.

Действующее российское законодательство предусматривает уголовную ответственность по ст. 242 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) за незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов, ст. 242.1 УК РФ – изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, ст. 242.2 УК РФ – использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов. Следует отметить, что между порнографией и «жесткой эротикой» в настоящее время существует условная граница. Для их разграничения требуется назначение искусствоведческой экспертизы. В соответствии с установленными критериями (учитывая в первую очередь вульгарность, безнравственность и натуральность этих изображений) она позволяет определить, является ли данный материал (предмет) порнографическим или нет.

В случае изображения детей в материалах (предметах) подобного содержания имеется ясность в квалификации деяния, так как «детской эротики» просто не существует. Резолюцией 54/263 на 97-ом пленарном заседании 54-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН принято, что «детская порнография означает любое изображение какими бы то ни было средствами ребенка, совершающего реальные или смоделированные сексуально откровенные действия, или любое изображение половых органов ребенка, главным образом в сексуальных целях» [6, ст. 2; 7, с. 122 – 125].

В примечании к ст. 242.1 УК РФ указано, что в настоящей статье и ст. 242.2

УК РФ «под материалами и предметами с порнографическими изображениями несовершеннолетних понимаются материалы и предметы, содержащие любое изображение или описание в сексуальных целях:

полностью или частично обнаженных половых органов несовершеннолетнего;

несовершеннолетнего, совершающего либо имитирующего половое сношение или иные действия сексуального характера;

полового сношения или иных действий сексуального характера, совершаемых в отношении несовершеннолетнего или с его участием;

совершеннолетнего лица, изображающего несовершеннолетнего, совершающего либо имитирующего половое сношение или иные действия сексуального характера».

В большинстве комментариев к ст. 131 УК РФ дается толкование понятия полового сношения и других действий сексуального характера. Следовательно, установить, какие действия запечатлены на фотографии или видеозаписи, следователь может самостоятельно, так как в большинстве случаев их характер не вызывает сомнений. В затруднительных случаях требуется прибегнуть к помощи экспертов-сексологов, однако сексологическая экспертиза до настоящего времени отсутствует в перечне экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях Министерства юстиции Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации.

При расследовании преступлений, связанных с изготовлением и распространением детской порнографии, назначение искусствоведческой экспертизы не всегда является эффективным. Более того, вопрос об отнесении объектов к материалам с порнографическими изображениями несовершеннолетних не может ставиться перед экспертом-искус-

ствоведом, поскольку он носит правовой характер и выходит за пределы его компетенции [8, с. 59–62].

В подобных ситуациях следователь должен в первую очередь решить вопрос, является ли изображенное лицо несовершеннолетним или кажется таковым. Ответ на него позволяет определить ход дальнейшего расследования. Если будет установлено, что изображен несовершеннолетний, то деяние квалифицируется по ст. 242.1 УК РФ или по ст. 242.2 УК РФ. В противном случае требуется назначить искусствоведческую экспертизу.

Установление возраста живых лиц входит в компетенцию эксперта портретной экспертизы и судебно-медицинского эксперта [9, с. 78–87]. Следует отметить, что различие между «реальным» (абсолютным) и «биологическим» (относительным) возрастом сильнее всего проявляется в возрасте до 20–25 лет. В этот период происходит интенсивный рост и развитие органов и систем организма, которые отражают определенные возрастные характеристики. Точность установления возраста в интервале 20–50 лет остается низкой, так как после окончания формирования организма морфологические признаки стабилизируются.

В криминалистике и судебной медицине установление возраста человека производится различными методами, которые по значимости можно условно разделить на методы предположительного (ориентирующего) характера и методы доказательного характера [9, с. 78–87].

Методы предположительного характера основываются на изучении внешних возрастных изменений детей и подростков. К данной группе методов можно отнести установление условного возраста по соотношению различных частей тела (соотношение головы и длины тела, соотношение длины рук и длины тела и т. д.), степени развития

молочных желез у девочек, роста волос в подмышечной впадине и на лобке и т. д. Например, у девочек в 9–11 лет ширина плеч больше ширины таза, талия отсутствует; в 12–13 лет – ширина плеч равна ширине таза, талия отсутствует; в 14 лет и более – ширина плеч меньше ширины таза, появляется талия. В возрасте до 10 лет у девочек волосы в подмышечной впадине отсутствуют. В 11–12 лет появляются единичные волосы, а в 13–14 лет – выраженный волосяной покров [9, с. 78–87].

Большое значение для определения возраста имеют признаки полового созревания ребенка. Например, половое созревание у мальчиков наступает в 11–12 лет. В этот период происходят физические и гормональные изменения, развитие половых органах, увеличение роста и мышечной массы, рост волос на руках, ногах и гениталиях. С 12–13 лет лицо и тело взрослеют, голос грубеет, проявляется кадык. Развитие организма у юношей завершается примерно к 20–22 годам.

Складки и морщины на коже человека позволяют ориентировочно устанавливать его возраст в более поздние периоды жизни (лобные морщины, морщины у наружных углов глаз, подглазничные, заушные, носогубные, шейные морщины и т. д.) [9, с. 78–87]. Например, по В. А. Снеткову и А. М. Зинину, носогубная складка появляется в 20–25 лет в виде небольшого углубления у краев носа [10]. К 30 годам она становится более заметной, к 35 – хорошо выраженной, к 45 – более резкой, к 50 – резкой на всем протяжении. Морщинистость подбородка появляется в возрасте 60 лет в виде небольших углублений. К 75 годам они уже представляют углубленные ямки, а в 80–85 лет проявляются в виде резких морщин, которые имеют разное направление. Лобные морщины появляются в возрасте 20 лет в виде малозаметных бороздок. В 25–30 лет они станов-

вятся более заметными, но неглубокими. К 35 годам лобная морщинистость становится более заметной, с тенденцией на углубление. После 40 лет она сильно развивается в виде бороздок разной глубины, длины, а к 50 становится резко заметной.

Морщины наружных углов глаз обычно начинают формироваться к 25 годам, в редких случаях — к 20. Сначала они едва различимы. К 30 годам их очертания становятся более четкими, а к 35 они уже хорошо видны, но не выглядят грубыми. После 45 лет они приобретают форму «гусиных лапок». К 50 годам морщины становятся глубокими и выраженным. С возрастом их глубина увеличивается и может появиться на висание верхнего века над наружным углом глаза, если этого не наблюдалось ранее.

В. А. Снетков и А. М. Зинин рекомендовали определять возраст по данным признакам путем получения среднеарифметического значения (сложить возраст по каждому признаку и полученное значение разделить на количество изученных признаков). Полученный результат с точностью до 2–5 лет будет обозначать возраст. Однако такой механический способ может давать далекие от действительности результаты.

Определение возрастных границ — задача, требующая не только статистической точности, но и глубокого понимания предмета исследования. Простой выбор произвольных чисел недопустим; каждый возрастной параметр должен быть тщательно взвешен и обоснован. Вначале необходимо установить предварительные верхние и нижние границы возраста для каждого изучаемого признака. Однако полученные на этом этапе значения часто требуют корректировки. Как правило, она включает в себя повышение нижней границы возраста и снижение верхней. Важно подчеркнуть, что корректировка не является

произвольной. Она должна быть оправдана глубоким пониманием предмета исследования и опираться на надежные эмпирические данные, литературные источники и практический опыт. Только в этом случае можно говорить о научной обоснованности выбора возрастных границ.

Доказательные методы установления биологического возраста можно условно разделить по следующим критериям:

в отношении несовершеннолетних — по степени зрелости костной и зубочелюстной систем, а также по выраженности вторичных половых признаков;

в отношении лиц старше 18 лет — по степени старения костной и зубочелюстной систем, внешнему облику.

При исследовании порнографических записей наиболее информативными для определения возраста являются изображения, позволяющие судить о степени зрелости зубочелюстной системы и выраженности вторичных половых признаков.

Выделяют несколько критериев установления возраста по зубам:

по срокам прорезывания зубов (период роста и развития);

по степени изношенности (стирания) зубов (зрелый и пожилой возраст).

Объектом исследования обычно выступают центральные и боковые резцы, клыки и премоляры. Увидеть моляры на изображениях, как правило, не представляется возможным.

Прорезывание зубов у мальчиков и девочек изучалось Л. Б. Белугиной в 2004 году [11, с. 28–29]. Она определила начальные, средние и окончательные сроки прорезывания зубов по видам. Например, окончательное прорезывание боковых резцов верхнего ряда зубов у мальчиков отмечается в 9 лет 9 месяцев, у девочек — в 8 лет 11 месяцев; клыков — у мальчиков в 13 лет 6 месяцев, у девочек — в 12 лет 9 месяцев. Кроме того, ею было установлено, что наибольшая кор-

реляция между сроками прорезывания зубов и ростом, весом тела, окружностью бедер наблюдается в 5–7 лет и 12–14 лет.

При определении возраста следует принимать во внимание, что эксперт устанавливает биологический возраст, который может отличаться от «социального», записанного в паспорте, свидетельстве о рождении, что обусловлено колебанием отдельных признаков в зависимости от расовых особенностей, образа жизни и т. д.

Точность установления возраста зависит от возрастного периода лица, в отношении которого производится экспертиза. Например, в отроческом периоде возраст устанавливается с точностью до одного года, в юношеском и молодом — с точностью до 2–3 лет, в зрелом и пожилом возрастах — до 5 лет [12, с. 92–95].

При отсутствии установочных данных лица следователь может получить сведения о возрасте на основании экспертного исследования. Вместе с тем судебно-медицинские эксперты не проводят экспертизы по определению возраста по изображениям, ссылаясь на то, что фотоизображения и видеозаписи не являются объектами судебно-медицинской экспертизы. К основным объектам данного вида экспертизы относятся живые люди, трупы или их части, вещественные доказательства биологического происхождения. Как мы считаем, необходимо расширить круг объектов судебно-медицинской экспертизы, включив в него и изображения людей.

В настоящее время для решения вопроса об установлении возраста запечатленного лица следует привлекать специалистов, обладающих знаниями в области портретной экспертизы [13, с. 94–97]. Помимо вопросов, связанных с установлением возраста изображенных лиц, перед специалистом могут быть поставлены задачи по обнаружению осо-

бых примет на их теле для облегчения розыска, а также признаков, указывающих на особенности места съемки [14, с. 117–122]. Следует отметить, что идентификация лица может быть проведена даже в случаях, когда его лицо скрыто. Например, в 2017 году был изобличен гр. М., который через социальную сеть «Одноклассники» путем угроз заставлял несовершеннолетних высылать свои фотоснимки, на которых они запечатлены обнаженными [15, с. 69–73]. В переписке с несовершеннолетними гр. М. высыпал свои снимки в обнаженном виде, но при этом его лицо было скрыто. По IP адресу было установлено место выхода в сеть «Интернет» злоумышленника. При проведении обыска по месту жительства гр. М. были изъяты ноутбук, планшет, однако носители не содержали следов, указывающих на его причастность к совершению преступлений. Гр. М. также отрицал свою вину. Следователем была назначена комплексная фототехническая и портретная экспертиза, по результатам которой было установлено, что на фотоснимках, которые были пересланы несовершеннолетним, изображен пенис подозреваемого гр. М. (совпадения были установлены по поверхностному расположению пигментных пятен, вен на половом члене), на левом бедре преступника имеются три родимых пятна. Также было установлено, что фотоснимки сделаны в квартире подозреваемого гр. М. При проведении медицинского освидетельствования у гр. М. были обнаружены характерные родимые пятна на левом бедре. После ознакомления с результатами экспертизы гр. М. признался в совершении преступления. Суд приговорил его к 12 годам лишения свободы. Успешное расследование данного преступления было в значительной степени обусловлено результатами комплексной фототехнической и портретной экспертизы. В этой связи при обучении экспертов в области портретной экспертизы

необходимо уделять больше времени решению диагностических задач, в том числе по определению возраста человека по изображению.

Активное использование компьютерных технологий в распространении детской порнографии требует привлечения специалистов и в области компьютерной экспертизы [16], позволяющей не только установить наличие следов монтажа в изображении, обстоятельств создания файлов, содержащих детскую порнографию, но и помочь в улучшении качества изображения для других видов исследований [17, с. 118 – 121].

Как мы видим, исследование изображений порнографического характера в настоящее время требует комплексного подхода с возможным привлечением специалистов в области искусства, судебной медицины, портретной, компьютерной и сексологической экспертиз.

Определив, что возраст запечатленных лиц не превышает 18 лет и действия, совершаемые ими или совершаемые с ними, являются сексуальными, можно констатировать порнографический характер исследуемых изображений без проведения дополнительной искусствово-ведческой экспертизы. Если будет установлено, что объектом порнографического изображения оказалось лицо, не достигшее возраста 14 лет, то данный факт выступит обстоятельством, отягчающим ответственность (п. «б» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ или п. «в» ч. 2 ст. 242.2 УК РФ). Как ранее было подчеркнуто, в отроческом периоде возраст может быть установлен с точностью до одного года.

Следует отметить, что установление возраста несовершеннолетних по их изображению можно использовать и при расследовании других категорий преступлений.

Список источников

1. Абсатаров Р. Р. Правовые и организационные проблемы изъятия электронных носителей информации и получения копии информации с них // Государство и право в изменяющемся мире: законодательные, правоприменительные, интерпретационные технологии : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Нижний Новгород, 31 марта 2021 года. Нижний Новгород : Автор, 2022. С. 196 – 202.
2. Елфимов П. В., Виноградова О. П. Проблемные аспекты расследования преступлений, связанных с распространением детской порнографии в сети Интернет // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2022. № 4 (93). С. 166 – 173.
3. Кочкина М. С. Криминологический взгляд на проблему экспансии детской порнографии в современной России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 3 (57). С. 113 – 119.
4. Боровик П. Л. Анализ положений Конвенции Совета Европы по борьбе с киберпреступностью в целях противодействия детской порнографии в сети Интернет // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2011. № 4. С. 276 – 283.
5. Ильин Н. Н. О комплексном исследовании материалов или предметов с изображениями порнографического характера // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 2 (37). С. 238 – 246.
6. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии : принят в г. Нью-Йорке 25 мая 2000 г. резолюцией 54/263 на 97-ом пленарном заседании 54-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.04.2025).
7. Шмыков Д. В. Порнография и дети // Евразийский союз ученых. 2015. № 4-9 (13). С. 122 – 125.
8. Шухнин М. Н., Яковлев А. Н. Комплексная экспертиза в расследовании изготовления и распространения детской порнографии // Криминалистъ. 2008. № 1. С. 59 – 62.

9. Шухнин М. Н., Федулов О. И., Ковалюх Е. А. Критерии определения возраста лиц, запечатленных на порнографических изображениях несовершеннолетних // Компьютерно-техническая экспертиза. 2008. № 3 (4). С. 78 – 87.
10. Снетков В. А., Зинин А. М. Методика отождествления по признакам внешности лиц, сфотографированных со значительным разрывом во времени. Москва : ВНИИ МВД СССР, 1971. 26 с.
11. Николенко В. Н., Сперанский В. С., Белугина Л. Б. Возрастные и половые особенности прорезывания постоянных зубов у школьников г. Саратова // Морфологические ведомости. 2003. № 1-2. С. 28 – 29.
12. Сажаев А. М. Назначение и производство некоторых экспертиз при расследовании преступлений против несовершеннолетних и малолетних // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 2 (20). С. 92 – 95.
13. Лубин С. А. Факторы, влияющие на возрастные изменения признаков внешности человека // Фундаментальная и прикладная наука: актуальные вопросы теории и практики : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 15 сентября 2023 года / Междунар. центр науч. сотрудничества «Наука и просвещение» ; отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза : Наука и Просвещение, 2023. С. 94 – 97.
14. Шухнин М. Н. Диагностические задачи портретной экспертизы // Энциклопедия судебной экспертизы. 2019. № 4 (23). С. 117 – 122.
15. Шухнин М. Н. Отождествление педофила по фотоснимкам полового члена // Энциклопедия судебной экспертизы. 2020. № 1 (24). С. 69 – 73.
16. Цифровые следы преступлений / А. М. Багмет, В. В. Бычков, С. Ю. Скобелин, Н. Н. Ильин. Москва : Проспект, 2024. 168 с.
17. Дорофеев К. И. Возможности судебных экспертиз по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом порнографических материалов // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 3 (27). С. 118 – 121.

Информация об авторе

Р. Р. Абсатаров – старший преподаватель кафедры криминалистики Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат географических наук.

Information about the author

R. R. Absatarov – Senior Lecturer at the Department of forensic science of the Kaliningrad branch of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Science (Geography).

Научная статья
УДК 34

ДЕСТРУКТИВНАЯ ИДЕОЛОГИЯ БЕЗ ПРИЗНАКОВ ЭКСТРЕМИЗМА:
ПОНЯТИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ

Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ¹, София Игоревна СЕРКИНА²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ sansbarbe@mail.ru

² serkina.sofia@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается социальный феномен деструктивной идеологии, введенный в правовое поле после утверждения Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей в 2022 году, оценивается сущность общественной опасности данного явления относительно антиобщественного поведения и экстремистского течения, которая заключается в потенциальной радикализации деструктивной идеологии и криминализации сознания участников движения. Проведен анализ детерминантов деструктивных идеологий, выявлены негативные последствия пропаганды подобных движений. Определены основные характеризующие свойства деструктивной идеологии, предложена авторская правовая дефиниция деструктивной идеологии без признаков экстремизма.

Ключевые слова: традиционные духовно-нравственные ценности, деструктивная идеология, национальная безопасность, культурный суверенитет, национальная самобытность, молодежь, несовершеннолетние

Для цитирования: Безбородов Д. А., Серкина С. И. Деструктивная идеология без признаков экстремизма: понятие и общественная опасность // Криминалистъ. 2025. № 3 (52). С. 11 – 18.

Original article

DESTRUCTIVE IDEOLOGY WITHOUT SIGNS OF EXTREMISM:
CONCEPT AND PUBLIC DANGER

Dmitry A. BEZBORODOV¹, Sofia I. SERKINA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ sansbarbe@mail.ru

² serkina.sofia@mail.ru

Abstract. The article examines the social phenomenon of destructive ideology, introduced into the legal sphere after the approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values in 2022. The authors evaluate the essence of the public danger posed by this phenomenon in relation to antisocial behavior and extremist trends, which lies in the potential radicalization of destructive ideology and criminalization of consciousness among movement participants. The authors also analyze the determinants of destructive ideologies, and the negative consequences of their propaganda, define

---

© Безбородов Д. А., Серкина С. И., 2025

key characteristics of destructive ideology, and propose an original legal definition of destructive ideology without signs of extremism.

Keywords: traditional spiritual and moral values, destructive ideology, national security, cultural sovereignty, national identity, youth, minors

For citation: Bezborodov D. A., Serkina S. I. Destructive ideology without signs of extremism: concept and public danger. Criminalist. 2025;3(52):11-18. (In Russ.).

В 2022 году Указом Президента Российской Федерации были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [1], которые незамедлительно стали предметом активной дискуссии общественных, политических деятелей, научных исследователей и правоприменителей. Указанный нормативный документ разработан в соответствии с положениями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [2] и способствует ее планомерной реализации в части защиты системы духовно-нравственных идеалов российского общества с целью укрепления единства народа, что особенно актуально в период проведения специальной военной операции.

Специфика современного глобального мира создает на сегодняшний день критическую ситуацию тотальной человеческой деструктивности, одной из остро отрицательных черт которой является вакуум ценностей. Исторической предпосылкой возникновения феномена деструктивности как в России, так и во всем мировом сообществе, несомненно, является социокультурный диссонанс индустриального и постиндустриального общества, приоритет индивидуалистической идеологии над коллективистическими началами, кризис традиционных мировоззренческих институтов. Кроме того, данная проблема приобретает всеобъемлющий характер в эпоху развития информационных технологий и коммуникационных структур, а также распространения массовой культуры. Названные причины позво-

ляют отдельным референтным группам быстро и эффективно доводить информацию любого характера широкому кругу лиц, публично транслировать девиантное поведение в сети «Интернет», формировать ценностно-деструктивное мировоззрение целого общества вне установленных границ культурного пространства отдельной страны. Именно существующие в конкретный период времени социальные условия определяют характер деструктивных девиаций [3, с. 56].

Наблюдается негативная тенденция к постепенной деградации человечества, саморазрушению и фрагментации гражданского общества, ослаблению института общепринятых духовных идеалов и размыванию национальной идентичности народов.

В Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей впервые использовано понятие «деструктивная идеология» как система идей и ценностей, направленная на разрушение духовного фундамента российского народа, которая влечет за собой культурную дезориентацию граждан и дискредитацию институтов публичной власти посредством организованного и целенаправленного распространения отдельными лицами, деструктивными организациями, а также недружественными государствами ценностей, исторически чуждых российскому обществу, способных уничтожить его самобытность, нанести ущерб нравственному, физическому здоровью граждан и безопасности государства [4, с. 10]. К деструктивной идеологии законода-

тель относит культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений (п. 14 Основ).

В научной литературе первой стадии социальной деструктивности определена пропаганда антиобщественного поведения — система действий физических лиц, направленная на демонстрацию устойчивого образа жизни, противоречащего общепринятым нормам. В соответствии с п. 6 ст. 2 Федерального закона от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» антиобщественное поведение посягает на общественную мораль, нарушает права и законные интересы других лиц, но при этом не влечет за собой административную или уголовную ответственность [5]. Данная негативная девиация особенно характерна для большой социальной группы — молодежи, имеющей специфические психологические черты, продиктованные возрастными особенностями и выражаяющиеся в отсутствии стойких нравственных ориентиров. Так же в повседневной жизни молодых людей прослеживается интенсивная протестная активность: возражение против существующего порядка вещей через совершение некоторых антиобщественных действий. Так, пропаганда алкоголизма, наркотизма, бродяжничества, попрошайничества, иного общественно порицаемого поведения, а также систематическое целенаправленное несоблюдение нравственных императивов, препятствующее созданию благоприятной социальной среды, подрывающее общественные связи между индивидами, которые

должны быть основаны на принципах взаимного доверия и доброжелательности, создают глобальную проблему, изничтожающую российскую цивилизацию и культуру [6, с. 47]. Распространение антиобщественного поведения влечет развитие социальной энтропии. Противодействие данному процессу прежде всего призвано обеспечить охрану общепризнанных моральных норм.

Рассмотрим правовую природу общественной опасности как материального признака противоправного деяния. Социальная сущность общественной опасности преступления определяется следующими свойствами: вредоносность и прецедентность [7, с. 64]. Вредоносность как объективная способность деяния причинять вред либо создавать угрозу причинения вреда общественным отношениям конкретизируется через характер и степень общественной опасности, они же корреспондируют ее качественному и количественному признакам. Показатель характера общественной опасности находится в прямой зависимости от ценности общественных отношений: объект признается социально полезным, поэтому посягательство на него считается опасным. Степень общественной опасности устанавливается конкретными обстоятельствами совершенного преступления, к которым относят, например, степень осуществления преступного намерения, способ совершения преступления, тяжесть наступивших последствий и т. д. [7, с. 65]. Прецедентность общественной опасности обладает трансформационным потенциалом в отношении социальной действительности. Содержание данной категории раскрывается двумя критериями: степень распространенности явления и негативная ценностная ориентация лица (группы лиц), способная служить прецедентом для повторения подобной деятельности в будущем.

Общественная опасность деструктивной идеологии обусловлена актуальным и потенциальным разрушением социальных структур, созданием объективной угрозы национальной безопасности страны. Укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также сохранение культурного и исторического наследия народов России признается национальным интересом Российской Федерации [2, п. 25], это значит, что защита традиционных ценностей – долгосрочный стратегический ориентир, направленный на обеспечение безопасности и устойчивости суверенного государства.

По степени общественной опасности промежуточное положение между пропагандой антиобщественного поведения и пропагандой экстремизма занимает распространение деструктивной идеологии [8, с. 7]. Общественная опасность деятельности по распространению деструктивной идеологии состоит в том, что в короткий срок ее последователи становятся сторонниками радикальных взглядов [9, с. 42], в том числе экстремистских. Более того, общественная опасность действия возрастает и приобретает стихийный характер в случае, если умысел, направленный на пропаганду вредоносных идей, реализовывается с помощью информационно-телекоммуникационных сетей в свободном доступе. Так, посягательство осуществляется на неограниченный круг лиц, в число которых может входить особая демографическая группа, отличающаяся транзитивным характером становления ее социальной субъективности [10, с. 6], т. е. молодые люди и несовершеннолетние дети, в научной литературе ее также именуют «группой риска». Причем молодежь часто становится целевой аудиторией и социальной базой новых деструктивных движений, поскольку является эмоционально гибкой группой, подверженной внешним воздействиям

со стороны «нездорового» общества [10, с. 4]. Опасность деятельности по распространению деструктивных идеологий возрастает, если ей не оказывается адекватное правовое противодействие. В этих условиях у индивидов накапливается негативный опыт осознания возможности повторения совершения противоправных деяний [7, с. 66–67]. Заметим, что нелинейная социальная динамика в отношении распространения деструктивных течений опасна «всплеском» необратимых негативных последствий спустя значительный временной интервал.

В целях противодействия распространению деструктивных идеологий на территории Российской Федерации институты власти уже предпринимают конкретные меры по защите национального интереса страны. Например, конструирование патриотического сознания молодых людей с помощью внедрения соответствующих образовательных программ, создание подходящей молодежной инфраструктуры, организация культурно-массовых мероприятий, совершенствование нормативной базы на федеральном, региональном и местном уровнях, а также иные меры. Однако с позиции теории данный вопрос остается неисследованным: федеральным законодателем не выработана четкая дефиниция деструктивной идеологии, отличной от экстремистской, не установлена и система критериев, позволяющая разграничить эти понятия. Для уяснения особых черт деструктивной идеологии без признаков экстремизма следует рассмотреть оба феномена человеческой деструктивности комплексно.

В теории экстремизм и деструктивная идеология соотносятся как часть и целое: любая экстремистская идеология признается деструктивной, но не всякая деструктивная идеология носит экстремистский характер. Важно, что оба социальных явления построены на ниги-

лизме – мировоззренческой позиции, выражющейся в отвержении общепринятых нравственных и культурных ценностей. Вместе с тем, как справедливо отмечает Л. А. Калинин, все деструктивные идеологии отличаются крайними вариантами иррационализма, основанного на отрицании рациональных методов отражения реальности, как при выражении социальных интересов группы, так и при реализации теоретических посылок [11, с. 127 – 128]. Основополагающее начало всех деструктивных идеологий сводится к учению о том, что истина лежит внутри этой идеологии, вне находится только ложь [11, с. 137]. Предлагаемые обществу аксиологические представления в большинстве своем касаются фундаментальных категорий человеческой жизни и проблем масштабного характера, чтобы потенциально затронуть интересы разных возрастных когорт. Положения деструктивной теории просты и понятны для широких масс в целях скорейшего привлечения союзников, занятых идеологической группой доминирующего положения и трансформации общепринятой культуры. Как правило, любая идеология представляет собой концептуальное оформление, моделирующее у ее последователей целостное представление о пропагандируемой доктрине. Акторы деструктивных организаций часто применяют апелляцию к эмоциям как способ привлечения внимания социума к «прогрессивным» идеям, заражающим разум.

Общественная опасность деструктивных идеологий возрастает, когда деятельность по распространению собственных стереотипов мышления приобретает организованный, целенаправленный и длящийся характер. В этом контексте организованность идеологической группы как коллективного субъекта предполагает способность единомышленников выполнять поставленные задачи упорядоченно для совместного

достижения единой цели – распространение идей, противоречащих ценностным основам российского общества, вовлечение индивидов в деструктивную организованную группу. П. А. Шашкин и Д. А. Рудаков полагают, что данный процесс связан с криминализацией сознания участников такого сообщества и последовательным культивированием вначале антиобщественного, а затем и радикального поведения участников [8, с. 7].

В ходе проведенного анализа существующих дефиниций, содержащихся в научных исследованиях по изучению особенностей экстремистской деятельности, а также имеющихся легальных определений выявлены дополнительные признаки, наличие которых позволяет распознать в деструктивной идеологии экстремистскую направленность, а именно: групповая идентификация акторов сообщества; их приверженность крайним взглядам; идеи выражают допустимость нарушения общепринятых ценностей и юридических норм; публичность в отстаивании собственных интересов через открытую деструктивную агрессию; теория основана на избранности, превосходстве либо неполноценности определенного субъекта по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности; цель распространение данной идеологии – преобразование основ конституционного строя, умаление и отрицание базовых принципов, прав и свобод человека, интересов общества и государства; преодоление сопротивления общества, его политической организации связано с применением или угрозой применения насилия. По мнению Ю. А. Клейберга, в орбиту экстремизма, как правило, втягивается неустроенная, маргинальная молодежь, исключенная из позитивных социальных перспектив, у типичных представителей которой нет конкурентных преимуществ [12, с. 20],

на основании чего можно сделать вывод, что увлеченность экстремистским движением, « страсть » к догматизму приводят к социально-психологической дезадаптации личности, когнитивным искажениям и социальной депривации.

Пропаганда деструктивного мировоззрения, основанного на отрицании традиционных российских духовно-нравственных ценностей, несмотря на обоснованную общественную опасность, привлекает внимание общественности и публичной власти только в момент, когда приобретает привычные экстремистские черты. Однако пресечение деятельности по распространению деструктивной идеологии без признаков экстремизма позволяет избежать многих неблагоприятных последствий. Во-первых, часто деструктивные идеологические течения непосредственно детерминируют общественно опасные деяния [13, с. 228]. Во-вторых, развитие деструктивных интенций у индивидов приводит к необратимым закономерным изменениям человеческой психики, затрудняющим процесс социализации. В-третьих, глобально вовлечение общества в различные деструктивные движения неизбежно порождает развал общечеловеческих ценностей, ослабление национального единства народа, разрушение культурного суверенитета Российской Федерации.

В современной России количество неформальных, потенциально деструктивных объединений стремительно растет. Среди них, к примеру, идеология « чайлдфри », основанная на добровольном и сознательном отказе от деторождения по субъективным причинам (ее радикальная форма — « чайлдхейт »), движение ЛГБТ (признано экстремистским и запрещено на территории России решением Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2023 года), относительно новое течение « квадробинг » (представители данной идеоло-

гии (преимущественно несовершеннолетние дети) идентифицируют себя с животными, перенимают их образ жизни и основные повадки), движение « Лев против » (его сторонники выступают за пропаганду здорового образа жизни, принуждают общественность к трезвости, чаще агрессивными методами). Околокриминальными субкультурами являются, например, движение антифа (признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации), наркотические сообщества, группы криминального суицида, течение А.У. Е. (признано экстремистским и запрещено на территории России решением Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2020 года). Отметим, что на данной стадии общественного развития все деструктивные движения отличаются отсутствием дифференцированного подхода в процессе вовлечения индивидов в организованные сообщества, то есть для того, чтобы стать членом деструктивной группы, достаточно разделять пропагандируемое мировоззрение.

Резюмируя изложенное, деструктивная идеология без признаков экстремизма — это система взглядов, основанная на отрицании традиционных духовно-нравственных ценностей, культивировании идей, исторически несвойственных конкретному народу, направленная на ослабление и разрушение общепринятой культуры общества.

В целях защиты основ нравственности, общественного порядка и обеспечения безопасности Российской Федерации представляется рациональным введение юридической ответственности за организованное и целенаправленное распространение деструктивной идеологии без признаков экстремизма, имеющей длящийся характер, сопряженное с особой агрессивностью, очевидным вызовом общественным нормам и различиям [8, с. 7], в отдельных случаях необходимо рассмотреть вопрос о кри-

минализации некоторых деструктивных течений. Кроме того, органам государственной власти надлежит усилить контроль за интенсивностью развития существующих разрушительных идеологий, особенно в коммуникационных сетях, своевременно реагировать на появление новых «опасных» субкультур среди молодежи. В то же время основная задача политических институтов, общественных организаций, образовательных учреждений состоит в активном продвижении идей, направленных на консолидацию социума, общественное служение и созидание. Противодействие распро-

странению деструктивных идеологий на территории Российской Федерации, с одной стороны, способствует развитию информационной грамотности граждан, одновременно формируя «здравое», стабильное социальное пространство, свободное от манипулятивных, разрушительных концепций, с другой стороны, призвано защитить и укрепить суверенитет России, обеспечить единство многонационального народа, сохранить его историческую идентичность, чтобы своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы извне.

Список источников

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Богдан С. С. Человеческая деструктивность как форма агрессии: экзистенциально-гуманистический подход : специальность 09.00.13 «Философия и история религии, философская антропология, философия культуры» : дис. ... канд. филос. наук / Богдан Сергей Сергеевич. Сургут, 2012. 154 с.
4. Шашкин П. А., Рудаков А. Б. Деструктивная идеология: понятие и смысловые границы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета : электрон. журн. 2024. № 2 (14). С. 6 – 12. URL: <https://humanities.fa.ru/jour/article/view/928> (дата обращения: 11.02.2025).
5. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ : текст с изм. и доп. на 8 авг. 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Сербикова М. М. Наркотизация и экстремизм в молодежной среде как один из факторов противодействия идеологии экстремизма // Unlversum: экономика и юриспруденция. 2022. № 3 (90). С. 47 – 48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narkotizatsiya-i-ekstremizm-v-molodezhnoy-srede-kak-odin-iz-faktorov-protivodeystviya-ideologii-ekstremizma> (дата обращения: 11.02.2025).
7. Безбородов Д. А. Показатели общественной опасности многосубъектных преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3 (86). С. 62 – 69.
8. Шашкин П. А., Рудаков А. Б. Ключевые признаки деструктивной идеологии и степень ее общественной опасности: правовые аспекты применения в государственной политике защиты традиционных российских ценностей // Культурологический журнал. 2024. № 2 (56). С. 4 – 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-priznaki-destruktivnoy-ideologii-i-stepen-ee-obschestvennoy-opasnosti-pravovye-aspekty-primeneniya-v-gosudarstvennoy> (дата обращения: 14.02.2025).
9. Розенко Е. А. Правовое противодействие деструктивным идеологиям в Российской Федерации: криминологическая характеристика, особенности, тенденции // Вестник Югорского государственного университета. 2019. № 3 (54). С. 41 – 47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-protivodeystvie-destruktivnym-ideologiyam-v-rossiyskoy-federatsii-kriminologicheskaya-harakteristika-osobennosti> (дата обращения: 22.02.2025).

10. Серенко М. Н., Павлий Г. Ю. Молодежный экстремизм в России. Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2013. 112 с.
11. Калинин Л. А. Деструктивная идеология как социальный феномен: социально-философский анализ : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : дис. ... канд. филос. наук / Калинин Леонид Анатольевич. Нижний Новгород, 2007. 200 с.
12. Клейберг Ю. А. Девиантология терроризма и экстремизма : монография. Москва : Изд-во Московского психолого-социального ун-та, 2016. 134 с.
13. Овчинский А. С., Борзунов К. К. Деструктивные идеологии как угроза антитеррористической безопасности в мире цифровых технологий // Криминологический журнал. 2023. № 4. С. 225 – 233. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/destruktivnye-ideologii-kak-ugroza-antikriminalnoy-bezopasnosti-v-mire-tsifrovuyh-tehnologiy> (дата обращения: 16.03.2025).

Информация об авторах

Д. А. Безбородов – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

С. И. Серкина – студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

D. A. Bezburodov – Professor at the Department of criminal law, criminology and penal executive law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

S. I. Serkina – Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.98

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Екатерина Викторовна ВАСКЭ^{1,2}

¹ Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия

² Российский федеральный центр судебной экспертизы имени профессора А. Р. Шляхова
при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва, Россия

^{1,2} 1269724@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы назначения судебной психолого-экспертной экспертизы в ходе расследования преступлений против половыи неприкосновенности и половыи свободы несовершеннолетних. Проанализированы проблемные ситуации, связанные с постановкой эксперту-психологу вопросов, выходящих за пределы его профессиональной компетенции. Показана опасность создания искусственных доказательств как результат неверной интерпретации работниками следственных органов выводов экспертов. Приведены результаты исследования, включающие анализ ответов следователей по указанной проблематике.

Ключевые слова: судебная психологическая экспертиза, несовершеннолетняя потерпевшая, сексуальное насилие, эксперт, беспомощное состояние, повышенное фантазирование и внушаемость, оговор

Для цитирования: Васкэ Е. В. Проблемные вопросы производства судебно-психологической экспертизы потерпевшего при расследовании преступлений против половыи неприкосновенности и половыи свободы несовершеннолетних // Криминалистъ. 2025. № 3 (52). С. 19 – 27.

Original article

PROBLEMATIC ISSUES OF CONDUCTING A FORENSIC PSYCHOLOGICAL EXPERTISE OF VICTIMS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST SEXUAL INTEGRITY AND SEXUAL FREEDOM OF MINORS

Ekaterina V. VASKE^{1,2}

¹ Saint-Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia

² Russian Federal Center for Forensic Expertise named after Professor A. R. Shlyakhov
under the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russia

^{1,2} 1269724@gmail.com

Abstract. The article examines current issues concerning the appointment a forensic psychological expertise during the investigation of crimes committed against the sexual integrity and sexual freedom of minors. Problematic situations arising from questions posed to forensic psychologists

© Васкэ Е. В., 2025

that exceed their professional competence are analyzed. The danger of creating artificial evidence due to the misinterpretation of expert conclusions by investigative authorities is highlighted. The results of the research, including an analysis of investigators' responses on this issue, are presented.

Keywords: forensic psychological expertise, minor victim, sexual violence, expert, state of helplessness, heightened fantasizing and suggestibility, false accusation

For citation: Vaske E. V. Problematic issues of conducting a forensic psychological expertise of victims in the investigation of crimes against sexual integrity and sexual freedom of minors. *Criminalist.* 2025;3(52):19-27. (In Russ.).

Судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетних потерпевших от сексуального насилия традиционно назначается при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних. Порядок назначения экспертизы такого рода должен быть известен сотрудникам следственных органов, в связи с чем, казалось бы, не может вызывать каких-либо трудностей: вопросы эксперту стандартные; перечень документов, предоставляемых экспертам, конкретизирован; вся необходимая информация размещена на сайтах, содержится в памятках, методических и практических пособиях государственных экспертных учреждений. Однако распространена практика¹ постановки эксперту-психологу вопросов из непригодных для использования источников — неизвестного либо некомпетентного авторства. При этом такие вопросы могут носить характер не только некорректных по причине их избыточности (например, о конкретных индивидуально-психологических особенностях несовершеннолетней потерпевшей (несовершеннолетнего потерпевшего), весь комплекс которых априори будет представлен при ответе на основной вопрос), но и недопустимых (правового характера), выходящих за пределы компетенции эксперта (например, о достоверности и правдивости

показаний). В то же время ключевые вопросы, ответы на которые имеют существенное значение для квалификации действий обвиняемого, в частности о психологически беспомощном состоянии несовершеннолетней потерпевшей (потерпевшего) старше двенадцати лет, зачастую вообще не ставятся на разрешение эксперта-психолога.

По сложившейся практике, в отношении несовершеннолетних потерпевших от сексуального насилия назначаются не только однородные судебно-психологические, но и комплексные психолого-психиатрические или комплексные психолого-сексолого-психиатрические экспертизы². При проведении такого вида комплексных экспертиз, в отсутствие у несовершеннолетней потерпевшей (потерпевшего) психического расстройства, основными являются вопросы к психологу-эксперту, когда следственным органам необходимо получить данные о личности потерпевшей (потерпевшего) и детерминантах ее (его) виктимного поведения. Эксперт-психолог, основываясь на анализе межличностных связей и отношений внутри системы «жертва — преступник — криминальная ситуация», может констатировать психологически беспомощное состояние по-

¹ В соответствии с п. 13 Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы, утвержденного Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 29 апреля 2025 года № 263н, собственно сексологическое исследование включает оценку своевременности и соответствия половой принадлежности различных проявлений сексуального развития в психической сфере и на соматическом уровне.

² Исходя из соображений корректности и вида настоящей статьи, мы не указываем конкретные регионы, где, по результатам проведенного автором исследования, такая практика распространена.

терпевшей, достигшей двенадцатилетнего возраста, обусловленное собственно психологическими факторами, которые включают в себя взаимодействие комплекса возрастных, индивидуально-психологических, мотивационных и иных компонентов личности потерпевшей.

Данная информация носит уголовно-релевантный характер, поскольку преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних являются весьма сложными в плане доказывания факта совершения противоправных действий, в частности когда материальные доказательства отсутствуют, а обвиняемый не признает вину в содеянном. В этой связи определение сохранности способности несовершеннолетней потерпевшей (потерпевшего) осознавать характер и значение совершаемых с ней (с ним) действий или оказывать сопротивление виновному является важнейшей составляющей доказательной базы.

Как известно, особым объектом посягательства является лицо, не достигшее двенадцатилетнего возраста и признанное законом в связи с этим беспомощным: согласно примечанию к ст. 131 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), к преступлениям, предусмотренным п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ (изнасилование потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста), п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (если деяния совершены в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста), относятся также деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных чч. 3–5 ст. 134 УК РФ и чч. 2–4 ст. 135 УК РФ, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, т. е. не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий [1].

Вопросы, адресованные эксперту-психологу при проведении как однородной судебной психологической экспертизы, так и комплексной (психолого-психиатрической, психолого-сексолого-психиатрической), являются обязательными, чрезвычайно важными и полными в плане диагностики личности несовершеннолетней¹, в связи с чем постановка дополнительных вопросов, касающихся личностных особенностей несовершеннолетней потерпевшей (потерпевшего), нецелесообразна. Вместе с тем до настоящего времени продолжается практика постановки эксперту-психологу вопросов о наличии у несовершеннолетней (малолетней) потерпевшей (потерпевшего) повышенной склонности к фантазированию и внушаемости (повышенной внушаемости), нередко при полном игнорировании основных, необходимых и обязательных вопросов, ответы на которые имеют безусловное уголовно-релевантное значение. Ответ же эксперта-психолога о наличии либо отсутствии у несовершеннолетней (несовершеннолетнего) «повышенной склонности к фантазированию» трактуется следователем как достоверность (недостоверность) показаний ребенка (подростка), а «повышенной внушаемости» – как дача им показаний под влиянием взрослых, что категорически неверно и может привести к весьма плачевным результатам, вплоть до судебной ошибки.

При этом внушаемость или так называемая повышенная внушаемость как

¹ «Способна ли несовершеннолетняя потерпевшая (потерпевший), с учетом уровня ее (его) психического развития, индивидуально-психологических особенностей и эмоционального состояния, понимать характер и значение совершаемых с ней (ним) действий или оказывать сопротивление?»; «Способна ли потерпевшая (потерпевший), с учетом уровня ее (его) психического развития, индивидуально-психологических особенностей и эмоционального состояния, правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания?».

характерологическая особенность несовершеннолетней потерпевшей (потерпевшего) от сексуального насилия для оценки следователем ее (его) показаний не имеет принципиального значения. Фантазирование как психологический феномен также не имеет прямой причинно-следственной связи с предъявлением ребенком (подростком) достоверных сведений (показаний). Сущность фантазирования (воображения) состоит в преобразовании представлений памяти, в создании новых образов на основе имеющихся, в отражении реальной действительности в новых сочетаниях и связях (в том числе с перестановкой элементов реальности). Важно учитывать жизненный опыт ребенка, от которого могут зависеть содержание и продуктивность его воображения, но который не всегда становится достоянием уголовного дела. Более того, в настоящее время дети имеют большую информированность в вопросах, например, половых отношений, нежели 5–10 лет назад, которая беспрецедентно повышается в связи с феноменом «цифрового детства», доступностью для детей социальных сетей и различных интернет-сервисов, содержащих сексуальный контент [2]. Так, для того чтобы современному ребенку рассказать о внешней, юридически значимой стороне сексуальных отношений (механизме совершения полового акта, например), ему совсем не обязательно демонстрировать данный процесс – деструктивные интернет-ресурсы предоставляют подобную информацию в разных, более чем наглядных, мультимедийных форматах [3].

Диагностирование экспертами-психиатрами у несовершеннолетней потерпевшей (потерпевшего) синдрома фантазирования («псевдологии») в рамках психического расстройства опять же не имеет отношения к достоверности (недостоверности) ее (его) показаний. «Недостоверные показания», «неправ-

дивые показания», «неискренние показания», «ложь», «неправда» и т. п. – не экспертные категории, в связи с чем не подлежат экспертной оценке и не выявляются эксперты путем. Потому и вопросы, адресованные эксперту-психологу, о наличии у несовершеннолетней потерпевшей (потерпевшего) повышенной склонности к фантазированию и (или) повышенной внушаемости не несут значимой смысловой нагрузки для доказательной базы и не имеют ни малейшего отношения к достоверности (правдивости, искренности) показаний, констатация которой всецело относится к прерогативе следствия и суда.

Данная чрезвычайно важная информация представлена в различных научных публикациях, информационных письмах, научно-практических пособиях и методических разработках. Начиная с 2015–2016 годов эта проблематика неоднократно обсуждалась на научно-практических конференциях, круглых столах, проводимых в том числе и в силовых ведомствах.

Позиция Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу категоричная, абсолютно однозначная. Пленум Верховного Суда Российской Федерации 29 июня 2021 года постановил: «Перед экспертом не могут быть также поставлены вопросы по оценке достоверности показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля, полученных в ходе производства допроса, очной ставки и иных следственных действий, в том числе с применением аудио- или видеозаписи, поскольку в соответствии со статьей 88 УПК РФ такая оценка относится к исключительной компетенции лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Полученное в суде, а также в ходе досудебного производства по уголовному делу заключение эксперта, содержащее выводы о юридической оценке деяния или о достоверности показаний допро-

шенных лиц, не может быть в этой части признано допустимым доказательством и положено в основу судебного решения по делу» [4].

Какие бы синонимы и определения не добавлялись в попытках завуалировать и (или) размыть пределы профессиональной компетенции («психологические признаки достоверности» и др.), при производстве судебной экспертизы установление достоверности сообщаемых сведений (их соответствие действительности, реальности, искажения, скрываемые обстоятельства и т. п.) на современном этапе развития науки и техники невозможно. На сегодняшний день не существует признанной в научном сообществе методики выполнения данного вида экспертиз, отсутствует и методология проведения такого рода исследований. При назначении экспертизы с вопросами о «признаках достоверности показаний (сведений)», «психологических признаках достоверности показаний», «признаках конструирования ложных сообщений», «признаках скрываемых обстоятельств» и тому подобных феноменах, в том числе при направленной беседе в процессе очной судебной психологической экспертизы в отношении живого лица, эксперт не вправе даже приступить к выполнению такого заключения, так как вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта, что хорошо известно государственным судебным экспертам [5].

Однако спрос рождает предложение, особенно когда следствию предлагается легкий выход из сложнейших ситуаций путем психологизации информации, и некоторые следователи продолжают обращаться к таким специалистам за желаемым результатом — получением «экспертизы достоверности», ссылаясь на постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспер-

тизе по уголовным делам», в котором говорится, что «к иным экспертам из числа лиц, обладающих специальными знаниями, относятся эксперты негосударственных судебно-экспертных учреждений, а также лица, не работающие в судебно-экспертных учреждениях» [6].

Причем и сами негосударственные эксперты, и следователи могут «добросовестно заблуждаться» относительно пределов профессиональной компетенции эксперта-психолога и, соответственно, возможности решения определенных вопросов экспертным путем. Не останавливаясь на еще одной весьма актуальной проблеме профессиональной переподготовки с выдачей дипломов и удостоверений, в том числе эксперта-психолога, укажем лишь, что никоим образом не регламентируемая деятельность подобных субъектов позволяет им предлагать свои услуги не только на просторах «Интернета», но и в режиме онлайн «на территории» различных учреждений и организаций. Более того, на научные конференции выносятся выступления, где уже в названии доклада содержится изначально антипрофессиональная установка: «Понимание себя специалистом, экспертом как залог успешности профессиональной деятельности». При всей кажущейся нелепости и (или) безобидности подобных речевых конструкций данный посыл весьма опасен, поскольку открывает неограниченные возможности для таких псевдоэкспертов и псевдоспециалистов, позволяя им игнорировать существующие профессиональные и морально-этические нормы и блокируя критичность потенциальных специалистов: «Если ты сам себя понимаешь экспертом, специалистом, значит, ты таковым и являешься; значит, ты — профессионал и делай то, что хочешь, что считаешь нужным именно ты» [7].

Как показывает практика, в том числе и единичные попытки привлечения

экспертов к уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ, такие заключения изобилуют различными псевдонаучными, «авторскими методами выявления лжи», наполнены «психологизацией» материалов дела, неверной обывательско-житейской интерпретацией эмоциональных реакций и поведенческих проявлений ребенка (подростка) в ходе проведения следственных действий и (или) предъявления им сведений и т. п. Введение в действие Перечня видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями, утвержденного Распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 года № 3214-р [8], в котором четко сказано, что судебно-психологические экспертизы по уголовным делам и при проверке сообщений о преступлениях проводятся исключительно в государственных экспертных учреждениях, изменило ситуацию, и количество судебно-психологических экспертиз в отношении несовершеннолетних потерпевших от сексуального насилия, назначаемых следствием в частные организации с подобными вопросами, значительно снизилось. Так, в 2019–2021 годах их число составляло 75 %, а в 2021–2023 годах уже произошло их количественное снижение – до 40 %.

Однако нежелание отказываться от «волшебной таблетки» через оценку экспертом-психологом «достоверности» предъявляемых несовершеннолетним потерпевшим показаний (сведений) привело к тому, что следствием стали назначаться комплексные психолого-лингвистические экспертизы видеозаписи процессуальных и непроцессуальных действий в частные организации и (или) «частным экспертам». Казалось бы, вопрос был решен распоряжением Правительства Российской Федерации от

22 марта 2023 года № 672-р¹, где отдельно обозначена и судебная комплексная психолого-лингвистическая экспертиза, проведение которой также возможно исключительно в государственных экспертных учреждениях. Но, как показали результаты нашего исследования, большинство следователей с разным опытом работы в предварительном следствии по-прежнему считают, что они вправе делегировать оценку достоверности показаний несовершеннолетнего потерпевшего эксперту-психологу – теперь уже сотруднику государственного экспертного учреждения², ставя на его разрешение вопросы, ответы на которые не имеют доказательственного значения (о наличие у несовершеннолетнего «склонности к фантазированию и внушиаемости»).

Так, из 460 опрошенных следователей Следственного комитета России за период январь – апрель 2025 года (всего 12 опросов), 43 % которых – сотрудники следствия со стажем работы более пяти лет и 57 % прошли аттестацию менее года назад, 79 % «опытных следователей» и 97 % – «молодых» считают, что ответ эксперта-психолога об отсутствии у несовершеннолетней потерпевшей от сексуального насилия повышенной склонности к фантазированию («склон-

¹ Указанным актом внесены изменения в распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 года № 3214-р «О Перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями». О психолого-лингвистической экспертизе говорится в разделе IV Перечня применительно к преступлениям, связанным с проявлением терроризма и экстремизма. При этом однородная судебно-психологическая экспертиза, действительно, по умолчанию проводится только государственными судебно-экспертными организациями, вне зависимости от вида (категории) преступления (раздел 1 Перечня). – Прим. редакционной коллегии журнала.

² Подобные вопросы («врет/не врет, «было/не было событие преступления») следователи адресуют и психологу (педагогу-психологу), участвующему в следственных действиях в соответствие со ст. 191 УПК РФ.

ности к фантазированию», «повышенной склонности к фантазированию» и «внушаемости») означает правдивость ее показаний («значит, она говорит правду», «это значит, что событие преступления было», «это и есть достоверность показаний», «не склонен к фантазированию — значит говорит правду», «событие было — говорит правду» и т. д.).

На вопрос о целесообразности допроса эксперта-психолога положительно ответили 38 % «опытных следователя» и 62 % «молодых», причем допроса относительно правдивости (ложности) показаний несовершеннолетней потерпевшей («спросить у эксперта, врет или не врет потерпевшая», «узнать у эксперта процент вероятности того, что потерпевшая врет», «врала ли она или была откровенна» и т. п.). Более того, 25 % «опытных» и 75 % «молодых» следователей из числа опрошенных считают необходимым в ходе допроса эксперта-психолога задать ему вопрос о наличии (отсутствии) самого факта события преступного деяния в отношении несовершеннолетней, исходя из оценки «фантазирования» несовершеннолетней подэкспертной (допрашиваемой) («нужно узнать у эксперта, было ли преступление», «было ли преступление с психологической точки зрения», «с применением психологических методов психолог определит и скажет, было или нет событие преступления» и т. п.). Однако подобные ожидания следователя насколько понятны, настолько и недопустимы. Ответы на такие вопросы можно рассматривать как своеобразную лакмусовую бумажку в оценке профессионализма эксперта. Так, квалифицированный эксперт-психолог не выйдет за пределы своей компетенции, рассуждая и (или) представляя ответы на вопросы о наличии самого события преступления, о достоверности (правдивости) показаний несовершеннолетнего потерпевшего (впрочем, как и любого

другого подэкспертного лица). Ответы на данные вопросы всецело относятся к компетенции правоохранительных органов. Пресловутой «волшебной таблетки» в виде каких-либо «сакральных психологических знаний», «особых методик исследования личности ребенка», проективных тестов, дающих ответы на данные ключевые для расследования вопросы, нет и быть не может. Как нет и конкретных, применимых по клише ко всем несовершеннолетним потерпевшим психологически значимых «признаков жертвы сексуального насилия». Каждый случай сложен и трагичен в своей индивидуальности, в связи с чем эксперт-психолог для решения поставленных перед ним задач должен соблюдать научную методологию проведения экспертизы исследования, отвечая на вопросы, входящие в его профессиональную компетенцию, используя весь спектр методов судебной экспертизы, включая валидные, надежные методики проведения экспериментально-психологического обследования личности несовершеннолетней потерпевшей (потерпевшего).

Проведенное исследование со всей очевидностью показало, что в настоящий период государственные эксперты оказались в ситуации необходимости выполнять свои профессиональные функции, невольно способствуя созданию искусственных доказательств: ответы на указанные вопросы трактуются правоохранительными органами в контексте достоверности (правдивости) показаний и уголовно-релевантных сведений. При этом вопросы экспертам при назначении судебно-психологической экспертизы несовершеннолетних потерпевших старше двенадцати лет, имеющие ключевое значение в части констатации сохранной способности к оказанию сопротивления виновному (наличия или отсутствия «психологически беспомощного состояния»), след-

ствием нередко игнорируются и, соответственно, экспертами не решаются.

Следует особо отметить тот факт, что в данном контексте речь может идти о квалификации действий виновного. Так, наличие у психически здоровой несовершеннолетней потерпевшей психологически беспомощного состояния, диагностированного экспертом-психологом («могла понимать характер, но не могла понимать значение совершаемых с ней действий и не могла оказывать сопротивление виновному» либо «могла понимать характер и значение совершаемых с ней действий, но не могла оказывать сопротивление виновному»), может иметь основополагающее значение для переквалификации действий виновного со ст. 134 УК РФ на ст. 131 УК РФ.

Учитывая неуклонный рост преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних при существенном увеличении и числа оговоров в совершении таких действий, на фоне сохраняющейся тенденции к популяризации в средствах массовой информации, в том числе в сети «Интернет», сексуализированных форм поведения подростков, сложившаяся ситуация подлежит немедленному разрешению в организационно-методическом контексте. В настоящее время возраст «оговариваю-

щих» существенно снизился и в среднем охватывает малолетних детей 5–12 лет, в связи с чем существенное значение для распознавания оговора имеет анализ жизненного опыта ребенка, от которого могут зависеть содержание и продуктивность его воображения, но который не всегда отражается в уголовном деле. Мотивация же оговора у несовершеннолетнего формируется под влиянием различных факторов: внешних, обусловленных влиянием ближайшего окружения и социума в целом, и внутренних, детерминируемых его личностными особенностями [9].

В этой связи считаем обязательным информирование сотрудников правоохранительных органов о порядке назначения судебно-психологической и комплексной с ней экспертизы посредством проведения на регулярной основе учебных семинаров по данной тематике с обеспечением их практическими пособиями, информационными письмами, содержащими вопросы к экспертам разных областей знаний (психологам, психиатрам, сексологам), необходимые для правильной оценки личности (в широком смысле) и состояния несовершеннолетнего потерпевшего, при расследовании так называемых «половых» преступлений.

Список источников

1. Особенности расследования преступлений с участием несовершеннолетних: допрос несовершеннолетнего, назначение судебно-психологической экспертизы : практ. пособие / Е. В. Васкэ, Е. Е. Леоненко, Е. В. Минаева, А. А. Плахина, Т. Н. Секераж. Санкт-Петербург : С.-Петербург. акад. Следственного комитета Российской Федерации, 2023. 132 с.
2. Секераж Т. Н. Судебная психологическая экспертиза информационных материалов: теория и практика : монография. Москва : Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, 2021. 406 с. URL: <https://doi.org/10.30764/978-5-91133-231-0-2021-13> (дата обращения: 15.05.2025).
3. Применение специальных психологических и лингвистических знаний при исследовании информационных материалов по делам о правонарушениях, посягающих на общественную нравственность / Д. В. Бердников, Е. В. Васкэ, В. О. Кузнецов, Т. Н. Секераж // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. № 18 (3). С. 78–94.
4. О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 22 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrif.ru/documents/own/30189/> (дата обращения: 16.01.2025).

5. Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» / С. А. Смирнова, Е. В. Макушкин, Я. А. Аснис, Е. В. Васкэ, Е. Г. Дозорцева, Ф. С. Сафуанов, С. Н. Шипиков, С. С. Шипшин, Т. Н. Секераж, Д. С. Ошевский, Д. В. Бердников, А. Н. Калинина // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (343). С. 64–73.

6. О судебной экспертизе по уголовным делам : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 : текст с изм. и доп. на 29 июня 2021 г. П. 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Васкэ Е. В. Психолог в расследовании: новые виды экспертиз, «авторские методы» в контексте актуальных и проблемных вопросов / Актуальные вопросы экспертной деятельности в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 19–20 октября 2023 года). Санкт-Петербург : С.-Петербург. акад. Следственного комитета Российской Федерации, 2024. С. 31–39.

8. О Перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 3214-р : текст с изм. и доп. на 31 окт. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Васкэ Е. В. Механизмы формирования мотивации оговора у несовершеннолетних потерпевших по уголовным делам о половых преступлениях // Криминалистъ. 2024. № 3 (48). С. 6–14.

Информация об авторе

Е. В. Васкэ – профессор кафедры управления следственной деятельности (Высшие академические курсы) Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, главный научный сотрудник Российского федерального центра судебной экспертизы имени профессора А. Р. Шляхова при Министерстве юстиции Российской Федерации, доктор психологических наук, кандидат философских наук, доцент.

Information about the author

E. V. Vaske – Professor at the Department of investigative management (Advanced Academic courses), St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Chief Researcher at the Russian Federal Center for Forensic Expertise named after Professor A. R. Shlyakhov under the Ministry of Justice of the Russian Federation, Doctor of Science (Psychology), Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.97

**ДИВЕРСИОННАЯ ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ДЕТЕРМИНАНТ**

Евгений Александрович ИГНАТЕНКО

Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры
Российской Федерации, Москва, Россия, *iea13@mail.ru*

Аннотация. Автором рассматриваются причины и условия совершения диверсионных преступлений. Акцентируется внимание на том, что детерминантами преступлений диверсионной направленности служат разнообразные по своей социальной значимости факторы — как положительные, так и отрицательные. Подчеркивается, что наиболее значимыми причинами и условиями совершения диверсионных преступлений являются негативные процессы в экономике, социальной сфере и в идеологии (духовно-нравственной составляющей) общества. Подчеркивается, что положительные процессы, связанные с научно-техническим прогрессом, способствующим быстрому обмену информацией среди населения с использованием электронных устройств и сети «Интернет», существенно повышают мобильность и конспиративность всей диверсионной деятельности. Автор приходит к выводу, что описанные в исследовании детерминанты лежат в основе формирования у граждан внутренней антигосударственной мотивации, подкрепленной стремлением повысить свой материальный достаток, что приводит к фактической готовности совершать диверсионные преступления.

Ключевые слова: диверсия, диверсионные преступления, криминологические детерминанты, преступность, индивидуальное преступное поведение

Для цитирования: Игнатенко Е. А. Диверсионная преступная деятельность: криминологический анализ некоторых детерминант // Криминалистъ. 2025. № 3 (52). С. 28 – 36.

Original article

**SUBVERSIVE CRIMINAL ACTIVITIES:
A CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF SOME DETERMINANTS**

Evgeny A. IGNATENKO

Research Institute of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
Moscow, Russia, *iea13@mail.ru*

Abstract. The author examines the causes and conditions for committing sabotage offences. Particular attention is drawn to the fact that the determinants of sabotage-oriented offences encompass a wide range of socio-significant factors — both positive and negative in nature. It is emphasized that the most important causes and conditions for facilitating sabotage offences are adverse trends in the economy, social welfare, and ideological (moral and spiritual) spheres of society. Furthermore, positive processes associated with scientific and technological advancements, particularly the rapid dissemination of information among the population via electronic devices and the Internet, substantially enhance the mobility and covert nature of subversive activities. The author comes to the conclusion that the determinants outlined in the study form the basis for

the development of internal anti-state motivation among citizens, reinforced by desires for their material well-being, which results in an actual readiness to commit acts of sabotage.

Keywords: sabotage, sabotage-oriented crimes, criminological determinants, criminality, individual criminal behavior

For citation: Ignatenko E. A. Subversive criminal activities: a criminological analysis of some determinants. Criminalist. 2025;3(52):28-36. (In Russ.).

Отечественный законодатель в процессе реформирования норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) вот уже долгие годы использует подход, согласно которому деяния наделяются признаками общественной опасности на более ранней стадии противоправной деятельности либо деятельности соучастников преступления придается самостоятельное уголовно-правовое значение. На этот счет А. И. Трахов указал, что «на содержание уголовно-правовых норм влияет политика государства в области борьбы с преступностью» [1, с. 13].

Современная действительность продемонстрировала существенное повышение общественной опасности подготовительной преступной деятельности, а также деятельности иных лиц, причастных к совершению основного преступления, не являющихся его исполнителями. С этой точки зрения с 2022 года сформирован отдельный институт диверсионных преступлений, который образовал обособленный и в то же время единый конгломерат уголовно-правовых запретов и поощрений, схожий с уже известными уголовному закону институтами преступлений террористического характера и экстремистской направленности [2].

Вместе с тем эффективное противодействие диверсионным преступлениям, которое рассматривается нами как комплекс мер, непрерывно осуществляемых органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий и органами местного самоуправления, а также физическими и юридическими лицами в рамках об-

щесоциальной, специально-криминологической и индивидуальной профилактики, воздействующих на причины и условия формирования и развития диверсионной преступности, невозможно без установления и исследования соответствующих детерминант.

Изучение причин и условий (детерминант) преступности занимает одно из центральных мест в криминологии, поскольку позволяет относительно точно определить, какие именно криминогенные факторы влияют на процесс совершения преступлений и требуют последующей нейтрализации в рамках профилактических мероприятий.

Причины преступности непосредственно порождают следствие в виде совершаемых преступлений, а условия преступности способствуют действию и развитию таких причин. Важным как для советской, так и для российской криминологии является тезис о том, что следствие может быть вызвано не одним явлением, а совокупностью ряда явлений [3, с. 98].

Необходимо также учитывать, что в различных ситуациях одни и те же причины и условия, находящиеся во внешней среде, могут никак не отражаться на поведении конкретной личности, т. е. человек может не совершить преступление, в других ситуациях, наоборот, найдут отклик у человека, у которого сформированы внутренние криминогенные мотивы, что в конечном счете спровоцирует его совершить преступление.

Как отмечает Г. Г. Шиханцов, «себлазн нарушить закон появляется из индивидуальных условий существования конкретного лица, к которым отно-

сятся: 1) микросреда, где формируется личность; 2) его личностные особенности; 3) ситуация, располагающая к конкретному преступлению» [4, с. 5]. В этой связи «никакая, даже самая экстремально-кriminогенная внешняя ситуация, никогда не может сама по себе, минуя мотивацию и вину лица, причинить преступный вред» [5, с. 71].

Поэтому любое индивидуальное преступное поведение целесообразно рассматривать как итог взаимодействия внешней социальной среды и внутренней мотивации личности преступника при постоянном и взаимном влиянии этих двух факторов друг на друга.

Важным является выявление характера связи конкретных обстоятельств с преступным поведением: каким образом эти обстоятельства в совокупности с иными факторами и в определенных ситуациях порождают преступное поведение. Установление этих взаимосвязей позволяет в конечном счете разрабатывать меры по противодействию конкретным преступлениям в конкретных обстоятельствах.

Вместе с тем справедлив Д. А. Шестаков, отметивший, что «содержание причин преступного поведения исторически меняется и варьируется в зависимости от конкретных обстоятельств» [6, с. 20].

В свою очередь, И. И. Карпец подчеркивал, что «преступность тогда дает о себе знать с особой силой, когда общество бьется в тисках экономических, социальных и политических проблем и противоречий» [7, с. 102].

Определенные кriminогенные проблемы и противоречия в развитии нашего государства существовали всегда, но они с течением времени видоизменялись, ослабевали либо, наоборот, усиливали свое действие. С точностью можно сказать, что на отдельные виды современной российской преступности воздействуют иные детерминанты, чем

на преступность советского периода и преступность 1990-х — начала 2000-х годов.

Наиболее значимые явления, продуцирующие современную российскую преступность, представлены определенными процессами (развитием либо стагнацией) в экономике, политике, социальных отношениях, правовом пространстве, организационно-управленческой сфере, идеологии (духовно-нравственной составляющей) и др., которые отдельные авторы классифицируют на функциональные и технические [8, с. 98]. Рассмотрим основные из них подробнее применительно к диверсионной преступности.

В качестве основной причины преступности вообще российские кriminологи традиционно называют противоречия в экономике [9, с. 64].

С начала 1990-х годов наша страна большими темпами стремилась реализовать комплекс реформ по построению демократического государства. Спешка в проведении столь масштабных социально-экономических преобразований, по мнению В. В. Колесникова (которое он изложил еще в 2003 году), чревата постановкой национальной безопасности нашей страны под реальную угрозу: «Если вступление в ВТО и выполнение обязательств перед ним приводит к потере национальной экономической безопасности, кому будет выгодна эта акция?!» — писал автор [6, с. 245]. Спустя годы отдельные реформы, проводимые в угоду интересам западного мира, оказали катастрофическое влияние на внутренние процессы России, значительно подорвав суверенитет нашей страны, породив социально-экономические трудности и противоречия. Отдельные граждане, оказавшись буквально на пороге выживания, сформировали свое, порой отрицательное отношение к действующей власти.

Российская Федерация, будучи включенной в международные экономические отношения, не может обеспечить полную независимость своей экономики. На ее развитие неизбежно оказывают влияние мировые кризисы.

Самым ярким примером служит объявленная Всемирной организацией здравоохранения пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Охвативший без малого весь мир смертельный вирус самым негативным образом отразился на экономике всех стран, обусловив ее рецессию [10, с. 54–63]. Данные обстоятельства не могли не сказаться на основных экономических показателях России. Как результат – существенное по сравнению с докризисным периодом снижение доходов населения, повышение уровня инфляции.

Вторая волна кризиса отечественной экономики была обусловлена беспредентными санкциями со стороны коалиции иностранных государств, которые достигли своего апогея после 24 февраля 2022 года в связи с началом проведения Российской Федерацией специальной военной операции. Как подчеркивают специалисты, «интенсивность и объем их применения не имеет прецедентов, как минимум, со времен окончания холодной войны» [11, с. 198], а «ужесточение финансовых ограничений и сокращение доступа к западным товарам приводят к повышению цен и снижению уровня жизни. Это создает дополнительные трудности для многих семей и усугубляет социальные проблемы» [12, с. 31].

Подчеркнем, что экономические детерминанты оказывают воздействие на совершение преступлений диверсионной направленности через структуру личности преступника. Так, существующие противоречия в экономической сфере обуславливают формирование у части населения стремления удовлетворить свои материальные потребности

без необходимых трудовых затрат, антиобщественным, в том числе преступным, путем. Имущественные различия наиболее отчетливо проявляют себя в современной преступности. Стремление иметь модные предметы потребления (одежду, смартфоны, электронные устройства и т. п.) при невозможности их приобретения законным путем по причине ограниченных доходов семьи нередко приводит к совершению различных преступлений. С учетом монетизации преступности диверсионной направленности такая преступная деятельность выглядит более привлекательной для отдельных представителей малообеспеченных слоев населения, а также для малолетних и несовершеннолетних.

Социальные детерминанты совершения преступлений диверсионной направленности представляют собой недостатки и противоречия в условиях жизни, труда, отдыха, быта, образования, социального и медицинского обеспечения населения. Социальные недостатки и противоречия «ускоряют или замедляют формирование негативных нравственно-психологических свойств и качеств индивидов, в результате преобладания которых они выбирают преступный способ удовлетворения своих потребностей» [13, с. 10]. К основным социальным детерминантам совершения преступлений диверсионной направленности, на наш взгляд, относятся следующие:

обострение социальных противоречий, вызванное экономическим кризисом, социальная нестабильность в обществе;

существенные различия в культурно-бытовых условиях жизни людей (снижение уровня общей культуры; несоответствие бытовых условий значительных слоев населения ожиданиям, культурным потребностям);

недостатки в обеспечении трудовых прав граждан, связанные с различиями в условиях, видах и формах труда;

недостатки и территориальные различия в обеспечении необходимого уровня и комфортных условий жизни. Особенно заметно различия проявляются по мере удаления от городов-миллионников и крупных городов и в регионах с менее развитой инфраструктурой;

ухудшение качества образования, девальвация его значения для достижения жизненного успеха, что приводит к снижению образовательного уровня, прежде всего среди подростков и молодежи. Это вызвано в том числе изменением роли современной школы, ориентированной по большей части не на передачу знаний обучающимся, а на их подготовку к сдаче различных форм аттестаций и экзаменов;

миграционные процессы, в том числе нелегальные. Въезд в Российскую Федерацию трудовых мигрантов и их семей из государств Средней Азии [14], а также увеличение количества мигрантов из Украины после начала проведения специальной военной операции, среди которых могут быть криминально настроенные лица [15, с. 2 – 4], что влечет появление малоконтролируемой прослойки общества, которую можно завербовать или иным образом склонить к совершению диверсионных преступлений. В свою очередь, выезд граждан Российской Федерации на территорию иностранных государств потенциально ставит их в опасность быть завербованными для совершения преступлений диверсионной направленности [16];

«атомизация», разобщенность членов общества, особенно в городах-миллионниках и иных крупных городах. Люди стараются не вмешиваться в конфликтные ситуации, свидетелями которых они становятся. Нередко граждане не имеют представления о том, кто их соседи, чем они занимаются. Это создает благопри-

ятные условия для сохранения в тайне процесса подготовки и совершения диверсионных преступлений;

широкое распространение современных информационных технологий. Каждый гражданин стремится приобрести мобильное устройство с возможностью выхода в сеть «Интернет», что предоставляет ему возможность общения с неограниченным кругом, как правило, незнакомых ему лиц в различных социальных сетях и в иных информационных сервисах. В историческом срезе все, что сейчас происходит в цифровом пространстве, это несомненное достижение мировой цивилизации. Но такой прогресс неизбежно оказывается на преступной деятельности, выводя ее на совершенно иной уровень подготовки и организации. В контексте нашего исследования это способствует более быстрому дистанционному подбору, вербовке и иному вовлечению граждан в диверсионную деятельность [17], использованию беспилотных летательных аппаратов при совершении диверсий, одновременно позволяя «оставаться в тени» организаторам, финансистам и иным пособникам данной преступной деятельности, а также в ряде случаев – исполнителям диверсий.

Исторически наша страна всегда подвергалась различным политическим воздействиям, направленным на подрыв государственности и общественной солидарности. В условиях экономических и социальных трансформаций, которые сегодня переживает наша страна, политическая система «наиболее подвержена влиянию на нее негативных факторов внутреннего и внешнего порядка, влекущих за собой угрозы национальной безопасности» [18, с. 18].

Политизированная информационная война – это современная реальность, с которой всецело столкнулась наша страна. Отечественные исследователи на протяжении уже долгих лет активно

изучают механизмы проведения информационных войн и однозначно подчеркивают их пагубное влияние на сознание граждан [19, с. 60–74].

Использование таких политических технологий принято называть расчеловечиванием и демонизацией противника с целью настраивания не только иностранного, но и российского общества против своих же граждан — военнослужащих, добровольцев, волонтеров и т. п., а также государственной власти и ее представителей в целом.

Например, подобное тщательно спланированное распространение заведомо клеветнической информации о якобы противоправных и аморальных действиях российских Вооруженных Сил на территории Украины подрывает авторитет власти, вызывает общественный резонанс [20, с. 27] и, как следствие, формирует готовность отдельных граждан противодействовать проводимой российским государством военной политике посредством преступлений диверсионной направленности.

Далее отметим организационно-управленческие детерминанты, способствующие совершению преступлений диверсионной направленности. Они находятся в области эффективности деятельности правоохранительных органов, которая оценивается через призму имеющихся проблем в профилактике преступности вообще и противодействии рассматриваемым преступлениям в частности.

В целом данные детерминанты связаны:

с дефицитом кадров правоохранительных структур;

с недостатками в кадровой профориентационной работе;

с проблемами реализации практико-ориентированной системы повышения квалификации;

с уменьшением авторитета прикладных правовых наук, ориентированных

на разработку мер противодействия преступности (криминологии и криминалистики).

Указанные детерминанты сказываются на формировании чувства безнаказанности у преступников-диверсантов, развитии профессионализма, рецидива и организованности преступности диверсионной направленности.

Наконец, отметим идеологические (духовно-нравственные) детерминанты, которые, на наш взгляд, оказывают существенное влияние на формирование преступной мотивации диверсантов.

Среди наиболее значимых выделим следующие:

обесценивание традиционных культурных, нравственных гуманистических ценностей [22, с. 30–34], в том числе семейных, подмена их либеральными «ценностями», нехарактерными для российского общества;

преобладание эгоистических установок и устремлений во взаимоотношениях людей;

культ собственного успеха независимо от способа и средств его достижения;

девальвация труда как основного средства удовлетворения материальных потребностей человека;

ухудшение социально-психологического климата в обществе, негативные настроения граждан, подкрепляемые внешним информационным воздействием;

недостатки в организации и проведении воспитательной работы, в том числе в образовательных организациях. Криминогенно значимая деформация ценностных ориентаций, особенно в подростково-молодежной среде, приводит к признанию допустимыми некоторых форм аморального, антиобщественного и даже преступного поведения [23, с. 137];

идеологические просчеты, которые привели к чрезмерному влиянию западной субкультуры, культу личного успеха

любой ценой, а также пропаганда криминальной субкультуры, жестокости, насилия, сексуальной распущенности (через СМИ, художественные фильмы и телесериалы, современные произведения литературы, искусства, музыкальные произведения и т. д.) [24, с. 40 – 45];

правовой нигилизм (пренебрежение правилами поведения в обществе, а также уголовно-правовыми запретами);

снижение уровня доверия к правоохранительным органам (вызвано фактами совершения отдельными сотрудниками преступлений, в том числе коррупционной направленности);

экстремистские проявления среди отдельных групп населения, прежде всего несовершеннолетних и молодежи;

попытки укоренить в российском обществе чуждые для него духовные ценности, ведущие к распаду традиционной семьи, попытки пропаганды и продвижения различных форм сексуальных отклонений (гомосексуализм и т. д.).

Как результат влияния указанных детерминант происходит несоответствие сознания и психологии граждан относительно быстро меняющейся современной реальности. Это приводит не только к их социально-психологической дезадаптации, но и, на более глубинном уровне, к изменению идеологии всего общества либо к ее утрате. Подорванная идеология влечет за собой отсутствие созидания в обществе, стабильности в его развитии, раскол и деградацию.

В завершение сделаем ключевые выводы о причинах и условиях, способствующих совершению диверсионных преступлений.

На детерминацию преступлений диверсионной направленности влияют разнообразные по своей социальной значимости факторы – как положительные, так и отрицательные. Но с точки зрения криминологической детерминации все они, безусловно, являются негативными, т. е. способствующими тому, чтобы данные преступления совершились.

С одной стороны, наиболее значимыми причинами и условиями совершения диверсионных преступлений являются негативные процессы в экономике, социальной сфере и в формировании идеологии (духовно-нравственной составляющей) общества. С другой стороны – положительные процессы, связанные с научно-техническим прогрессом, способствующим быстрому обмену информацией среди населения с использованием электронных устройств и сети «Интернет», существенно повышают мобильность и конспиративность всей диверсионной деятельности.

Описанные детерминанты лежат в основе формирования у граждан внутренней антигосударственной мотивации, подкрепленной стремлением повысить свой материальный достаток, что приводит к фактической готовности совершать диверсионные преступления.

Список источников

1. Трахов А. И. Уголовный закон в теории и судебной практике : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук / Трахов Аслан Исмайлович. Майкоп, 2002. 370 с.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1 (часть 1). Ст. 33.
3. Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Санкт-Петербург : Питер, 2002. 377 с.
4. Шиханцов Г. Г. Криминология : учеб. для вузов. Москва : Зерцало-М, 2001. 359 с.
5. Криминология : учеб. пособие / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова ; под ред. Н. Ф. Кузнецовой. Москва : Проспект, 2006. 327 с.

6. Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция отрасли криминологии / Д. А. Шестаков, П. А. Кабанов, Г. Н. Горшенков [и др.] ; под ред. Д. А. Шестакова. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. 353 с.
7. Советская криминология / отв. ред. А. А. Герцензон, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев. Москва : Юрид. лит., 1966. 319 с.
8. Дорж. Энхтур Уголовно-правовая и криминологическая характеристика отмывания денежных средств по уголовному законодательству Монголии и России : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Дорж. Энхтур Москва, 2022. 193 с.
9. Чуфаровский Ю. В. Криминология : учеб. пособие. Москва : Профобразование, 2002. 143 с.
10. Васева Г. С., Муина И. Ю. Влияние COVID-19 на экономику Российской Федерации // Умная цифровая экономика. 2022. Т. 2, № 2. С. 54 – 63.
11. Тимофеев И. Н. Политика санкций против России: новый этап // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 198 – 206.
12. Воробьева Э. Р. Влияние санкций на развитие отечественной экономики: взгляд из 2023 года // Экономика и парадигма нового времени. 2023. № 1 (18). С. 29 – 35.
13. Варыгин А. Н. Преступность сотрудников органов внутренних дел и проблемы воздействия на нее : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Варыгин Александр Николаевич. Саратов, 2003. 45 с.
14. Среднестатистический международный мигрант в России — это женатый мужчина трудоспособного возраста родом из Таджикистана (Росстат раскрыл «портрет» мигранта в России) // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/07/2024/669a2af9a7947271d418486> (дата обращения: 19.05.2025).
15. Хабибулин А. Г., Мурсалимов К. Р. Противодействие преступности в сфере миграции: правообразующие тенденции // Миграционное право. 2023. № 1. С. 2 – 4.
16. Раскрыты методы вербовки россиян сотрудниками МИ-6 // Служба внешней разведки Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.svr.gov.ru/smi/2023/05/raskryty-metody-verbovki-rossiyan-sotrudnikami-mi-6-fotosemki-i-seks.htm> (дата обращения: 19.05.2025).
17. В телефоне готовившего диверсию в Керчи украинца нашли видео энергообъекта // Медиагруппа «Звезда» : сайт. URL: <https://tvzvezda.ru/news/20234191141-eGrcv.html> (дата обращения: 20.05.2025).
18. Лиханова И. В. Дестабилизация политического процесса как угроза национальной безопасности России в контексте социальных трансформаций : специальность 23.00.02 «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии» : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Лиханова Ирина Владимировна. Москва, 2010. 25 с.
19. Тебекин А. В., Анисимов Е. Г. О фронтах гибридной войны в экономическом и геополитическом пространстве // Журнал исследований по управлению. 2020. № 5. С. 60 – 74.
20. Бугера Н. Н., Лихолетов А. А., Лихолетов Е. А. Публичное распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных сил Российской Федерации: некоторые вопросы толкования уголовного закона // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 25 – 30.
21. Глава МВД заявил о критической нехватке полицейских и следователей // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/08/2023/64d4d2629a7947695baea197> (дата обращения: 18.05.2025).
22. Сабаева С. В. Роль и место духовно-культурной (цивилизационной) безопасности в системе национальной безопасности Российской Федерации // Административное право и процесс. 2023. № 8. С. 30 – 34.
23. Противодействие организационной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии : монография / П. В. Агапов, С. А. Бажутов, А. С. Васнецова

[и др.] ; под ред. П. В. Агапова. Москва : Проспект, 2022. 192 с. (Прокуратура / Ун-т прокуратуры Российской Федерации).

24. Дрозденко С. А., Померлян А. Н. Влияние современного российского телевидения на формирование ценностей в массовом сознании народов России // Информационные технологии и информационная безопасность в профессиональной деятельности : сб. науч. ст. III межвуз. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Новосибирск, 6 февраля 2024 года. Новосибирск : Новосиб. военный ин-т им. генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2024. С. 40 – 45.

Информация об авторе

Е. А. Игнатенко – старший научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. A. Igнатенко – Senior Research Fellow at the Department of scientific support of prosecutor's supervision over the execution of laws in operational investigative activities and participation of the prosecutor in criminal proceedings of the Research Institute of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.1

**СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА ПРАВА НА ЗАЩИТУ,
РЕАЛИЗУЕМОГО В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

Александр Андреевич ЛИЧИДОВ

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, lichidov74@gmail.com*

Аннотация. Актуальность выбранной темы обусловлена значимостью такой цели уголовного судопроизводства, как защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. В статье раскрываются суть и цели права на защиту, осуществляемого на стадии возбуждения уголовного дела. Определен момент возникновения права на защиту от уголовного преследования.

Ключевые слова: право на защиту, стадия возбуждения уголовного дела, проверка сообщения о преступлении, уголовное преследование, обвинительная деятельность

Для цитирования: Личидов А. А. Сущность и значение института права на защиту, реализуемого в стадии возбуждения уголовного дела // Криминалистъ. 2025. № 3 (52). С. 37 – 41.

Original article

**ESSENCE AND SIGNIFICANCE OF THE RIGHT TO DEFENSE
AT THE STAGE OF CRIMINAL CASE INITIATION**

Alexandr A. LICHIDOV

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, lichidov74@gmail.com

Abstract. The relevance of the chosen topic is determined by the significance of such a goal of criminal proceedings as protecting individuals from unlawful and unfounded accusation, conviction, and restriction on their rights and freedoms. The article reveals the essence and goals of the right to defense at the stage of initiating a criminal case. The moment when the right to defense against criminal prosecution arises is determined.

Keywords: right to defense, stage of criminal case initiation, verification of a crime report, criminal prosecution, accusatory activity

For citation: Lichidov A. A. Essence and significance of the right to defense at the stage of criminal case initiation. Criminalist. 2025;3(52):37-41. (In Russ.).

Возбуждение уголовного дела по праву считается одной из важнейших стадий процесса, поскольку именно на этом этапе происходит предварительное познание совершенного деяния,

установление его признаков, получение первоначальных доказательств, использование которых возможно в том числе в судебной стадии производства по делу, что в совокупности определяет ценность

права на защиту, осуществляемого в стадии возбуждения уголовного дела.

Несмотря на то что определенные зачатки права на защиту, реализуемого в стадии возбуждения дела, прослеживались еще в УПК РСФСР 1960 года, возможность осуществления защиты на указанной стадии процесса нормативно была закреплена только в Федеральном законе от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Этому способствовала не столько историческая предопределенность, сколько формирование новых правовых позиций, подчеркивающих важность правового положения личности в уголовном судопроизводстве и обеспечивающих соблюдение и защиту прав граждан [1], а также стремительные изменения в сфере уголовно-правовой политики нашего государства [2].

Относительно недавние преобразования в части возможности осуществления права на защиту начиная уже со стадии проверки сообщения о преступлении обнажили проблему недостаточного изучения природы данного права. На наш взгляд, это связано с тем, что в подавляющем большинстве случаев указанное право осуществляется стороной защиты с момента приобретения лицом процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого, однако это не свидетельствует о его меньшей значимости на стадии проверки сообщения о преступлении, так как чем раньше лицо, подвергнутое преследованию, получит возможность защищаться и отстаивать свои права, тем более вероятным станет достижение одной из целей уголовного судопроизводства — исключить незаконное и необоснованное обвинение, осуждение, ограничение прав и свобод лиц, повергнутых уголовному преследованию.

Отметим, что момент возникновения права на защиту от уголовного преследования не может быть отождествлен с моментом фактического допуска адвоката к участию в процессе, поскольку в противном случае данное право утратило бы свою универсальность и, являясь при таких обстоятельствах «фрагментарным правом», было бы неспособно достичь тех целей, ради которых оно существует. Определение момента, с которого возможно осуществление права на защиту, имеет острое практическое значение, так как своевременное обеспечение данного права выступает в том числе условием, при соблюдении которого доказательства, полученные на данной стадии процесса, будут признаны допустимыми.

По мнению А. Н. Ведерникова, «право на защиту имеется не только у лица, привлеченного в качестве подозреваемого или обвиняемого (при понимании этих фигур в их процессуальном смысле), а у любого лица, совершившего преступление, которое и возникает уже с этого момента. Момент совершения преступления и момент возникновения права на защиту, таким образом, совпадают, совмещаются по времени и одновременно порождают другое» [3, с. 27]. Необходимо учитывать, что возникновение права на защиту от уголовного преследования возможно лишь в рамках уголовно-процессуальных отношений, основанием для возникновения которых не может являться факт совершения преступления в его чистом виде. Тем самым возникновение юридической возможности защищаться сопряжено с возникновением уголовно-процессуального отношения, в ином случае право как «социальный продукт» не получило бы своего проявления, а значит, не смогло бы служить на пользу людей. Противоположное мнение относительно момента возникновения права на защиту высказано

С. В. Купрейченко, который исходит из идеи соотнесения возникновения права на защиту с моментом начала обвинительной деятельности: «С момента начала обвинительной деятельности функция защиты возникает лишь в ее узком понимании как формальной возможности защиты и возникновения у участников уголовного судопроизводства вытекающих из этого прав и обязанностей, что можно рассматривать как начало реализации уголовно-процессуального института защиты» [4, с. 125]. Отмечая правильность данного подхода к определению момента возникновения права на защиту, следует подчеркнуть, что возникновение права на защиту не связано с наличием у лица формального процессуального статуса или с совершением им преступления, наоборот, возникновение указанного права зависит только от того, предприняты ли кем-либо из участников со стороны обвинения меры (процессуальные действия), направленные на осуществление уголовного преследования конкретного человека.

В некоторых ситуациях временной момент, с которого лицо может осуществлять защиту, должен быть перенесен на еще более ранний этап, когда никаких действий по уголовному преследованию со стороны органов предварительного расследования еще не предпринимается. Таковым этапом следует расценивать поступление сообщения о совершенном преступлении, но только при условии, что в таком сообщении отражена в достаточной степени конкретизированная информация, позволяющая индивидуализировать лицо, совершившее, по мнению заявителя, преступление. Обеспечение права на защиту с момента поступления или выявления информации о преступлении в отношении конкретного лица является правильным ввиду того, что подобные действия фактически инициируют обвинительную деятельность. Такая деятельность по своей

сущи и целевой направленности может быть сосредоточена только на определенном субъекте – данного мнения придерживается Н. В. Азаренок, предлагая рассматривать обвинительную деятельность в качестве строго индивидуальной [5, с. 4].

Персонифицированный характер такой деятельности проявляется в том, что она предполагает не только наличие «ответной реакции» со стороны уголовно преследуемого лица в виде использования совокупности правовых средств защиты, но и осознанное стремление к достижению определенной цели.

Выступая в качестве одного из компонентов системы, гарантирующей неприкосновенность личности и ограничивающей ее от незаконного и необоснованного уголовного преследования, институт права на защиту не может существовать бесцельно. Осуществляя субъективное право, каждый человек предполагает наступление для себя в будущем определенных последствий, правового результата, а это значит, что на одном из этапов эти последствия должны наступить и перестать существовать лишь в качестве субъективной цели в голове лица, защищающегося от преследования.

Н. С. Манова и Г. И. Сибирцев, раскрывая цель защиты, считают, что она заключается в опровержении предъявленного обвинения: «Совершенно очевидно, что основными целями защитительной деятельности являются оспаривание причастности лица к совершению преступления, опровержение обвинения (подозрения). Понятие “опровержение обвинения” включает в себя как оспаривание причастности подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления (т. е. факта совершения им преступления), так и оспаривание квалификации деяния, характера и размера причиненного вреда и иных значимых по делу об-

стоятельств» [6, с. 85]. На наш взгляд, приведенное мнение достаточно полно определяет цели защиты, в том числе применительно к стадии проверки сообщения о преступлении.

Результат, которого лицо хочет достичь в ходе защитительной деятельности, реализуемой на стадии возбуждения уголовного дела, заключается в том, чтобы «снять» любые возможные и, что немаловажно, рационально обоснованные предположения органа, осуществляющего уголовное преследование, о причастности лица к совершению преступления и предотвратить незаконное возбуждение уголовного дела. Интенции лица, осуществляющего свою защиту на стадии возбуждения уголовного дела, в некоторой степени схожи с теми задачами, на решение которых направлены нормы института проверки сообщения о преступлении.

Так, В. А. Шиплюк приходит к выводу, что в качестве одной из основных задач стадии возбуждения уголовного дела является «подтверждение либо опровержение наличия основания для возбуждения уголовного дела» [7, с. 6]. Автор, делая акцент именно на наличии либо отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела, связывает принятие решения по сообщению о преступлении именно с важностью принятия «правильного», «юридически верного» решения, которое основано на соблюдении норм права, достоверности и полноты установления фактических обстоятельств. Таким образом, право на защиту в стадии возбуждения уголовного дела призвано способствовать соблюдению принципа законности при производстве по делу. Это особенно видно в случае осуществления права на защиту посредством участия стороннего лица — адвоката. При этом стоит отметить, что ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ содержит далеко не полный перечень «юридического инструментария», используемого

адвокатом для осуществления защиты на данном этапе процессуальной деятельности, и явным недостатком здесь является отсутствие механизма информирования проверяемого лица о том, какие обстоятельства подлежат проверке. Тем самым если человек, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, не будет информирован о проверяемых обстоятельствах, то приведение доводов в свою защиту, формулирование и обоснование своей позиции окажутся невозможными. Этому способствует также слабая регламентация правового статуса лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.

Важность участия профессионального защитника в стадии возбуждения дела объяснима в первую очередь тем, что такое участие позволяет более или менее компенсировать неравенство процессуальных возможностей сторон обвинения и защиты. Выступая оппонентом обвинения, соревнуясь в вопросах установления фактов и применения права, тем самым адвокат помогает лучше разобраться в проверяемых обстоятельствах, принять правильное решение и сбыточно баланс частных и публичные интересов.

Одним из примеров пренебрежения возможностью воспользоваться услугами защитника служат материалы уголовного дела № 10-3228/2021 в отношении Б., обвиняемого по ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Рассматривая указанное уголовное дело в апелляционной инстанции, суд пришел к выводу о недопустимости одного из доказательств, полученных на стадии проверки сообщения о преступлении и использованных при доказывании вины подсудимого, — видеозаписи, на которой зафиксировано признание осужденного в совершении преступления. Данное решение суд мотивировал тем, что запись была получена без участия адвоката, а фактически задержан-

ному Б. не были разъяснены его права, в том числе гарантированные ст. 51 Конституции Российской Федерации. Важно указать, что осужденный в ходе рассмотрения дела неоднократно заявлял, что сотрудники полиции убедили его признаться в совершении преступления¹.

В завершение следует вспомнить слова Дж. С. Милля, что власть всегда «считалась необходимым, но и весьма опасным оружием, которое можно обратить

как против внешнего врага, так и против подданных» [8, с. 1]. Безусловно, столь опасное оружие, формой которого может выступать уголовное преследование, нуждается в ограничении. В этой связи право на защиту следует расценивать в качестве важнейшего механизма, который служит гарантией соблюдения идей законности и справедливости в стадии возбуждения уголовного дела.

Список источников

1. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Голубко Олеся. Владимир Путин: Необходимо отказаться от презумпции виновности и обвинительного уклона в правоохранительной и судебной практике. 12 декабря 2012 г. // Вечерняя Москва : сайт. URL: <https://vm.ru/news/12/11/23-vladimir-putin-neobhodimo-otkazatsya-ot-prezumpcii-vinovnosti-v-practike> (дата обращения: 17.05.2025).
3. Ведерников А. Н. Конституция Российской Федерации и сущность права на защиту в уголовном судопроизводстве // Право и управление. XXI век. 2008. № 4 (9). С. 23–30.
4. Куприченко С. В. Осуществление защиты как обязательный признак возникновения у адвоката статуса защитника в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 4. С. 124–132.
5. Азаренок Н. В. Современный взгляд на вопрос, является ли возбуждение уголовного дела проявлением уголовного преследования // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Омск, 13 ноября 2018 года / Омская академия М-ва внутренних дел Российской Федерации. Омск : Омская акад. МВД России, 2019. С. 3–7.
6. Манова Н. С., Сибирцев Г. И. Сущность и цели уголовно-процессуальной защиты // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 11 (75). С. 78–87.
7. Возбуждение уголовного дела. Уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты : учеб. пособие / Е. В. Валласк, М. А. Григорьева, Н. А. Данилова [и др.]. Санкт-Петербург : С.-Петербург. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2011. 276 с.
8. Миль Д. С. О свободе : электрон. ресурс. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Mill.O svobode.pdf> (дата обращения: 10.04.2025).

Информация об авторе

A. A. Личидов – аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

A. A. Lichidov – Postgraduate Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

---

¹ Уголовное дело № 10-3228/2021 // Архив Ленинского районного суда г. Челябинска.

Научная статья
УДК 343.14

**ВОЗМОЖНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМЫ
ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ
НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

Ирина Александровна МАКЕЕВА

Второй следственный отдел второго следственного управления (с дислокацией в городе Санкт-Петербурге) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, irinamakeeva1992@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена возможность внедрения системы веб-конференции в уголовном процессе на стадии предварительного расследования. Целью исследования является обозначение проблем, выявленных при применении нормы ст. 189.1 УПК РФ, решение которых в совокупности позволит использовать на досудебных стадиях уголовного судопроизводства системы и видео-конференц-связи (ВКС), и веб-конференции.

Ключевые слова: уголовный процесс, видео-конференц-связь, веб-конференция, следственные действия

Для цитирования: Макеева И. А. Возможности внедрения системы веб-конференции в уголовном процессе на стадии предварительного расследования // Криминалистъ. 2025. № 3 (52). С. 42 – 47.

Original article

**OPPORTUNITIES FOR IMPLEMENTING WEB-CONFERENCING SYSTEM
IN CRIMINAL PROCEEDINGS AT THE PRELIMINARY INVESTIGATION STAGE**

Irina A. MAKEEVA

The Second Investigative Department of the Second Investigative Division (based in St. Petersburg) of the Main Investigative Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, irinamakeeva1992@yandex.ru

Abstract. The article examines the opportunity for implementing web-conferencing system in criminal proceedings at the preliminary investigation stage. The purpose of the study is to outline existing challenges related to the application of Article 189.1 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, and to propose solutions that enable the effective use of both videoconferencing (VCS) and web-conferencing systems at the pre-trial stages of criminal proceedings.

Keywords: criminal procedure, videoconferencing, web-conferencing, investigative actions

For citation: Makeeva I. A. Opportunities for implementing web-conferencing system in criminal proceedings at the preliminary investigation stage. Criminalist. 2025;3(52):42-47. (In Russ.).

В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство предполагает производство следственных дей-

ствий дистанционно только в одном формате – с использованием систем видео-конференц-связи (далее – ВКС).

© Макеева И. А., 2025

Легального определения данной технологии ни Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), ни Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, ни Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации не содержат, однако еще 28 декабря 2015 года Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации в приказе № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» ВКС обозначена как способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеинформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами [1].

На наш взгляд, если затрагивать только сущность данного процесса, то в широком смысле к данным технологиям можно отнести любые средства связи, которые предполагают возможность одновременной передачи аудио- и видеосигнала и осуществление таким образом связи между абонентами.

В 2020 году в связи с пандемией COVID-19 Верховным Судом Российской Федерации введен термин «веб-конференция». Веб-конференция отграничена от видео-конференц-связи по способу передачи данных: видео-конференц-связь – передача данных по гарантированным каналам связи, а веб-конференция предполагает передачу данных через Интернет, т. е. по негарантированным каналам связи [2]. Затем 30 декабря 2021 года термин «веб-конференция» появился в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации и в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации [3].

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации и законодатель затронули техническую часть данного вопроса, тем самым придав приведен-

ным терминам более узкий смысл, и, несмотря на то что в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации термин «веб-конференция» отсутствует, с учетом высказанного правоприменитель не может по своему усмотрению наделять эти термины иным, более удобным для целей следственного действия значением.

При этом полагаем, что допущение производства следственного действия посредством веб-конференции решало бы проблемы отсутствия систем ВКС в следственных органах, а также отдаленности следственного управления, в котором установлена система ВКС, от территориальных следственных отделов. Следователь мог бы использовать имеющиеся у него рабочие средства связи (компьютер, ноутбук, смартфон), поскольку отсутствуют какие-либо препятствия для использования общедоступных программ. Кроме того, такие изменения представляются наиболее обоснованными для производства следственного действия с его участником напрямую, без участия второго должностного лица.

Отметим, что веб-конференция в гражданском и арбитражном процессе не предполагает осуществления обычных видеозвонков через Интернет (хотя именно в данных процессах в период пандемии в судебных заседаниях использовали Skype для обеспечения гражданам доступа к правосудию). Для подключения к такой системе в любом случае требуется специальное оборудование, так как идентификация личности происходит по учетной записи, подтвержденной в единой системе идентификации и аутентификации ЕСИА, через систему «Мой арбитр» и «Картотека арбитражных дел» (для арбитражного процесса)¹.

---

¹ См., напр.: Проведение судебных заседаний с использованием системы веб-конференции // Второй арбитражный апелляционного суд : сайт. URL: <https://2aas.arbitr>.

Мы полагаем, что с учетом медленного внедрения в следственных органах различных технических средств для эффективного применения веб-конференции на досудебных стадиях процесса производства следственного действия должен быть упрощен путем предоставления следователям и дознавателям возможности использовать рабочие технические средства, осуществляя связь посредством общедоступных приложений.

Указанному предложению корреспондируют данные проведенного автором настоящего исследования в 2024 году анкетирования 124 следователей Следственного комитета Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации в 37 субъектах Российской Федерации. Согласно данным анкетирования, к настоящему времени 81 % опрошенных следователей следственные действия с использованием систем ВКС не производили, 11 % опрошенных производили следственные действия с использованием систем ВКС от 1 до 5 раз, а более 5 раз – только 3 %.

При этом 48 % опрошенных следователей отметили, что одной из причин неиспользования систем ВКС при производстве следственных действий является указание в ст. 189.1 УПК РФ на необходимость использования систем ВКС только государственных органов без возможности использования рабочих компьютеров, смартфонов и т. д., а 24 % обратили внимание на наличие систем ВКС только в региональном управлении следственного органа и его удаленность от территориального следственного органа, в котором работает следователь¹.

Главные проблемы, которые могут возникнуть при такой конструкции, – [ru/deloproizvodstvo/provedenie-sudebnyh-zasedaniy-s-ispolzovaniem-sistemy-veb-konferencii?ysclid=lxxy0m3lh755715009](http://deloproizvodstvo/provedenie-sudebnyh-zasedaniy-s-ispolzovaniem-sistemy-veb-konferencii?ysclid=lxxy0m3lh755715009) (дата обращения: 22.04.2025)

¹ Результаты анкетирования следователей Следственного комитета Российской Федерации и МВД России в 2024 году (архив автора исследования).

это идентификация личности лица, участие которого в следственном действии признано необходимым (участник следственного действия), фиксация произведенного следственного действия и информационная безопасность данного процесса.

Так, вопрос идентификации личности может возникнуть при условии производства следственного действия с участием напрямую. При таком варианте идентификация личности участника по паспорту, предъявляемому в видеокамеру применяемого технического устройства, представляется крайне ненадежной. Кроме того, вызывает опасение гипотетическая возможность использования участником следственного действия различных технологий по замене лица или голоса и, следовательно, невозможность в действительности установить личность допрашиваемого.

Вместе с тем в реальности, на наш взгляд, такая вероятность крайне мала, поскольку для использования соответствующих технологий участнику следственного действия нужно будет выполнить ряд действий, которые требуют и достаточно большого количества времени, и определенных технических навыков, кроме того, следует найти лицо и подготовить его для дачи показаний следователю.

В связи с тем что такое следственное действие не предполагает получения протокола с «живой» подписью участника следственного действия по его окончании, больше опасений вызывает возможность участия в нем другого лица без использования каких-либо подобных технологий, при условии, что следователь до этого следственных действий с лицом не производил и никогда его не видел. При этом допрашиваемое лицо также может усомниться в том, что в действительности разговаривает со следователем.

В данном случае мы рекомендуем следователю предварительно получить копии документов, удостоверяющих личность участника следственного действия, до его производства, например, через подразделения УВМ МВД России. Кроме того, полагаем, что необходимо законодательное разумное ограничение производства таких следственных действий. Так, можно предусмотреть, что производство данных следственных действий без участия второго должностного лица, в отсутствие должностных лиц по месту нахождения участника следственного действия, не допускается, если ранее с данным лицом следственные действия не производились в обычном порядке.

Также при отсутствии следователя, которому надлежит организовать производство следственного действия, как это предусмотрено в настоящее время ст. 189.1 УПК РФ, возникнет проблема фиксации такого следственного действия. В настоящее время порядок фиксации следственных действий с использованием систем ВКС в соответствии со ст. 189.1 УПК РФ предусматривает получение подписки о разъяснении участнику следственного действия прав, обязанностей и ответственности следователем по месту нахождения участника следственного действия, при этом протокол составляется следователем, инициировавшим следственное действие. Протокол оглашается участнику следственного действия, находящемуся вне места расследования, подписание им протокола не требуется. В вышеназванной подписке также фиксируется запись об оглашении протокола следственного действия.

В случае производства следственного действия с использованием веб-конференции без участия второго должностного лица подпись получить будет некому. Подпись гипотетически может быть передана самостоятельно участ-

ником следственного действия в следственный орган, однако такой вариант априори является ненадежным.

Вместе с тем полагаем, что данному документу придается преувеличенное значение для целей следственного действия. Так, наличие подписки является способом фиксации разъяснения участнику следственного действия его прав, обязанностей и ответственности, при этом целью должно быть не получение подписки как таковой, а разъяснение лицу соответствующих положений закона. В случае наличия видеозаписи проверить фактическое разъяснение данных положений не является затруднительным.

Представляется, что при такой конструкции следственного действия, менее строгих требованиях к протокольному способу фиксации следственного действия, отсутствие видеозаписи должно служить безусловным основанием для признания данного доказательства недопустимым.

Поскольку мы полагаем возможным производство следственного действия с использованием собственных технических средств должностных лиц и участников следственных действий, а также общедоступных приложений, возникает вопрос, какие именно программы и приложения можно использовать при производстве следственных действий посредством системы веб-конференции.

В науке, как правило, высказываются резко негативные оценки возможности использования негарантированных каналов связи. Так, П. А. Самсонов объясняет имеющееся в ст. 189.1 УПК РФ требование о применении систем ВКС исключительно государственных органов целью осуществления защищенного дистанционного соединения, при этом настаивает на закреплении процессуальной обязанности следователя соблюдать требование защищенного соединения [4, с. 51 – 52]. Е. С. Тютерева указывает,

что риски разглашения государственной или иной охраняемой законом тайны должны учитываться следователем исходя из материалов уголовного дела, однако любое следственное и иное процессуальное действие, реализуемое дистанционно, должно происходить только по защищенным каналам связи с использованием средств криптографической защиты информации [5, с. 67].

Использование мессенджеров типа Skype, WhatsApp, Telegram и т. п. может показаться небезопасным, поскольку имеются сомнения в конфиденциальности сведений, переданных по данным каналам связи (приложения относятся к иностранному программному обеспечению).

Однако в настоящее время существуют мессенджеры российского производства, которые хотя пока и не являются широко распространенными среди граждан, однако подходят для целей таких следственных действий, например «Труконф», «МТС Линк Вебинары», «Яндекс.Телемост» и т. д.¹ При этом не исключено, что проблемы с использованием данных приложений могут возникнуть для следователя. С учетом участившихся случаев телефонного мошенничества довольно сложно будет убедить лицо, с чьим участием должно производиться следственное действие, в необходимости участия в следственном действии с производством видеосъемки через незнакомый данному лицу мессенджер.

Кроме того, следует отметить, что для обеспечения информационной безопасности в ходе следственного действия с учетом имеющихся в настоящее время средств, не требующих значительных финансовых вложений, необходимо соблюдение следователями несложных правил, например: осуществление виде-

озвонков только на рабочих технических средствах, обеспеченных антивирусной защитой, своевременное обновление данных систем, использование этих технических средств только для производства следственных действий, без посещения подозрительных сайтов и открытия писем электронной почты, полученных из неизвестных источников.

При этом мы соглашаемся с А. В. Кацаниным, А. Б. Козыревым, Н. А. Курносовой и Д. В. Маловым, которые полагают, что «избыточные и не вполне обоснованные требования к защите информации при использовании системы веб-конференции по отношению к участникам судебных процессов (например, шифрование данных, передача их исключительно по закрытым ведомственным каналам, создание изолированных „доверенных кабинетов“ и т. п.) способны полностью дезавуировать преимущества дистанционного правосудия» [5, с. 8].

Каждое следственное действие и каждая ситуация, при которой оно производится, являются индивидуальными, что должно быть учтено при подготовке к производству следственного действия. Следователю, планирующему производство следственного действия, известно, производились ли с данным лицом следственные действия ранее лично, каково было поведение данного лица; насколько важны для дела показания конкретного лица (если речь идет о допросе); есть ли опасения относительно противодействия со стороны допрашиваемого.

Таким образом, при наличии каких-либо сомнений в конфиденциальности при использовании вышеназванных программ либо если планируется первое следственное действие с данным лицом, в связи с чем тактически может быть необходим исключительно личный контакт, то следователь всегда может отказаться от производства следственного действия дистанционно либо может

¹ См., напр.: Аналоги Zoom: 15 сервисов для видеоконференций // Труконф : сайт. URL: <https://trueconf.ru/blog/reviews/analogi-zoom.html> (дата обращения: 22.04.2025).

проводить следственное действие с привлечением второго должностного лица.

При этом каких-либо препятствий для производства следственного действия в таком формате не имеется, если названные опасения отсутствуют, с участником следственного действия наложен контакт, с ним ранее лично производились следственные действия.

Подводя итог, полагаем необходимым отметить, что производство следственного действия с использованием данных

технических средств в широком смысле является исключительным случаем, т. е. предпочтительнее производство следственного действия следователем лично с участником процесса, однако для более эффективного расследования, в случае наличия такой необходимости, уголовно-процессуальным законодательством правоприменителям должна быть предоставлена возможность выбора способа производства следственного действия, к которому в том числе относится использование веб-конференции.

Список источников

1. Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний : Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2015 г. № 401 : текст с изм. и доп. на 30 дек. 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Веб-конференция в Верховном Суде Российской Федерации : Информация Верховного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Самсонов П. А. Дистанционное участие в досудебном уголовном судопроизводстве: правовое регулирование и правоприменение : специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» : дис. ...канд. юрид. наук / Самсонов Павел Александрович. Москва, 2024. 254 с.
5. Тютерева Ю. С. Дистанционный порядок производства по уголовному делу : специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» : дис. ...канд. юрид. наук / Тютерева Юлия Сергеевна. Москва, 2024. 263 с.
6. Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы. Россия и мир : аналит. доклад / А. В. Кашанин, А. Б. Козырева, Н. А. Курносова, Д. В. Малов ; Центр развития современного права. Москва, 2020. 81 с. URL: <https://ilr.hse.ru/data/2020/07/14/1597449494/Информационные%20технологии%20правосудии.pdf> (дата обращения: 24.04.2025).

Информация об авторе

I. A. Макеева – старший следователь второго следственного отдела второго следственного управления (с дислокацией в городе Санкт-Петербурге) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации.

Information about the author

I. A. Makeeva – Senior Investigator of the Second Investigative Department of the Second Investigative Division (based in St. Petersburg) of the Main Investigative Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343

**УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ:
ГРЯДУЩИЕ ВЫЗОВЫ И НЕОБХОДИМЫЕ ИНИЦИАТИВЫ**

Андрей Викторович РЕЗЦОВ

*Управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Северо-Западному
федеральному округу, Санкт-Петербург, reztssov.a.v@599.mailop.ru*

Аннотация. В условиях цифровизации общества все большую актуальность приобретает сохранность персональных данных. Эти данные используются для совершения кибермошенничества с применением социальной инженерии. В статье на примерах из практики прокурорского надзора демонстрируются недостатки организации защиты персональных данных и пути их преодоления.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные технологии, мошенничество, персональные данные, социальная инженерия, профилактика преступлений

Для цитирования: Резцов А. В. Условия совершения преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: грядущие вызовы и необходимые инициативы // Криминалистъ. 2025. № 3 (52). С. 48 – 54.

Original article

**CONDITIONS FOR COMMITTING CRIMES IN THE SPHERE
OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES:
EMERGING CHALLENGES AND NECESSARY INITIATIVES**

Andrey V. REZTSOV

*Department of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation
for the North-Western Federal District, reztssov.a.v@599.mailop.ru*

Abstract. In the context of the digitalization of society, the protection of personal data is becoming increasingly relevant. Such data are used to commit cyber fraud involving social engineering. Based on practical examples from prosecutorial supervision, the article demonstrates existing deficiencies in the organization of personal data protection and outlines ways to overcome them.

Keywords: information and telecommunication technologies, fraud, personal data, social engineering, crime prevention

For citation: Reztssov A. V. Conditions for committing crimes in the sphere of information and telecommunication technologies: emerging challenges and necessary initiatives. Criminalist. 2025;3(52):48-54. (In Russ.).

Противодействие преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий и компьютерной

информации (далее – ИТТ) сегодня является одним из наиболее важных и актуальных вопросов.

© Резцов А. В., 2025

Данные открытого доступа о зарегистрированных в России преступлениях за январь – март текущего года подтверждают серьезность подобного утверждения. За указанный период преступления в сфере ИТТ составили почти 39 % от общего количества зарегистрированных преступлений и почти четверть – преступлений экономической направленности. С помощью ИТТ совершено подавляющее большинство – 84,5 % – всех мошенничеств, предусмотренных ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1]. Причины такого положения дел очевидны. Удаленность, зачастую нахождение за рубежом гарантирует преступникам защиту от оперативной фиксации и документирования противоправной деятельности, а использование специального программного обеспечения дает им возможность избежать идентификации, необходимого условия уголовного следования.

Для удаленного хищения денежных средств мошенническим путем применяются методы социальной инженерии. Они заключаются в управлении действиями потерпевшего с использованием присущих последнему слабостей. Для этого при подготовке данных преступлений незаконно получается, а затем используется закрытая информация о потерпевшем или информация, которая представляет для него большую ценность. Такой информацией, в частности, являются персональные данные граждан Российской Федерации, размещаемые для нелегального использования в противоправных целях в телеграмм-каналах или так называемом «Даркнете», скрытом от общего доступа сегменте сети «Интернет», использующем технологии шифрования и доступном только доверенным участникам.

По отдельным оценкам, в конце 2021 года в «Даркнете» циркулировало бо-

лее 20 тысяч баз данных, содержащих персональные данные 80 % населения России. Основными источниками утечек назывались не только злоумышленники, но и сотрудники компаний, продававшие или отдававшие бесплатно конфиденциальные данные своих клиентов [2].

Рост количества дистанционных хищений, совершенных способами социальной инженерии, и одновременный отказ от иных способов, например использования вирусного программного обеспечения, отмечался экспертами в области противодействия киберпреступлениям еще в 2023 году [3, с. 189]. Тогда же констатировался сравнительно небольшой ущерб от утечек конфиденциальных данных, что связывалось с причастностью к ним так называемых хактивистов, не ищащих финансовой или иной выгоды, а привлекающих внимание к социальным, политическим и другим вопросам с помощью кибератак [3, с. 192]. В настоящее время продажа персональных данных стала одним из распространенных способов нелегального заработка [4], а наличие таких данных в распоряжении преступника – обязательным условием подготовки и совершения дистанционного хищения денежных средств.

На состоявшемся в мае текущего года XIII Петербургском международном юридическом форуме «Право: уроки прошлого для мира будущего» традиционно широко рассматривались вопросы развития цифровых технологий в области права, государственного управления и экономики [5]. В завершение дискуссии «Актуальные проблемы борьбы с международной киберпреступностью», состоявшейся 20 мая 2025 года, ее модератор Станислав Кузнецов, заместитель Председателя Правления ПАО «Сбербанк», обозначил одно из возможных направлений развития ИТТ-преступности. В частности, он сказал: «...скорее всего,

киберпреступность начнет как ... из сообщающегося сосуда переходить в государственные организации и ведомства, которые сегодня имеют значительно другой уровень защиты. И Вы абсолютно правильно подняли вопрос, и сегодня мы еще можем успеть выстроить определенные инструменты, заслоны для того, чтобы не иметь какого-то колоссального ущерба. Сегодня у нас есть еще на это время» [6].

Следует отметить, что органы прокуратуры не только могут, но и должны действовать на предупреждение данной угрозы. Соответствующая работа ими уже активно ведется.

Практически одновременно с упомянутым выступлением С. К. Кузнецова, на следующий день, 21 мая 2025 года, в сети «Интернет» на открытом контуре специального программного обеспечения Единый портал прокуратуры Российской Федерации появилась информация о результатах проверки управлением Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Северо-Западному федеральному округу исполнения законодательства о персональных данных и защите информации в территориальных подразделениях федеральных органов государственной власти окружного уровня [7].

Как показало проведенное надзорное мероприятие, надлежащие меры по организации защиты и обработки персональных данных принимались не всегда. В этой связи с целью устранения выявленных нарушений закона заместителем Генерального прокурора Российской Федерации А. Ю. Захаровым внесены представления руководителям территориальных подразделений органов государственной власти. По результатам их рассмотрения приняты меры к приведению работы на данном направлении в соответствие с требованиями закона.

Выявленные нарушения закона, начиная с отсутствия необходимых орга-

низационно-распорядительных документов, ненадлежащего исполнения должностными лицами положений закона и изданных в соответствии с ним нормативно-правовых актов и заканчивая отсутствием необходимого материально-технического обеспечения для сохранности информации, содержащей персональные данные, относились ко всем сферам деятельности органов власти.

Комплекс мер, предусмотренных ст. 18.1 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 года) «О персональных данных» (далее – Закон № 152-ФЗ)¹, по обеспечению выполнения операторами обязанностей, предусмотренных данным Федеральным законом, реализовывался не в полном объеме.

В частности, формально были изданы приказы о назначении ответственных должностных лиц за организацию обработки персональных данных, но соответствующие должностные регламенты или инструкции не разработаны и не утверждены либо действующие должностные регламенты на протяжении продолжительного времени не дополнялись соответствующими обязанностями. Распределение функций осуществлялось в отсутствие локальных актов, что не соответствует ст. 47 Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 года) «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Кроме того, служащие, непосредственно осуществляющие обработку персональных данных, оказались не ознакомлены работодателем с соответствующими положениями законодательства Российской Федерации.

В нарушение требований подп. «б» п. 1 Перечня мер, направленных на обе-

¹Здесь и далее, если не оговорено иное, нормативно-правовые акты приводятся по справ.-правовой системе «КонсультантПлюс».

спечение выполнения обязанностей, предусмотренных Федеральным законом «О персональных данных» и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами, операторами, являющимися государственными или муниципальными органами, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 марта 2012 года № 211 (ред. от 15 апреля 2019 года), сведения об эксплуатируемых информационных системах персональных данных не вносились в соответствующий перечень. В нарушение ч. 7 ст. 22 Закона № 152-ФЗ обязательные сведения, в том числе о лицах, ответственных за организацию обработки персональных данных, в реестре операторов персональных данных актуализировались несвоевременно.

Оказались не разработаны и не утверждены подлежащие опубликованию на официальном сайте государственного органа документы, определяющие политику в отношении обработки персональных данных, включающую в себя в том числе цели их сбора, правовые основания обработки, объем и категории обрабатываемых персональных данных, категории субъектов персональных данных, порядок и условия обработки персональных данных, их актуализацию, исправление, удаление и уничтожение, ответы на запросы о доступе к персональным данным.

Не везде проводилась обязательная оценка вреда, который может быть причинен субъектам персональных данных в случае нарушения положений Закона № 152-ФЗ. Требования к такой оценке утверждены Приказом Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 27 октября 2022 года № 178. Он связывает степень возможного вреда с характеристиками обрабатываемых персональных данных. Например, степень возможного вреда будет счи-

таться высокой, если обрабатываются используемые для установления личности биометрические персональные данные, специальные категории персональных данных о расовой, национальной принадлежности, политических взглядах, религиозных или философских убеждениях, состоянии здоровья, интимной жизни. Это требует от оператора принятия адекватных мер по обеспечению должного уровня защиты данных и недопущению нарушения требований закона.

Выявлены факты, когда в нарушение п. 4 ч. 1 ст. 18.1 Закона № 152-ФЗ не осуществлялся внутренний контроль соответствия обработки персональных данных указанному Закону и ведомственным нормативным актам. В ряде случаев осуществляющая соответствующие проверки комиссия отсутствовала, как и ежегодный план проверок внутреннего контроля, а при их наличии мероприятия носили крайне формальный характер. В частности, в одном из государственных органов при установленной периодичности контрольных мероприятий от одного раза в месяц до одного раза в год последнее проведено в мае 2022 года, а из восемнадцати мероприятий, предусмотренных перечнем мероприятий по контролю за обеспечением безопасности персональных данных, выполнено лишь пять.

Не всегда принимались предусмотренные ст. 19 Закона № 152-ФЗ меры по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке. Например, через незащищенную электронную почту в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» направлялись запросы с приложением копий дипломов, содержащих персональные данные работников. Рабочие помещения не в полной мере обеспечивались техническими средствами сохранности персональных данных, что могло

повлечь их утрату или утечку. Так, не обеспечивалось хранение ключей электронных подписей в шкафах, ящиках или индивидуальных хранилищах, что допускало бесконтрольный доступ или непреднамеренное уничтожение. Отсутствовал журнал учета конкретных носителей, на которых осуществляется обработка и хранение персональных данных.

Перечисленные нарушения стали возможны в том числе ввиду ненадлежащего выполнения обрабатывающими персональные данные операторами обязанностей по проведению не реже чем раз в три года оценки эффективности реализованных мер по обеспечению безопасности персональных данных, предусмотренной Приказом Федеральной службы по техническому и экспортному контролю от 18 февраля 2013 года № 21 (ред. от 14 июля 2020 года). Данный Приказ издан в соответствии с ч. 4 ст. 19 Закона № 152-ФЗ.

Должностными лицами государственных органов приняты меры к устраниению указанных нарушений, изданы необходимые локальные правовые акты, инициированы размещение информации на интернет-сайте органа государственной власти федерального уровня и приобретение необходимых технических средств защиты, таких как индивидуальные хранилища электронных подписей, одноразовые номерные саморазрушающиеся пломбы-наклейки.

Но внесением актов прокурорского реагирования все не ограничилось. Несмотря на то что Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 (ред. от 3 февраля 2025 года) «О прокуратуре Российской Федерации» не упоминает профилактику преступлений и правонарушений, это направление деятельности является одним из приоритетных для прокуроров.

Федеральным законом от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 года) «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» органы прокуратуры отнесены к субъектам данной деятельности. Они осуществляют профилактику правонарушений, обеспечивая надзор, в частности, за исполнением законов федеральными органами исполнительной власти и их должностными лицами. При этом прокуроры обладают полномочиями субъекта профилактики правонарушений в пределах своей компетенции. Одной из форм профилактического воздействия являются правовое просвещение и правовое информирование, заключающееся в доведении мерами в том числе методического характера информации, направленной на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, общества и государства от противоправных посягательств.

С целью обеспечения недопущения аналогичных недостатков в сфере работы с персональными данными и их предупреждения руководителю каждого из поднадзорных органов начальником управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Северо-Западному федеральному округу Н. Е. Солнышкиной предложено предоставить имеющиеся вопросы о возникающих в практической деятельности сложностях, противоречиях и неясностях при применении законодательства о персональных данных. Собранные таким образом материалы были переданы для изучения в Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Северо-Западному федеральному округу. На основании проведенного обобщения на базе управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Северо-За-

падному федеральному округу проведен учебно-тематический семинар с участием руководителей поднадзорных территориальных органов власти. На семинаре должностные лица Управления Роскомнадзора по округу еще раз довели до участников требования законодательства о персональных данных и защите информации, дали исчерпывающие ответы на проблемные вопросы применения отдельных положений закона и изданных в соответствии с ним нормативно-правовых актов. Таким образом, в дополнение к внесенным актам реагирования для обеспечения неукоснительного соблюдения закона были приняты меры профилактического характера.

Проведенный анализ выявленных нарушений демонстрирует наличие широкого спектра недостатков, носящих в том числе организационный характер. Это указывает на определенную степень уязвимости персональных данных, операторами которых являются структурные подразделения органов государственной власти различной ведомственной принадлежности. Вместе с тем данное

обстоятельство отнюдь не свидетельствует о том, что неприкосновенность этих данных в целом обеспечена хуже, чем в негосударственных организациях. Уделяемое надзорным ведомством внимание к соблюдению требований законодательства о персональных данных в перспективе обеспечит сохранность последних и невозможность нелегального доступа к ним. В свою очередь, сокращение объема доступных для противоправного использования персональных данных сделает невозможным использование методов социальной инженерии при подготовке и совершении столь распространенных в настоящее время удаленных хищений денежных средств у граждан. Для этого деятельность прокуроров по обеспечению соблюдения законодательства о персональных данных должна носить постоянный, системный, комплексный характер, как при проведении проверок, так и при выборе принимаемых мер по устранению нарушений с точки зрения наибольшей эффективности.

Список источников

1. Состояние преступности в России за январь – март 2025 года : сборник // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://xn--blaew.xn--p1ai/reports/item/64450541> (дата обращения: 01.05.2025).
2. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 502113-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8> (дата обращения: 29.05.2025).
3. Резцов А. В. Противодействие дистанционному хищению денежных средств: обмен опытом, оценки и тенденции // Уголовное право России: состояние и перспективы (преступления, совершаемые с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») : материалы IX науч.-практ. конф. «Волженкинские чтения» / С.-Петербург. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации. Санкт-Петербург : СПб ЮИ (ф) УП РФ, 2024. Текст : электронный.
4. Голубкова М. В Петербурге работник салона сотовой связи торговал данными клиентов // Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/2025/02/18/reg-szfo/v-peterburge-rabotnik-salona-sotovoj-sviazi-torgoval-dannymi-klientov.html> (дата обращения: 29.05.2025).

5. XIII Петербургский международный юридический форум : сайт. URL: <https://legalforum.info/about/> (дата обращения: 25.05.2025).

6. Актуальные проблемы борьбы с международной киберпреступностью : 20.05.2025. 09:30 – 11.00 // XIII Петербургский международный юридический форум : сайт. URL: <https://legalforum.info/programme/business-programme/7735/> (дата обращения: 24.05.2025).

7. Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации Алексей Захаров потребовал от руководителей действующих в Северо-Западном федеральном округе территориальных подразделений федеральных государственных органов принять меры к исполнению законодательства о персональных данных и защите информации // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_szfo/mass-media/news?item=103845881 (дата обращения: 22.05.2025).

Информация об авторе

А. В. Резцов – прокурор отдела управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Северо-Западному федеральному округу.

Information about the author

A. V. Reztsov – Prosecutor, Department of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation for the North-Western Federal District.

Научная статья
УДК 343.3/.7

**РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРОПАГАНДЕ И ДЕМОНСТРАЦИИ
ЗАПРЕЩЕННОЙ АТРИБУТИКИ И СИМВОЛИКИ**

Карина Олеговна РУСИНОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, karina_ru@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития отечественного законодательства в области противодействия пропаганде и демонстрации атрибутики и символики запрещенных организаций. Акцентируется внимание на предпосылках, обусловивших эволюционирование правовых норм, а также на поэтапном ужесточении ответственности за подобные деяния.

В исследовании выделены ключевые периоды становления законодательства в рассматриваемой сфере. Отмечено, что, несмотря на значительный прогресс, требуется дальнейшая его оптимизация, включая уточнение понятийного аппарата, дифференциацию ответственности и др.

Ключевые слова: пропаганда, демонстрация, символика, атрибутика, идеология, экстремизм, нацизм, дискриминация

Для цитирования: Русинова К. О. Развитие российского законодательства о противодействии пропаганде и демонстрации запрещенной атрибутики и символики // Криминалистъ. 2025. № 3 (52). С. 55 – 63.

Original article

**DEVELOPMENT OF DOMESTIC LEGISLATION
FOR COUNTERING PROPAGANDA AND DEMONSTRATION
OF PROHIBITED ATTRIBUTES AND SYMBOLS**

Karina O. RUSINOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, karina_ru@mail.ru

Abstract. The article highlights the features of the development of domestic legislation for countering propaganda and demonstration of symbols and attributes associated with banned organizations. Special attention is paid to the prerequisites that led to the evolution of legal norms, as well as to the gradual increase in liability for such acts.

The study outlines the key periods of the formation of legislation in the area under consideration. It is noted that despite significant progress, further optimization is required, including clarification of terminology, differentiation of liability, and other measures.

Keywords: propaganda, demonstration, symbols, attributes, ideology, extremism, Nazism, discrimination

For citation: Rusinova K. O. Development of Russian legislation for countering propaganda and demonstration of prohibited attributes and symbols. Criminalist. 2025;3(52):55-63. (In Russ.).

© Русинова К. О., 2025

Как отметил в своем выступлении Президент Российской Федерации В. В. Путин, «экстремизм является одной из наиболее сложных проблем современного российского общества, что в первую очередь связано с многообразием его проявлений, неоднородным составом экстремистских организаций, деятельность которых угрожает национальной безопасности России» [1].

Особую значимость в этом контексте приобретает принятие Федерального закона от 21 апреля 2025 года № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов», в котором признается недопустимым публичное оправдание геноцида советского народа и нацистской идеологии, а также осуществление мероприятий по их пропаганде [2].

Указанное коррелирует с положениями ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», где формой экстремизма признано использование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутикой или символикой экстремистских организаций [3].

На первый взгляд, мотивы, обуславлившие необходимость установления правового противодействия совершению подобных деяний, могут представляться неочевидными. Однако ретроспективный анализ отечественного законодательства позволяет выявить ключевые предпосылки и основания, по которым деяния были отнесены к разряду административно и уголовно наказуемых.

Этапы становления национального уголовного законодательства условно можно разделить следующим образом: с 1917 по 1955 год; с 1956 по 1994 год; с 1995 по 2011 год; с 2012 по 2022 год.

Определение нижней границы исследования 1917 годом не означает, что проявления расовой и иной дискриминации отсутствовали до этого времени. Однако для вновь созданного Советского государства вопросы мирного сосуществования народов приобрели иной, знаковый смысл. Это было связано с необходимостью объединения населения с различными культурными, религиозными традиционными ценностями, что являлось залогом стабильности советской власти [4, с. 61 – 62].

Первые два периода развития законодательства, с 1917 по 1955 год, а также с 1956 по 1994 год, характеризовались поддержкой со стороны государства идеи недопустимости расовой и иной дискриминации. Однако особые черты обозначаемому законодательству придавал характерный ему легизм и этатизм [5, с. 7].

На наш взгляд, нормами того периода, которые можно сопоставить с современной ст. 282.4 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), являются положения ст. 69, 70 УК РСФСР 1922 года, ст. 58.10 УК РСФСР 1926 года, ст. 70 УК РСФСР 1960 года¹.

¹ Ст. 69 УК РСФСР 1922 года «Пропаганда и агитация, выражаясь в призывае к свержению власти Советов путем насилиственных или изменнических действий или путем активного или пассивного противодействия Рабоче-Крестьянскому Правительству, или массового не выполнения возлагаемых на граждан воинской или налоговых повинностей».

Ст. 70 УК РСФСР 1922 года «Пропаганда и агитация в направлении помохи международной буржуазии, указанной в ст. 57-й».

Ст. 58.10 УК РСФСР 1926 года «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. ст. 58.2 – 58.9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания».

Ст. 70 УК РСФСР 1960 года «Антисоветская пропаганда» (в первоначальной редакции, а также в редакции Закона РСФСР от 25 июля 1962 года, Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 января 1984 года); «Призывы

Статьи 69, 70 УК РСФСР 1922 года были включены в раздел о контрреволюционных преступлениях, их направленностью являлась защита советской власти от любых враждебных действий, связанных с ее подрывом или ослаблением. Учитывая широту формулировок диспозиций статей, уголовно наказуемой признавалась в том числе деятельность, заключающаяся в распространении идей неравенства.

Из разъяснений, данных в Постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 16 апреля 1931 года, следовало, что действия, связанные с насилием и издевательством над национальными меньшинствами, направленные против жизни и свободы трудящихся и фактически лишающие их прав, предоставленных революцией, признавались преступлением контрреволюционным, предусмотренным ст. 58.1 УК РСФСР [6, с. 68].

Кроме того, как видно из судебной практики того времени, использование символики, ассоциирующейся с антисоветской деятельностью, в сочетании с контрреволюционными призывами квалифицировалось как контрреволюционное преступление. Так, Ананийчук и Неприлюк были осуждены за то, что 15 октября 1956 года разорвали книгу Маяковского и на листах сделали антисоветские надписи и нарисовали свастики, а затем получившиеся листовки выбросили из окна на тюремный двор [7].

Статья 70 УК РСФСР 1960 года была включена в раздел об особо опасных государственных преступлениях. При разрешении вопроса о квалификации деяния по ст. 70 УК РСФСР принималась

к свержению или изменению советского государственного или общественного строя» (в редакции Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 апреля 1989 года); «Призывы к насильственному изменению конституционного строя» (в редакции Закона Российской Федерации от 9 октября 1992 года № 3618-1).

во внимание направленность агитации и пропаганды на возбуждение национальной вражды или розни в целях подрыва или ослабления советской власти [8, с. 166].

Анализируя законодательство рассматриваемых периодов, важно подчеркнуть, что в это время завершилась Великая Отечественная война (1941 – 1945 годов). В правовом аспекте ее итогом стало проведение Международным военным трибуналом Нюрнбергского судебного процесса (1945 – 1946 гг.), признание нацистской расовой идеологии, а также всех связанных с ней проявлений общественно опасными.

Сформулированные в ходе Нюрнбергского процесса принципы в дальнейшем были последовательно интегрированы в национальное законодательство и использованы при построении системы правового регулирования борьбы с проявлениями и пропагандой нацизма.

В 1980 – 1990-е годы проявления нацизма в России приобрели наибольшие масштабы, что было обусловлено как внешними, так и внутригосударственными проблемами. В этот период возникли ряд экстремистских партий и движений, открыто пропагандирующих радикальные идеи националистического и расистского толка [9, с. 65].

Одним из примеров подобной деятельности стали события, описанные в газете «Ленинградская правда»: 20 апреля 1987 года у станции метро «Площадь Восстания», а также на Невском проспекте в Ленинграде состоялась демонстрация неонацистов в возрасте от 17 до 22 лет. Молодые люди были одеты в черные рубашки, некоторые – со свастикой на рукаве [10].

После распада СССР вопрос охраны конституционного строя от внутренних угроз приобрел особую актуальность. В этих условиях 28 октября 1992 года был издан Указ Президента Российской

Федерации № 1308, призванный обеспечить государственную целостность [11]. Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 12 февраля 1993 года № 3-П признал отдельные его положения выходящими за рамки президентских полномочий, указав, в частности, на юридическую неопределенность понятия «экстремистские элементы» [12].

Деструктивные идеологические проявления, выражавшиеся в пропаганде насилия, разжигании ненависти и вражды по различным признакам, в том числе с помощью пропаганды и демонстрации запрещенной атрибутики или символики, требовали от государства принятия срочных и эффективных мер. Законодательство в этой области было вынуждено адаптироваться к изменяющимся социально-политическим условиям, что привело к последовательному расширению правовых норм, уточнению понятийного аппарата и ужесточению ответственности за подобные деяния.

Ключевым нормативным правовым актом, составляющим основу правового регулирования противодействия рассматриваемой форме проявления экстремизма, стал Указ Президента Российской Федерации от 23 марта 1995 года № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» [13].

В Указе обращается внимание на особенности деятельности политических экстремистов, которые, открыто заявляя об идеином родстве с национал-социализмом, использовали фашистские или схожие с ними лозунги, атрибутику и символику, глубоко оскорбляющие хранимую россиянами память о жертвах Великой Отечественной войны и чувства ветеранов.

Акцентировано внимание правоохранительных органов на необходимости

проведения более активной деятельности, направленной на исключение из жизни общества крайне губительных для него проявлений, связанных с разжиганием социальной, расовой, национальной и религиозной розни, распространением идей фашизма. Государственным органам поручалось «подготовить изменения в законы для введения ответственности за проявления фашизма и иных форм экстремизма» [14].

Следующим закономерным шагом в развитии национального законодательства, направленного на противодействие проявлениям экстремизма, стало принятие Федерального закона от 19 мая 1995 года № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов».

Данный Федеральный закон стал отправной точкой развития законодательства в данной сфере и задал основной вектор его формирования. Впервые на законодательном уровне вводился запрет на использование нацистской атрибутики и символики, а также атрибутики и символики организаций, сотрудничавших с нацистскими организациями либо оправдывающих их деятельность.

Продолжением совершенствования законодательства об ответственности за пропаганду и демонстрацию запрещенной атрибутики и символики стало введение в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) нормы об административной ответственности за подобные деяния, которая в сложившихся условиях представлялась необходимой для стабилизации социально-политической сферы, а также защиты конституционного строя, общественной безопасности, обеспечения соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

В статье 20.3 КоАП РФ предусматривалась ответственность за пропаганду и публичное демонстрирование нацист-

кой атрибутике или символике либо публичное демонстрирование атрибутике или символике экстремистских организаций.

В последующем статья неоднократно дорабатывалась и видоизменялась. Статья 20.3 КоАП РФ в действующей с 14 июля 2022 года редакции запрещает: пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутике или символике, либо атрибутике или символике, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутике или символике экстремистских организаций, либо иных атрибутике или символике, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния (ч. 1); изготовление или сбыт в целях пропаганды либо приобретение в целях сбыта или пропаганды вышеуказанных атрибутике или символики (ч. 2).

Принятие Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [15] стало следующим важным этапом совершенствования законодательства о противодействии экстремизму. Были скорректированы направления противодействия и обозначены ключевые моменты в борьбе с проявлениями экстремизма.

Закон ввел в правовой оборот несколько определений, имеющих существенное значение, в том числе и для уголовно-правовой характеристики преступления, предусмотренного ст. 282.4 УК РФ.

Согласно ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» в редакции от 9 августа 2002 года под экстремистской деятельностью, помимо прочего, понимались пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутике или символике либо атрибутике или символике, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения.

Федеральным законом от 25 декабря 2012 года № 255-ФЗ определение экстремистской деятельности в данной части было уточнено и дополнено запретом на публичное демонстрирование атрибутике или символике экстремистских организаций.

Предложенное законодателем новое понимание экстремистской деятельности объединило ее с использованием нацистской атрибутике или символики (в том числе схожей с ней до степени смешения), а также атрибутике или символики экстремистских организаций.

Расширение перечня атрибутике и символики, подлежащих запрету, привело в 2012 году к внесению изменений в ст. 20.3 КоАП РФ в части описания признаков объективной стороны состава административного правонарушения. Эти изменения в последующем были полностью перенесены в диспозицию ст. 282.4 УК РФ.

В Федеральном законе от 25 июня 2002 года № 114-ФЗ определено понятие «экстремистские материалы». Это документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие и оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности.

Так, К. А. Рыдченко, описывая соотношение понятий «экстремистский материал» и «нацистская атрибутика и символика», отмечает, что они не являются синонимичными. Экстремистский материал понятие более широкое и помимо нацистской атрибутике и символики охватывает иные материалы экстремистской направленности [16, с. 60–61].

Соглашаясь с мнением К. А. Рыдченко о соотношении данных правовых понятий, мы хотели бы подчеркнуть один важный момент, который, на наш взгляд, не был затронут автором. В правовой норме четко указана цель распространения экстремистских мате-

риалов — обосновать возможность существования в обществе идей неравенства по различным признакам и оправдать деятельность организаций, которые придерживаются данной идеологии.

Этот аспект приобретает особое значение в контексте обращения с нацистской атрибутикой или символикой, поскольку нацистская атрибутика или символика не только выступает в качестве визуального маркера экстремистских идей, но и служит инструментом пропаганды, направленным на формирование, распространение и поддержание деструктивных установок в обществе.

Кроме того, законодательно определено, что экстремистские материалы, а равно нацистская атрибутика или символика, в нашем понимании, могут быть не только распространены в так называемой материальной форме (например, шеврон со свастикой), но могут находиться в иных формах, в том числе в информационном качестве (аудио-, видеозаписи, иной цифровой контент).

Содержание нормы ст. 20.3 КоАП РФ свидетельствует об адаптивности правового регулирования к складывающимся реалиям, что позволяет учитывать многообразие форм экстремистских проявлений и более эффективно им противодействовать.

Правоприменитель при реализации данной правовой нормы столкнулся с рядом системных проблем. Ключевая сложность заключалась в отсутствии четких законодательно закрепленных критериев разграничения противоправного и допустимого использования нацистской атрибутики или символики, атрибутики или символики экстремистских организаций. Так, возникали ситуации, когда к ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ привлекались лица, чьи действия формально образовывали соответствующий состав правонарушения, однако фактически не были связаны

с пропагандой деструктивных идей и не представляли общественной опасности.

Например, Промышленный суд г. Смоленска привлек Г. к административной ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ за публикацию фотографии двора, в котором она живет, сделанной во время нацистской оккупации. На размещенном в сети «Интернет» снимке изображено, как на плацу стоит строй немецких солдат, а за ними развевается знамя со свастикой [17].

Подобные случаи демонстрировали необходимость уточнения законодательства для обеспечения использования на законных основаниях нацистской атрибутики или символики, атрибутики или символики экстремистских организаций в произведениях литературы, искусства, СМИ, а также в учебных и просветительских целях, при условии осуждения нацизма, экстремизма и формирования негативного отношения к их идеологии, отсутствия признаков пропаганды, что позволило бы избежать необоснованного привлечения физических и юридических лиц к административной ответственности.

В связи с этим 12 декабря 2018 года инициативная группа депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации подготовила законопроект о внесении изменений в ст. 20.3 КоАП РФ [17], а также в ст. 6 Федерального закона от 19 мая 1995 года № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов» и ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [18].

В 2020 году ст. 20.3 КоАП РФ дополнена примечанием с изложением обстоятельств, при которых использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо

атрибутику или символику экстремистских организаций не является административно наказуемым.

Несмотря на проведенную государством работу, направленную на противодействие данной форме экстремистских проявлений, анализ судебной статистики за период с 2017 по 2022 год демонстрировал значительный рост числа лиц, привлеченных к административной ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ (в 2017 году – 1665 лиц, 2018 году – 1652 лица, 2019 году – 2388 лиц, 2020 году – 2279 лиц, 2021 году – 3183 лица, 2022 году – 5270 лиц)¹.

Тенденции применения норм ст. 20.3 КоАП РФ вкупе с неблагоприятно сложившейся geopolитической обстановкой требовали принятия государством действенных мер по противодействию преступлениям экстремистской направленности.

Именно поэтому дальнейшая трансформация нормативного регулирования ответственности осуществлялась в рамках проводимой государством уголовно-правовой политики с учетом соблюдения адекватного баланса между правами привлекаемого лица и публичным интересом, состоящим в защите находящихся под охраной закона ценностей от преступных посягательств.

В результате был принят Федеральный закон от 14 июля 2022 года № 260-ФЗ о внесении изменений в уголовное законодательство [20]. В частности, Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации дополнена ст. 282.4, устанавливающей ответственность за

деятельность, связанную с неоднократными пропагандой либо публичным демонстрированием запрещенных атрибутику или символику (ч. 1); изготовление или сбыт в целях пропаганды либо приобретение в целях сбыта или пропаганды данных атрибутику или символику (ч. 2).

Таким образом, законодатель расширил правовые механизмы противодействия экстремистской деятельности, переведя повторные действия, связанные с пропагандой или публичным демонстрированием нацистской атрибутику или символику либо атрибутику или символику экстремистских организаций, в круг уголовно наказуемых.

Подводя итог, следует отметить, что развитие российского законодательства о противодействии пропаганде и публичному демонстрированию нацистской атрибутику или символику либо атрибутику или символику экстремистских организаций стало закономерной реакцией государства на распространение деструктивной идеологии, в частности совершение действий, направленных на ее пропаганду. Пройдя долгий путь становления, данное законодательство продолжает развиваться, однако требует дальнейшей оптимизации, включая уточнение понятийного аппарата и дифференциацию уголовной ответственности за совершение исследуемого преступления, что, по нашему мнению, будет способствовать повышению эффективности противодействия экстремизму.

Список источников

1. Путин признал экстремизм одной из сложнейших проблем в российском обществе. 2024. 28 декабря // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20241228/ekstremizm-1991920062.html?ysclid=m6qfzfzt1h87922330> (дата обращения: 04.02.2025).

---

¹ Статистика по административным делам, рассматриваемым судами общей юрисдикции // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: <https://sudstat.ru/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 12.10.2023).

2. Обувековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов : Федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 74-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ : текст с изм. и доп. на 28 дек. 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Кунашев А. А. Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Кунашев Ашамаз Адальбиевич. Москва, 2012. 252 с.
5. Гамбарян А. С. Развитие права советскими судьями вопреки закону (*contra legem*) // Судебная власть и уголовный процесс. 2023. № 2. С. 7–26.
6. Кунц Е. В. Преступность на почве межнациональных и религиозных конфликтов и уголовно-правовые меры борьбы с нею : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Кунц Елена Владимировна. Челябинск, 1998. 188 с.
7. 58.10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991 : аннот. кат. / О. В. Эдельман [и др.]; под ред. В. А. Козлова, С. В. Мироненко. Москва : Демократия, 1999. С. 261. (Россия. XX век. Документы / Междунар. фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковleva)).
8. Курс советского уголовного права. В 5 т. Т. 3 / Н. А. Беляев, Г. З. Анашкин, В. С. Прокоров [и др.] ; отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 836 с.
9. Урсул В. И. К вопросу о нацизме в современной России // Вестник Военного университета. 2008. № 3 (15). С. 63–69. URL: <https://elibrary.ru/edn/JNTOHZ> (дата обращения: 17.04.2025).
10. Вести из СССР : сборник. 1987. № 11/12. Сообщение № 11/12-19 // Вести из СССР : сайт. URL: <https://vesti-iz-sssr.com/2016/11/26/30-iulya-1987-nn-11-12/> (дата обращения: 01.03.2025).
11. О мерах по защите конституционного строя Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28 октября 1992 г. № 1308 : текст с изм. и доп. на 13 янв. 1993 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 28 октября 1992 года «О мерах по защите конституционного строя Российской Федерации» : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 3-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 23 марта 1995 г. № 310 : текст с изм. и доп. на 3 нояб. 2004 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Как боролись с ксенофобией и экстремизмом в России. 14.04.2006 // Коммерсантъ : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/666727?ysclid=mbu2s7hvtn708644062> (дата обращения: 04.02.2025).
15. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ : текст с изм. и доп. на 28 дек. 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Рыдченко К. Д. Некоторые особенности обеспечения запрета пропаганды и публичного демонстрирования нацистской атрибутики и символики // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 2. С. 60–65.
17. Жительницу Смоленска оштрафовали за фото ее двора времен фашистской оккупации. 02.03.2015 // Новости НТВ : сайт. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1344916/?ysclid=m7pbcngrhw405624593> (дата обращения: 01.03.2025) ; Пояснительная записка к законопроекту № 606698-7 «О внесении изменения в статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. О внесении изменения в статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : Законопроект № 606698-7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов» и статью 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» : Законопроект № 606648-7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

К. О. Русинова – аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

K. O. Rusinova – Postgraduate Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.1

**ОСОБЕННОСТИ ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБВИНЕНИЯ ПО ДЕЛАМ О ЗАНЯТИИ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ
В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ**

Елена Васильевна СИДОРЕНКО

*Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия
имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Россия, es195@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности поддержания государственного обвинения по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии. Для качественного поддержания государственного обвинения по делам рассматриваемой категории государственному обвинителю, кроме общих знаний методики и тактики поддержания государственного обвинения, необходимо использовать специальные знания в области преступной субкультуры, а также знания методики расследования дел о занятии высшего положения в преступной иерархии.

Ключевые слова: судебное следствие, судебное разбирательство, государственный обвинитель, преступная иерархия, высшее положение в преступном сообществе, криминальный лидер, криминально ориентированные лица

Для цитирования: Сидоренко Е. В. Особенности поддержания государственного обвинения по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии // Криминалистъ. 2025. № 3 (52). С. 64 – 72.

Original article

**SPECIFIC FEATURES OF SUSTAINING PUBLIC PROSECUTION
IN PROCEEDINGS RELATED TO CRIMES OF HOLDING
THE HIGHEST STATUS WITHIN A CRIMINAL ORGANIZATION**

Elena V. SIDORENKO

*North-West branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
St. Petersburg, Russia, es195@yandex.ru*

Abstract. The article explores the peculiarities of prosecuting criminal cases involving the occupation of a leading position in the criminal hierarchy. In order to effectively present public prosecution in such matters, the public prosecutor, in addition to general knowledge of methodology and tactics of sustaining public prosecution, must use specialized knowledge in the field of criminal subculture, as well as knowledge of the methodology for investigating cases concerning the occupation of the highest status in the criminal hierarchy.

Keywords: judicial investigation; court hearing; public prosecutor; criminal hierarchy; highest position in a criminal society; criminal leader; criminally oriented persons

For citation: Sidorenko E.V. Specific features of sustaining public prosecution in proceedings related to crimes of holding the highest status within a criminal organization. Criminalist. 2025;3(52):64-72. (In Russ.).

Федеральным законом от 1 апреля 2019 года № 46-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) был дополнен ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии», согласно которой лиц, осуществляющих руководство в преступном мире, можно привлечь к уголовной ответственности не только за организацию сообщества и участие в нем для совершения преступлений (ст. 210 УК РФ), как это было раньше, но и за сам факт занятия высшего положения в преступной иерархии. По своей конструкции состав преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, относится к формальным составам, т. е. преступление считается оконченным в момент занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, наступили ли в результате этого какие-либо последствия или нет, значения не имеет [1].

В диспозиции ст. 210.1 УК РФ не описано само событие преступления, в ней содержится лишь указание, что уголовная ответственность наступает за «занятие высшего положения в преступной иерархии».

Так как в нормах уголовного закона не раскрыто, что понимается под высшим положением в преступной иерархии, необходимо обратиться к традициям и правилам криминальной субкультуры.

Нормы криминальной субкультуры ложатся в основу обвинительных заключений следственных органов и обвинительных приговоров судов, т. е. приобретают не квазиправовой, а правовой характер. Поэтому без знания и понимания, что такое «высшее положение» и «преступная иерархия» в криминальной субкультуре, невозможно качественно поддержать государственное обвинение по ст. 210.1 УК РФ.

Высшее положение в преступной иерархии традиционно занимают «воры в законе» – лидеры организованной преступной среды, активные крими-

нальные деятели, обладающие широкими полномочиями, выполняющие организаторские функции в преступном мире, решения которых обязательны для основной части лиц, вовлеченных в криминальные отношения. Как правило, выступают держателями и распорядителями «общака» (свообразный аналог «черной кассы»).

Проведенный в рамках сбора материала для написания данной статьи опрос сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) позволил выделить следующие традиционные криминальные статусы, также входящие в высшую преступную иерархию:

«положенцы» – лица, обладающие достаточно высоким авторитетом в криминальной среде, возведенные в этот статус исключительно «ворами в законе» и имеющие право принимать те или иные решения, затрагивающие взаимоотношения в криминальных отношениях, разрешать споры и конфликты, в том числе в местах лишения свободы, в отсутствие «вора в законе» и от его имени на определенной территории, могут выступать держателями «общака» и его распорядителями;

«смотрящие» – лица, обладающие определенным авторитетом в криминальной среде, возведенные в этот статус как «вором в законе», так и «положенным», наделенные правом разрешать споры и конфликты (при отсутствии «вора в законе» и «положенца»), принимать решения по определенному направлению или в определенной сфере деятельности, действующие на строго определенной территории (район, город, следственный изолятор (СИЗО), блок в СИЗО, исправительная колония (ИК), отряд в ИК и т. д.). Смотрящие обязаны принимать активные меры к пополнению «общака», но к распределению денежных средств, поступивших в «общак», не допускаются.

При этом опрошенные сотрудники ФСИН России не включили лиц с криминальным статусом «бродяга» в число субъектов, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Однако в настоящее время судебная практика пошла по пути отнесения к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, лиц, наделенных криминальным статусом «бродяга»¹. В данном случае прослеживается следующая логика: криминальным статусом «бродяга» наделяют лиц, имеющих определенный преступный опыт, активно пропагандирующих и распространяющих традиции и обычаи криминальной среды, открыто демонстрирующих отрицательное отношение к правоохранительным органам, стремящихся в будущем обрести более высокий статус в криминальной среде, обладающих правом принимать решения по тем или иным вопросам, разрешать споры и конфликты в отсутствие лиц, наделенных статусом «вор в законе», «положенец» и «смотрящий». Наличие криминального статуса «бродяга» в СИЗО, а также в местах лишения свободы позволяет стать «смотрящим», т. е. занять более высокое положение в криминальной иерархии по сравнению с основной массой обвиняемых, подсудимых и осужденных, содержащихся в СИЗО или в ИК. Согласно информации, полученной в ходе опроса сотрудников ФСИН России, наделить лицо криминальным статусом «бродяга» могут как «воры в законе», так и «положенцы».

Таким образом, лицо, получившее криминальный статус «бродяга», стоит на более высокой ступени по отношению к основной массе лиц, подозреваемых в совершении преступления,

обвиняемых и осужденных, не имеющих никакого криминального статуса. При отсутствии лиц, обладающих более высоким криминальным статусом, на «бродягу» согласно неписанному «воровскому закону» возлагается руководство сложившимся временными коллективом (СИЗО, ИК и т. д.), разрешение споров и конфликтов, сбор средств в «общак», поддержание связи с лицами, занимающими более высокое положение в преступной иерархии, и согласование с ними общей линии поведения в конфликтных ситуациях, в том числе и при выдвижении незаконных требований к администрации СИЗО или ИК.

Как отмечают А. М. Моисеев и С. В. Кондратюк, к основным функциям, выполняемым статусными лидерами преступной иерархии, относятся: «... организационно-распорядительная, нормативная, судебная, карательная.

Организационно-распорядительная функция выражается в обязанности представителя высшей преступной иерархии планировать, контролировать и обеспечивать ресурсами деятельность руководимого преступного сообщества. Нормативная функция выражается в том, что представитель высшей преступной иерархии составляет и распространяет воровские наказы — это обычно новое правило, созданное в результате разрешения какого-то спора между представителями преступного сообщества. Судебная функция сводится к обязанности представителя высшей преступной иерархии разрешать споры, возникающие между представителями преступного сообщества. Карательная функция предполагает, что представитель высшей преступной иерархии распоряжается о применении наказания к нарушителям традиций и правил криминальной субкультуры. Указанные функции служат признаками высшего положения в преступной иерархии» [2, с. 144].

¹ Уголовное дело № 2-1/2024 // Архив Верховного суда Чувашской Республики. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» ; Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 26 мая 2023 г. № 55-306/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Некоторые из перечисленных функций свойственны и лицам, имеющим криминальный статус «бродяга», поэтому следует согласиться со сложившейся судебной практикой, которая относит лиц, наделенных криминальным статусом «бродяга», к лицам, занимающим высшее положение в криминальной иерархии.

Для эффективной борьбы с лицами, совершающими преступление, предусмотренное ст. 210.1 УК РФ, следователь и государственный обвинитель обязательно должны знать методику расследования преступлений этой категории [3, с. 469 – 504; 4, с. 146 – 156; 5, с. 69 – 81; 6, с. 81 – 87; 7, с. 42 – 51; 8, с. 237 – 242 и др.].

В процессе расследования данного преступления и поддержания государственного обвинения при доказывании отнесения кого-либо к занимающим высшее положение в преступной иерархии необходимо учитывать следующее:

порядок приобретения криминального статуса (лиц, самовольно присвоивших себе один из криминальных статусов в нарушение устоявшихся криминальных традиций, определяющих порядок наделения статусом, ожидает жестокое и унизительное наказание);

распределение сфер влияния, которое может выражаться в том, что «вор в законе» либо «положенец» назначает «смотрящего» на определенной территории (или в сфере деятельности), который полностью ему подчинен и, соответственно, подотчетен;

лицо, назначенное «вorum в законе» либо «положенцем», «смотрящим», должно отвечать за поддержание в сложившемся временном коллективе «воровских» традиций, разбор конфликтных ситуаций на своем уровне, сбор и отчисление денежных средств в «общак», держателем которого может выступать «вор в законе» либо «положенец»;

осуществление «вором в законе» либо «положенцем» функций по разбору споров (конфликтов) на более высоком уровне – между членами криминальной среды, между организованными преступными группами или формированиями, при необходимости назначение наказания за проступки, организация и контроль исполнения назначенного наказания;

организация проведения сходок, а также участие в данных сходках, на которых могут обсуждаться различные вопросы, в том числе и вопросы наделения криминальным статусом иных лиц.

Диспозиция ст. 210.1 УК РФ раскрывается посредством традиций и правил криминальной субкультуры:

введение в криминальный статус в условиях повышенной конспирации для всех кроме узкого круга членов преступной группы;

демонстративное отрицательное отношение к требованиям законодательства, регулирующего вопросы отбывания наказания в местах лишения свободы;

демонстративное соблюдение правил и традиций, закрепленных в «воровском законе»;

требование соблюдения окружающими правил и традиций, закрепленных в «воровском законе»;

отказ от любого сотрудничества с правоохранительными органами¹.

Исходя из этого, доказывание причастности лица к категории лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, зачастую осуществляется с помощью показаний свидетелей, являющихся сотрудниками различных правоохранительных органов, по долгу службы обладающих информацией, полученной в результате осуществления

¹ В ходе опроса сотрудников ФСИН России была получена информация, что в настоящее время наблюдается отход от данного требования, как правило, с целью облегчения участия лиц, содержащихся в СИЗО, ИК.

оперативно-разыскных мероприятий (ОРМ), которая в процессе расследования преображается в доказательства.

Определенную сложность в данном случае составляет то, что допрошенные сотрудники правоохранительных органов (МВД России, ФСИН России) не могут раскрыть источники своей осведомленности, поскольку это может вызвать раскрытие информации, отнесенной к государственной тайне, чем и пытается воспользоваться сторона защиты, ходатайствуя перед судом о признании данных доказательств недопустимыми в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Многие свидетели допрашиваются по правилам, установленным ч. 9 ст. 166 УПК РФ, – с сохранением данных о личности втайне [9, с. 28–29; 10, с. 73–80], а следственные действия производятся в условиях, исключающих визуальный контакт свидетеля с другими участниками судопроизводства (так называемые «засекреченные» свидетели). Как правило, в категорию указанных свидетелей входят лица, ранее соприкасавшиеся с обвиняемым (содержавшиеся в СИЗО в период предварительного расследования, отбывавшие наказание в ИК вместе с обвиняемым, состоявшие в преступной организации и т. д.). Значение их показаний достаточно велико, поскольку именно их показаниями подтверждается наличие у обвиняемого авторитета, основывающегося на имеющемся у него криминальном статусе, а именно: осуществление им властных полномочий в отношении иных лиц, разрешение споров и конфликтов, назначение на нижестоящие в криминальной иерархии должности.

Расследование сопровождается проведением различных оперативно-разыскных мероприятий как в отношении обвиняемого, так и в отношении других фигурантов дела с последующим рассе-

кречиванием полученных результатов и включением их в формируемую доказательственную базу.

Следователю и государственному обвинителю необходимо иметь в виду, что в условиях конспирации не всегда удается выявить конкретных лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии и участвовавших в наделении лица одним из высших статусов в преступной иерархии, а также точно установить, где, когда и при каких обстоятельствах это лицо было наделено статусом. Именно поэтому очень часто в обвинительном заключении, а также в некоторых приговорах судов и решениях апелляционных и кассационных судебных инстанций можно встретить фразы «в неустановленном месте», «в неустановленное время, но не позднее ...». С формальной точки зрения здесь усматривается нарушение требований п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ об установлении в обязательном порядке времени, места и способа совершения преступления.

Однако, учитывая, что состав преступления, предусмотренный ст. 210.1 УК РФ, является формальным, доказыванию подлежит не только сам факт получения лицом одного из высших статусов в преступном мире («вор в законе», «пополненец», «смотрящий», «броняга»), но и реализация полномочий, предоставляемых владельцем одного из высших криминальных статусов. В обоснование обвинительного тезиса об обладании лицом одним из высших статусов в преступной иерархии следует установить и в дальнейшем подтвердить его участие в осуществлении каких-либо организационно-распорядительных функций, а именно:

дача указаний, обязательных для исполнения другими лицами, содержащимися под стражей либо осужденными, а также входящими в состав преступных организаций, действующих вне мест лишения свободы;

распоряжение «общаком» (в том числе руководство по его пополнению), что отмечал С. В. Кондратюк [11, с. 49 – 53];

разрешение споров и конфликтов между различными лицами и группами (вместе с тем сотрудникам ФСИН России известны случаи, когда конфликты и споры разрешались лицами, не имеющими соответствующего криминального статуса, но в достаточной мере владеющими жаргоном и знающими «воровской закон»);

сам факт того, что подсудимый приобрел статусное положение в преступной иерархии до даты вступления в действие Федерального закона от 1 апреля 2019 года № 46-ФЗ, которым введена ст. 210.1 УК РФ в действие, но не отказался от выполнения статусных функций в дальнейшем.

Сюда же можно отнести и демонстративный отказ от выполнения законных требований сотрудников правоохранительных органов, в том числе сотрудников учреждений ФСИН России.

Помимо предмета доказывания в уголовном судопроизводстве существуют еще и пределы доказывания.

Именно поэтому недостатки доказывания по причине невозможности установления времени и места совершения преступления – наделения лица высшим криминальным статусом, позволяющим занять одно из высших положений в преступной иерархии, компенсируются совокупностью других доказательств: показаниями свидетелей, показаниями специалистов, иными данными, полученными в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий и впоследствии рассекреченными и преобразованными в доказательства, отвечающие требованиям уголовно-процессуального законодательства, заключениями экспертиз.

Тактические особенности представления доказательств государственным обвинителем зависят от состава суда. Дела

о занятии высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) в соответствии со ст. 30 – 31 УПК РФ рассматриваются в суде субъекта Российской Федерации или города федерального значения единолично судьей или коллегией из трех судей.

До 2023 года дела этой категории могли быть рассмотрены с участием присяжных заседателей, однако в соответствии с Федеральным законом от 13 июня 2023 года № 216-ФЗ «О внесении изменения в статью 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 210.1 УК РФ, судом с участием присяжных заседаний не рассматриваются, что, несомненно, является позитивным фактором (о возможности изменения категории дел, рассматриваемых судом с участием присяжных заседателей, как о позитивном явлении отмечалось ранее некоторыми авторами) [12, с. 56 – 59].

Государственный обвинитель, выбирай тактику поддержания государственного обвинения, должен учитывать, что для достижения оптимального результата целесообразно представлять доказательства в порядке, соответствующем последовательности совершения преступления, т. е. в следующем порядке:

криминальная история подсудимого, когда и за совершение каких преступлений он ранее привлекался к уголовной ответственности, как характеризовался администрацией мест лишения свободы, как характеризовался сотрудниками органов внутренних дел в период после освобождения из мест лишения свободы;

где, когда и кем был ему присвоен криминальный статус. Если невозможно установить время, место и состав участвовавших в этом событии лиц, то подлежит установлению время, с которого лицо стало пользоваться теми правами, которыми вправе пользоваться только лица, обладающие криминальным ста-

тусом, занимающие высшее положение в преступной иерархии, и место реализации прав в соответствии со статусом – СИЗО, колония, город, регион и т. д.

Основными следственными действиями, результаты которых могут быть использованы государственным обвинителем на этапе судебного следствия в качестве доказательств занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, являются следующие: допрос подсудимого (а при необходимости оглашение показаний, данных лицом в качестве подозреваемого, обвиняемого), допрос свидетеля, специалиста; предъявление суду протоколов освидетельствования подсудимого, выполненных на стадии предварительного расследования, осмотр предметов (документов); оглашение заключения криминологической и культурологической судебных экспертиз [13, с. 81].

Государственному обвинителю нужно быть внимательным, так как путем заявления ходатайств или постановки вопросов сторона защиты может позволить подсудимому вычислить защищаемого свидетеля [14, с. 198 – 209]. Государственный обвинитель в таком случае должен сделать заявление об отводе вопросов защиты, например как не относящихся к предмету доказывания, или об отклонении ходатайств [15, с. 103].

Мы полагаем, что при рассмотрении уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст. 210.1 УК РФ, единолично судьей или коллегией из трех профессиональных судей следует представлять в качестве доказательства заключение судебно-криминологической и культурологической экспертизы, а при наличии оснований производить судебный допрос экспертов и специалиста-криминолога.

Государственный обвинитель должен иметь в виду, что при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 210.1 УК РФ, и поддержании госу-

дарственного обвинения велика вероятность оказания противодействия путем уничтожения, фальсификации либо видоизменения носителей информации о признаках занятия лицом высшего положения в преступной иерархии.

Защита по делам этой категории строится на том, что в законодательстве отсутствует описание понятий «преступная иерархия», «высшее положение в преступной иерархии», «вор в законе», «положенец», «смотрящий» и «бродяга».

Поэтому государственному обвинителю, вслед за следственными органами, необходимо руководствоваться криминологическими характеристиками указанных выше криминальных статусов.

Именно по этому пути пошла судебная практика, обосновывая в приговорах виновность подсудимого. Так, в приговоре Верховного суда Чувашской Республики по делу № 2-1/2024 отмечено, что подсудимый, обладая криминальным статусом «бродяга», в соответствии с занимаемым высшим положением в преступной иерархии «...осуществлял полномочия, предоставленные ему неформальным сообществом лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии на территории Российской Федерации. Как представитель высшей ступени в преступной иерархии выполнял в неформальном криминальном сообществе следующие функции: организационно-распорядительные, в соответствии с которыми он осуществлял формирование руководящего звена среди членов и сторонников криминального сообщества, распределение функций членов и сторонников криминального сообщества; организацию порядка среди членов и сторонников криминального сообщества, а именно реализовывал „полицейские“ функции, т. е. установление и поддержание порядка, основанного на идеологии криминального сообщества, а также „судебные“ функции, т. е. „правосудия“ в отношении лиц, нарушив-

ших правила поведения, установленные в криминальном сообществе; работу с кадровым составом сообщества; организацию взаимодействия внутри ячейки сообщества и с другими ячейками сообщества, а также с правоохранительными органами; административно-хозяйственные, в соответствии с которыми осуществлял организацию сбора средств в „общак”; контроль и распределение средств „общака”»¹.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев приговор Тверского областного суда от 19 декабря 2022 года в отношении К., признанного виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, указала, что «ответственность осужденного по ст. 210.1 УК РФ наступает за совершение определенного общественно опасного деяния, обуславливающего наличие соответствующего криминального статуса, и выражается, в частности, в организации сбора, хранения, распределения, так называемого, „общака”, даче согласия на установление определенного статуса для осужденного, не выходя при

этом за рамки предъявленного К. обвинения». При этом суд сослался на разъяснения специалиста: «Специалист В. в судебном заседании разъяснил понятие „преступной иерархии”, ее систему и ступени, степень значимости „положенца” в преступной иерархии на территории отдельно взятого региона, его функции, в том числе связанные с принятием ключевых решений относительно управления преступным миром. Решение о назначении „положенца” принимают „воры”, внешней атрибутикой криминальной субкультуры являются татуировки, причем восьмиконечная звезда является символом неповиновения и относится к тюремной субкультуре»².

Таким образом, используя совокупность доказательств, даже при отсутствии возможности установить время и место наделения лица криминальным статусом, позволяющим занять высшее положение в преступной иерархии, можно доказать виновность лица в предъявленном ему обвинении в совершении преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ.

Список источников

1. Бурнов В. Ответственность «воров в законе»: правоприменение // РАПСИ. Российское агентство правовой и судебной информации : сайт. URL: https://rapsinews.ru/incident_publication/20231109/309369877.html (дата обращения: 25.02.2025).
2. Моисеев А. М., Кондратюк С. В. Судебная криминологическая экспертиза занятия высшего положения в преступной иерархии: методика и проблемы применения // Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., г. Уфа, 13 – 14 октября 2022 г. / Науч.-исслед. ин-т проблем правового государства ; отв. ред. Ф. Г. Аминев. Уфа, 2022. С. 141 – 145.
3. Агафонов А. С. Некоторые особенности раскрытия и расследования преступлений, предусмотренных ст. 210.1 УК РФ // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15, № 2. С. 496 – 504.

---

¹ Приговор Верховного суда Чувашской Республики от 15 февраля 2024 г. № 2-1/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6rIHyG6p0OdH/#snippet> (дата обращения: 25.02.2025).

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2023 г. № 35-УД23-17-А1 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-27092023-n-35-ud23-17-a1/> (дата обращения: 25.02.2025).

4. Грибунов О. П. К вопросу о необходимости разработки узкоспециализированных методик расследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1 (96). С. 146–156.
5. Моисеев А. М., Кондратюк С. В. Основы криминалистической методики расследования занятия высшего положения в преступной иерархии // Правда и закон. 2022. № 3 (21). С. 69–81.
6. Кондратюк С. В., Жирова М. Ю. Тактические операции в расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 2 (37). С. 81–87.
7. Юношев С. В., Моисеев А. М., Кондратюк С. В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: типовые тактические операции в расследовании // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 3 (54). С. 42–51.
8. Санькова Е. В. Определение занятия высшего положения в преступной иерархии // Криминалистика в международном измерении : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Москва, 21 апреля 2023 года) / Следственный комитет Российской Федерации, Моск. акад. Следственного комитета Российской Федерации. Москва : Моск. акад. Следственного комитета Российской Федерации, 2023. С. 237–243.
9. Тимошенко А. А. Потерпевший и свидетель под псевдонимом: проблемы практики // Криминалистъ. 2008. № 2. С. 28–29.
10. Конин В. В., Корсаков К. А., Сидоренко Е. В. Поводы и основания применения мер безопасности в отношении потерпевшего и свидетеля // Криминалистъ. 2024. № 2 (47). С. 73–80.
11. Кондратюк С. В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: конкретизация конструктивных признаков // Законность. 2021. № 8 (1042). С. 49–53.
12. Конин В. В. Конституционно-правовая природа суда с участием присяжных заседателей как одного из институтов гражданского общества // Российская юстиция. 2011. № 3. С. 56–59.
13. Игнатенко Е. А. Особенности использования государственным обвинителем в судебном следствии результатов следственных действий по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 76–81.
14. Конин В. В. Участие защитника в судебном разбирательстве: ситуационный подход // Актуальные вопросы развития государства и права : юбилейный сб. науч. тр. Ч. 2 / Калининград. гос. ун-т. Калининград : КГУ, 2002. С. 198–209.
15. Сидоренко Е. В. Реализация режима секретности персональных данных потерпевших и свидетелей под псевдонимом // Защита прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве : сб. материалов Всерос. круглого стола с междунар. участием / редкол.: В. В. Долгаев [и др.]. Санкт-Петербург : Астерион, 2024. С. 100–103.

Информация об авторе

Е. В. Сидоренко – доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российской государственной юридической академии имени В. М. Лебедева, кандидат юридических наук, старший советник юстиции, Почетный работник прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

E. V. Sidorenko – Associate Professor at the Department of criminal procedure law of the North-West branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Candidate of Science (Law), Senior Justice Advisor, Honorary Procuracy Worker of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.985.2

**ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОКУРОРОМ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ
ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПРОВЕРКЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА, ПОСТУПИВШЕГО
С ОБВИНИТЕЛЬНЫМ ЗАКЛЮЧЕНИЕМ (АКТОМ, ПОСТАНОВЛЕНИЕМ)**

Михаил Александрович СИЛЬНОВ

Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия,
silnov@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется содержание деятельности прокурора по проверке электронных носителей информации на этапе изучения уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением (актом, постановлением), рассматриваются различные подходы к определению понятия и свойств электронных доказательств, особое внимание уделено анализу причин, по которым прокурору крайне важно исследовать вещественные доказательства, приложения к протоколам следственных действий, иные документы, поступившие с уголовным делом, на электронных носителях информации. Утверждается, что нарушения закона, зафиксированные на электронных носителях, своевременно не выявленные прокурором, могут повлечь в суде исключение из дела других, на первый взгляд, доброкачественных доказательств как недопустимых в условиях, когда возможности нейтрализации выявленных ошибок и недочетов крайне ограничены. Автором обращено внимание на недостатки нормативного регулирования процедуры вскрытия, просмотра (прослушивания) прокурором материалов, а также повторного опечатывания ранее распакованных объектов. Предлагается внести изменения в приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 13 июля 2017 года № 486 «Об утверждении Инструкции о порядке учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам в органах прокуратуры Российской Федерации», дополнив его положениями по аналогии с рекомендациями, разработанными Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации для нужд судебной системы.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение прокурорской деятельности, электронные носители информации, допустимость доказательств, вскрытие вещественных доказательств, запечатывание вещественных доказательств, визуализация электронных доказательств

Для цитирования: Сильнов М. А. Особенности изучения прокурором электронных носителей информации при проверке уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением (актом, постановлением) // Криминалистъ. 2025. № 3 (52). С. 73 – 79.

Original article

**SPECIFIC FEATURES OF THE PROSECUTOR'S EXAMINATION
OF ELECTRONIC INFORMATION CARRIERS WHEN REVIEWING
A CRIMINAL CASE SUBMITTED WITH AN INDICTMENT (ACT, RESOLUTION)**

Mikhail A. SILNOV

University of prosecutor's office of the Russian Federation, Moscow, Russia,
silnov@yandex.ru

© Сильнов М. А., 2025

Abstract. This article analyzes the scope of the prosecutor's activities in examining electronic information carriers at the stage of reviewing a criminal case submitted with an indictment (act, resolution). It considers various approaches to defining the concept and characteristics of electronic evidence, paying special attention to analyzing the reasons why it is critically important for the prosecutor to examine physical evidence, attachments to records of investigative actions, and other documents submitted with a criminal case on electronic information carriers. It is argued that legal violations recorded on electronic information carriers if not timely identified by the prosecutor, may lead in court to the exclusion of other, seemingly valid evidence as inadmissible, especially under circumstances where possibility of rectifying detected errors and deficiencies is extremely limited. The author highlights deficiencies in the current regulatory framework governing the procedure for the prosecutor unsealing, viewing (or listening to) materials, as well as for resealing previously unsealed items. It is proposed to amend Order No. 486 of the Prosecutor General of the Russian Federation dated July 13, 2017, «On the Approval of the Regulations on the Procedure for Accounting, Storage, and Transfer of Physical Evidence in Criminal Cases within the Bodies of the Prosecutor's Office of the Russian Federation», by supplementing it with provisions analogous to the recommendations developed by the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation for the needs of the judicial system.

Keywords: forensic support of prosecutorial activities, electronic information carriers, admissibility of evidence, unsealing physical evidence, sealing physical evidence, visualization of electronic evidence

For citation: Silnov M. A. Specific features of the prosecutor's examination of electronic information carriers when reviewing a criminal case submitted with an indictment (act, resolution). *Criminalist*. 2025;3(52):73-79. (In Russ.).

По окончании расследования уголовное дело поступает к прокурору, который должен определить его дальнейшую судьбу (ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 226, ч. 1 ст. 226.8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)).

Порядок проверки уголовных дел, поступивших с обвинительным заключением, актом, постановлением, детализирован в приказах Генерального прокурора Российской Федерации от 17 сентября 2021 года № 544 (ред. от 22 февраля 2023 года) «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», от 19 января 2022 года № 11 (ред. от 22 февраля 2023 года) «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» и др.

В этой связи важно отметить, что проверка прокурором уголовных дел перед направлением в суд в рамках требований Генеральной прокуратуры Российской Федерации предполагает

всесторонний анализ всей совокупности доказательств, важнейшими из которых являются хранящиеся при уголовном деле вещественные доказательства (ч. 1 ст. 82 УПК РФ), равно как и другие материальные носители информации о преступлении.

В соответствии с ч. 1 ст. 81 УПК РФ вещественными доказательствами могут быть признаны «любые предметы, которые служили орудием, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления, на которые были направлены преступные действия, а также иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела». В Комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, подготовленном коллективом авторов Университета прокуратуры Российской Федерации (научный редактор С. П. Щерба) справедливо подчеркивается, что диапазон использования иных предметов и до-

кументов в числе средств обнаружения и установления обстоятельств уголовного дела необычайно широк. В качестве таковых могут выступать фотографии, аудио- и видеозаписи, различного рода документы и т. д. [1, с. 212].

Важно при этом понимать, что вещественные доказательства не единственный источник сведений о материальных следах преступления. Помимо закрепления по правилам ст. 81 УПК РФ соответствующая информация может фигурировать в качестве приложений к протоколам следственных действий (ч. 8 ст. 166 УПК РФ) или быть легализованной в уголовном деле в виде иных документов (ст. 84 УПК РФ).

Очевидно, что развитие информационных технологий оказало влияние и на сферу доказывания в уголовном процессе. Все чаще в материалах уголовных дел встречаются доказательства, представленные в форме электронных данных [2, с. 5], одной из криминалистических особенностей которых является невозможность их оценки без вскрытия опечатанных пакетов и конвертов и без использования специальных аппаратных средств считывания цифровой записи (кода)¹.

С теоретической и практической точек зрения актуальной представляется проблема отнесения цифровых данных к материальным следам, орудиям преступления, объектам преступных посягательств и др., ведь сам по себе цифровой код нематериален. Мы считаем, что есть все основания для того, чтобы классифицировать электронные данные как вещественные (материальные) доказательства, поскольку, во-первых, материальными являются сами носители таких данных (CD- и DVD-диски, USB-флеш-накопители и др.), а во-вторых, как ранее подчеркивалось, расшифров-

¹ Цифровая запись – способ записи информации, при котором регистрируемые на носителе сигналы преобразуются в последовательность кодовых (цифровых) комбинаций [3].

ка, интерпретация и визуализация этих данных невозможны без специальных аппаратных средств.

Федеральным законом от 27 декабря 2018 года № 533-ФЗ в УПК РФ введена статья 164.1 – «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий». И хотя в системном толковании с положениями ч. 8 ст. 166 УПК РФ информация, изъятая с электронных носителей, по своей процессуальной природе является приложением к протоколу следственного действия, в ходе которого происходит копирование электронной информации (например, обыска, выемки и др.), отдельными авторами предлагается обособить понятие электронных доказательств в структуре вещественных доказательств как специфической информации, восприятие которой невозможно без использования электронно-вычислительных средств [4, с. 65–71].

Поддержим приведенную точку зрения, но с той оговоркой, что вещественные доказательства могут рассматриваться лишь в одном ряду с другими ранее названными источниками формирования электронных доказательств.

Однако вернемся к вопросу о том, почему для прокурора крайне важно исследовать вещественные доказательства, приложения к протоколам следственных действий, иные документы, поступившие с уголовным делом, на электронных носителях информации при рассмотрении вопроса об утверждении обвинительного заключения (акта, постановления).

В. Н. Исаенко справедливо указывает на то, что «анализ прокурором содержания приложения к протоколам следственных действий (аудио- или видеозаписей) является важным средством оценки законности их производства, соблюдения прав их участников» [5].

Результаты проведенных автором настоящей статьи в разные годы исследований [6, с. 77 – 85] показали чрезвычайную распространенность нарушений процессуального порядка проведения фотографирования, аудио- и видеосъемки в процессе предварительного расследования.

Так, к наиболее типичным ошибкам следователей следует отнести: ненадлежащее разъяснение прав участникам следственного действия, привлечение в качестве понятых сотрудников правоохранительных органов, а равно одних и тех же лиц на постоянной основе, указание на производящего съемку специалиста как на участника следственной группы и неразъяснение ему прав и обязанностей, частая постановка наводящих вопросов, производство следственного действия без крайней необходимости в ночное время и др. [7].

Стоит отметить, что видеозапись в указанных случаях не служит закреплению следов преступления, как полагают следователи, а удостоверяет факт грубого нарушения предписаний УПК РФ¹.

Прокурорам надо иметь в виду, что при наличии заявленного в суде ходатайства со стороны заинтересованных лиц о просмотре записей таких «виде-

осюжетов» могут возникнуть самые серьезные сомнения не только в их допустимости, но и в законности собственно протоколов следственных действий, приложением к которым они зачастую и являются. Причем происходят подобные ситуации в условиях, когда возможности нейтрализации и устранения выявленных ошибок и недочетов крайне ограничены.

Поэтому прокурорам надлежит строго следить за соблюдением органами предварительного следствия требований ст. 166, 189, 190, 192, 217 УПК РФ, определяющих условия и порядок фотографирования, а также применения аудио- и видеозаписи при производстве следственных действий.

Очевидно, что соответствующие электронные материалы должны быть изучены прокурором при решении вопроса о направлении дела в суд. В. Н. Исаенко, рассуждая в императивном ключе, настаивает на обязанности прокурора знакомиться с материалами аудио- или видеозаписей, в том числе размещенных на электронных носителях [5].

Возникает, однако, вопрос об алгоритме действий прокурора в связи с проверкой и оценкой содержания электронных носителей информации, вещественных доказательств, иных документов, содержащих цифровые данные, при условии, что они находятся в упаковке, исключающей визуальный контакт, и с учетом того обстоятельства, что их осмотр без применения специальных аппаратных средств лишен познавательного смысла.

По мнению некоторых авторов, определенным препятствием к этому служат положения ст. 221, 222, 226, 226.8 УПК РФ, не предусматривающие регламент действий прокурора с вещественными доказательствами и другими приложениями к уголовному делу, в том числе с электронными носителями информации [8].

¹ Адвокат Супруненко О. Б. в защиту осужденного И. в кассационной жалобе попросил отменить приговор Верховного суда Республики Алтай от 12 февраля 2009 года и дело направить на новое судебное рассмотрение. По мнению адвоката, приговор является незаконным, поскольку председательствующим были допущены следующие нарушения: в ходе судебного следствия присяжным заседателям были представлены недопустимые доказательства, а именно видеозапись показаний И. и С. на предварительном следствии, полученная с нарушением уголовно-процессуального закона и требований п. 3 ч. 4 ст. 190 УПК РФ, а также видеозапись показаний С. в качестве подозреваемого, полученных от него следователем в ночное время в нарушение требований, предусмотренных ст. 187 – 190 УПК РФ (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 июня 2009 г. № 52-009-10сп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

На первый взгляд, подобные рассуждения не лишены смысла, поскольку с правовой точки зрения целостность упаковки вещественного доказательства или другого материального носителя информации действительно имеет важное значение. В целях защиты от изменений, повреждений или замены упаковка должна оставаться в первоначальном состоянии с сохранением печатей, пломб и др.

Отметим также, что вопросы, связанные с оценкой целостности упаковки материальных доказательств, все чаще становятся предметом судебного исследования при рассмотрении уголовных дел.

Так, доводы кассационных жалоб о нарушении целостности упаковки CD-R дисков, содержащих аудиозаписи телефонных соединений, свидетельствующем, по мнению стороны защиты, о подмене доказательства, судебная коллегия по уголовным делам Восьмого кассационного суда нашла надуманными и ничем объективно не подтвержденными. Судом первой инстанции проверено, что упаковка приобщенных CD-R дисков не вскрывалась¹.

Вместе с тем важно отметить, что законодатель в Уголовно-процессуально кодексе Российской Федерации не регламентирует порядок обнаружения, фиксации, изъятия, хранения, опечатывания и т. д. материальных следов преступления, давая лишь общую схему уголовно-процессуального доказывания. Криминалистические же рекомендации по организации такой работы традиционно находили свое описание на уровне ведомственных инструкций.

Примером тому может служить Инструкция о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных до-

казательств, ценностей и иного имущества по уголовным делам в Следственном комитете Российской Федерации, утвержденная Приказом Следственного комитета Российской Федерации от 30 сентября 2011 года № 142. В документе говорится, что «предметы и документы, за исключением документов (в том числе личных), которые будут храниться непосредственно в деле, должны быть упакованы, опечатаны, заверены подписями следователя, понятых и других участников следственного действия. Упаковка должна обеспечивать невозможность подмены или изменения содержимого без нарушения ее целостности и сохранность изъятого от повреждения, порчи, ухудшения или утраты свойств, в силу которых оно имеет значение вещественного доказательства. На упаковке должна быть пояснительная надпись с перечнем ее содержимого и указанием вида, даты и места следственного действия, номера уголовного дела и (или) его краткой фабулы, полного наименования должности лица, производившего следственное действие» (пп. 5, 6 Инструкции).

Регламент работы с вещественными доказательствами существует и в прокуратуре. Так в Инструкции о порядке учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам в органах прокуратуры, утвержденной Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 13 июля 2017 года № 486, указано на возможность выдачи вещественных доказательств из камеры хранения (специального хранилища) по мотивированному требованию прокурора, изучающего уголовное дело. В то же время означенное положение не раскрывает последовательности действий прокурора при распаковке (опечатывании) вещественных доказательств, в том числе на электронных носителях, ведь в упомянутом Приказе речь идет в основном

¹ Кассационным определением Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 7 ноября 2024 года № 77-4180/2024 (УИД № 19RS0007-01-2023-000410-75) приговор по ч. 4 ст. 33, ч. 3 ст. 290, ст. 322.2 УК РФ оставлен без изменения. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

о порядке учета и хранения вещественных доказательств по уголовным делам.

Вместе с тем в распоряжении российских судов имеются необходимая нормативная база.

Так, Инструкция по делопроизводству в Верховном Суде Российской Федерации, утвержденная Приказом Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 8 мая 2015 года № 32-П (ред. от 31 января 2025 года), устанавливает, что «вскрытие упаковки с вещественными доказательствами осуществляется по указанию судьи. Уполномоченный работник секретариата вскрывает упаковку с вещественными доказательствами, сверяет наличие содержимого с описью на ней или с приложением в сопроводительном письме и учитывает вещественные доказательства в журнале» (п. 4.9.6).

Инструкция по судебному делопроизводству в районном суде, утвержденная Приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 29 апреля 2003 года № 36 (ред. от 10 марта 2025 года), предписывает указывать на упаковке: наименование документов, их количество, номер дела, к которому приобщены вещественные доказательства, а после регистрации — номер по порядку записей в книге учета вещественных доказательств, принятых на хранение. Специально оговаривается, что опечатывание вещественных доказательств производится в присутствии судьи, председательствующего по делу. Печать ставится таким образом, чтобы вещественные доказательства не могли быть заменены или изъяты без ее повреждения.

Похожие рекомендации содержатся и в других локальных нормативных актах, регулирующих деятельность судов разных уровней и звеньев (приказы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 1 октября 2019 года № 225 (ред. от 10 марта 2025

года) «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в апелляционных судах общей юрисдикции», от 9 октября 2014 года № 219 (ред. от 27 декабря 2024 года) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в военных судах», от 1 октября 2019 года № 224 (ред. от 27 декабря 2024 года) «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в кассационных судах общей юрисдикции» и др.).

Подводя итог, представляется целесообразным рекомендовать разработать на локальном, ведомственном, уровне порядок вскрытия, просмотра (прослушивания) прокурором материалов, а также повторного опечатывания и заверения своей подписью ранее распакованных объектов по аналогии с инструкциями по делопроизводству, действующими в судебной системе Российской Федерации. В этих целях предлагаем дополнить Инструкцию о порядке учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам в органах прокуратуры Российской Федерации, утвержденную Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 13 июля 2017 года № 486, соответствующими правилами.

Считаем, что детализация и уточнение правовой регламентации действий прокурора по изучению электронных доказательств устранит правовую неопределенность в этом вопросе и позволит обеспечить более высокий уровень защиты прав участников уголовного судопроизводства.

Однако до приведения нормативов работы с вещественными доказательствами в соответствие с устоявшейся практикой правоприменения мы считаем необходимым рекомендовать прокурорам перед направлением дела в суд проверять приложения к протоколам следственных действий и вещественные доказательства, содержащие аудиовизуальную информацию, производя

вскрытие, просмотр (прослушивание) и повторное опечатывание соответствующих объектов по аналогии с правила-ми, закрепленными Инструкцией по судебному делопроизводству в районном суде.

Список источников

1. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Ун-т прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. О. С. Капинус ; науч. ред. С. П. Щерба. Москва : Проспект, 2020. 1136 с.
2. Собирание электронных доказательств по уголовным делам на территории России и зарубежных стран: опыт и проблемы : монография / С. П. Щерба, Е. А. Архипова, Е. В. Быкова ; под общ. и науч. ред. С. П. Щербы ; Ун-т прокуратуры Российской Федерации. Москва : Проспект, 2022. 168 с.
3. Введенский Б. С. Цифровая запись // Большая российская энциклопедия : портал. URL: <https://bigenc.ru/c/tsifrovaia-zapis-d4a834> (дата обращения: 20.05.2025).
4. Григорьев В. Н., Максимов О. А. Об электронных носителях информации в уголовном судопроизводстве // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 3. С. 65 – 71.
5. Исаенко В. Н. Оценка прокурором доказательств в досудебном производстве // Законность. 2014. № 11. С. 34 – 38.
6. Сильнов М. А. Вопросы обеспечения допустимости доказательств в уголовном процессе (досудебные стадии). Москва : МЗ-Пресс, 2001. 108 с.
7. Сильнов М. А. Надзор за использованием технических средств при производстве следственных действий // Законность. 2021. № 9. С. 39 – 41.
8. Михайлова А. П. О полномочиях прокурора при проверке вещественных доказательств по уголовному делу, оконченному производством // Аграрное и земельное право. 2023. № 6 (222). 189 – 191.

Информация об авторе

М. А. Сильнов – доцент кафедры основ прокурорской деятельности Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

M. A. Silnov – Associate Professor at the Department of fundamentals of prosecutorial activities of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.195

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ФУНКЦИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Дмитрий Анатольевич СЫЧЕВ

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, ds999rus@rambler.ru*

Аннотация. Прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. В научной среде не утихают дискуссии как относительно возможности одновременного выполнения этих самостоятельных направлений деятельности прокурором, так и о достаточности определенных в законе полномочий для их реализации. Традиционно для анализа процессуальной деятельности субъектов уголовного судопроизводства используется функциональный подход, в рамках которого определяются их роль и назначение. Прокурор – уникальный субъект уголовного процесса, деятельность которого пронизывает судебные и досудебные стадии, и от качественного определения его роли и полномочий зависит как защита публичного интереса государства и потерпевших от преступлений, так и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Методом исследования является диалектический метод в совокупности с методом системного анализа и социологическим методами. Более глубокому пониманию уголовного преследования как направления деятельности прокурора в досудебном судопроизводстве способствует выявление содержания (наполнения) данной уголовно-процессуальной функции, позволяющее делать выводы о достаточности полномочий для ее реализации. В составе функции уголовного преследования автором исследования впервые предлагается выделять три взаимозависимых составляющих – материальную, процессуальную и обеспечительную. На основе детального анализа полномочий прокурора через призму указанных составляющих делается вывод об их недостаточности для полноценной реализации функции уголовного преследования. В частности, предлагается усилить полномочия прокурора, касающиеся юрисдикции уголовного преследования (квалификации) на различных этапах досудебного производства. Указанное также отвечает статусу прокурора как главы обвинительной власти, единолично распоряжающегося государственным обвинением в судебных стадиях.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные функции, уголовный процесс, сторона обвинения, прокурор, уголовно-процессуальные отношения, прокурорский надзор, состязательность, уголовное преследование, участники уголовного судопроизводства, следственная практика

Для цитирования: Сычев Д. А. К вопросу о содержании функции уголовного преследования в деятельности прокурора в досудебном производстве // Криминалистъ. 2025. № 3 (52). С. 80 – 88.

Original article

ON THE CONTENT OF THE FUNCTION OF CRIMINAL PROSECUTION IN PROSECUTORIAL ACTIVITY DURING PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Дмитрий А. SYCHEV

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, ds999rus@rambler.ru

Abstract. The public prosecutor in Russia is an official authorized, within their competence, to carry out criminal prosecution on behalf of the state during criminal proceedings, as well as to exercise supervision over the procedural activities of inquiry and preliminary investigation authorities. In academic circles, there are ongoing debates both concerning the possibility of the prosecutor simultaneously performing these independent functions, and about the sufficiency of the powers granted by law for their implementation. A functional approach is traditionally used to analyze the procedural activities of participants of criminal proceedings, under which their role and purpose are determined. The prosecutor is a unique subject of the criminal process, whose activities span the judicial and pre-trial stages, and a clear and accurate determination of the prosecutor's role and powers is essential both for protecting the public interests of the state and victims of crimes, and for protecting individuals against unlawful and unfounded accusation, conviction, and restrictions on their rights and freedoms.

The research methodology employs the dialectical method, combined with systemic analysis and sociological methods. A deeper understanding of criminal prosecution as a specific aspect of prosecutorial activity in pre-trial proceedings is facilitated by identifying the substantive content (substance) of the criminal procedural function, which allows the conclusions to be drawn regarding the sufficiency of powers for its implementation. The author of the study proposes for the first time to identify three interdependent components within the function of criminal prosecution – material, procedural and supportive. Based on a detailed analysis of the prosecutorial powers viewed through the prism of these components, it is concluded that existing powers are insufficient for the full and effective exercise of the criminal prosecution function. In particular, it is proposed to strengthen the prosecutor's powers concerning the legal formalization of criminal prosecution (qualification) at various stages of pre-trial proceedings. This proposal is also consistent with the prosecutor's status as head of the prosecution authority and the sole holder of the power to direct public prosecution during judicial stages.

Keywords: criminal procedural functions, criminal procedure, prosecution party, public prosecutor, criminal procedural relations, prosecutor's supervision, adversarial principle, criminal prosecution, participants in criminal proceedings, investigative practice

For citation: Sychev D. A. On the content of the function of criminal prosecution in prosecutorial activity during pre-trial proceedings. *Criminalist*. 2025;3(52):80-88. (In Russ.).

В четвертом номере журнала *Криминалистъ* за 2022 год [1] была опубликована первая часть настоящей статьи, в которой предложено выделять в содержании функции уголовного преследования, осуществляемой прокурором в досудебном производстве, три взаимосвязанных и взаимозависимых составляющих: материальную (имеющую решающее значение), процессуальную

и обеспечительную, проявление которых можно проследить в элементах процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве. Для оценки эффективности реализации прокурором функции уголовного преследования необходимо проанализировать имеющиеся в настоящее время у прокурора полномочия в досудебных стадиях применительно к ее структурным состав-

ляющим. Так, в стадии возбуждения уголовного дела материальная составляющая функции уголовного преследования прокурора, заключающаяся в юридической оценке совершенного деяния, может быть выражена в целом ряде процессуальных действий и решений.

К таковым, в частности, могут быть отнесены опосредованная солидаризация с выраженной в постановлении следователя (дознавателя) о возбуждении уголовного дела уголовно-правовой оценкой действий конкретного лица (ч. 4 ст. 146 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)) либо непосредственная дача согласия дознавателю на возбуждение уголовного дела о любом преступлении, указанном в чч. 2 и 3 ст. 20 УПК РФ. В случае несогласия с предложенной органом расследования квалификацией при возбуждении уголовного дела прокурор вынужден направить материал для дополнительной проверки в порядке ч. 4 ст. 146 УПК РФ, изложив свое мотивированное мнение о применении норм уголовного закона, опять-таки опосредованно воздействуя на квалификацию действий заподозренного лица.

На верную квалификацию прокурор также может императивно сориентировать органы следствия или дознания и через реализацию полномочий, закрепленных в пп. 2–4 ч. 2 ст. 37, ч. 3 ст. 144, ч. 6 ст. 148 УПК РФ.

При этом, не углубляясь в дискуссию о действенности предусмотренных пп. 2 и 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ полномочий прокурора на более ранних этапах стадии возбуждения уголовного дела, следует признать его решающую роль в формировании материальной составляющей уголовного преследования на заключительном этапе, хотя бы потому, что ни одна квалификация, данная в рамках возбуждения уголовного дела, не перейдет границы этой стадии без процессуального одобрения прокурора.

На практике реализация материальной составляющей функции уголовного преследования прокурором на данном этапе сопряжена с определенными сложностями. Так, при возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица с заведомо неверной (занышенной или заниженной) квалификацией прокурор попадает в своеобразную правовую ловушку: отменить незаконное постановление о возбуждении уголовного дела, указав на правильную уголовно-правовую позицию, гарантируя соблюдение права подозреваемого на законное и обоснованное подозрение (ч. 2 ст. 6 УПК РФ), и одновременно затормозить действие назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), принципа разумности уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ), обязательности и немедленности уголовного преследования (ст. 21 УПК РФ) либо процессуально умолчать о заведомо неверной квалификации (де-факто согласиться с незаконным уголовным преследованием), уповая на то, что имеющаяся проблема может быть решена впоследствии через направление требования в порядке п. 3 ч. 3 ст. 37 УПК РФ следственному органу или дачу соответствующего указания органу дознания. Подобное решение казуса юридически несовершенно, ведь прокурор, столкнувшись с имеющимся нарушением, должен отреагировать немедленно, здесь и сейчас, выбирая из своего арсенала наиболее действенные меры реагирования. Возможность отмены постановления о возбуждении уголовного дела в ряде случаев также осложняется фактическим применением мер процессуального принуждения к подозреваемому. Права самостоятельной коррекции своим постановлением (иным процессуальным решением) квалификации преступного деяния прокурор в перечисленных случаях лишен безотносительно формы расследования. Не случайно в настоящее время сохраняет свое значение вы-

раженная в ряде информационных писем позиция Генеральной прокуратуры Российской Федерации, заключающаяся в необходимости взвешенного и избирательного подхода при реализации прокурором полномочий, связанных с отменой постановления о возбуждении уголовного дела.

На начальных этапах стадии предварительного расследования прокурор, реализуя законодательно закрепленную функцию уголовного преследования, сохраняет возможность непрямого влияния на формирующуюся по делу обвинение в рамках реализации полномочий, предусмотренных пп. 3 и 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, ч. 3 ст. 223 УПК РФ.

Применение мер реагирования, как правило, имеет под собой основу в виде выявленных нарушений уголовно-процессуального законодательства при изучении постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого (ч. 9 ст. 172 УПК РФ) или в ходе внепроцессуального обсуждения (заслушивания) материалов уголовного дела на завершающих этапах его расследования. Отметим, что мнение прокурора в рамках заслушивания, несмотря на его непроцессуальную природу, в подавляющем большинстве случаев является ориентиром для органов расследования.

К числу своеобразных проявлений материальной составляющей функции уголовного преследования в процессуальной деятельности прокурора в ходе досудебного производства также могут быть отнесены процессуальные формы отмены необоснованных решений следователя (дознавателя) (в частности, о прекращении и приостановлении уголовного дела (уголовного преследования) по ч. 1 ст. 214, ч. 1.1 ст. 211, ч. 3.1 ст. 223 УПК РФ), начальника органа дознания, подразделения дознания, различные меры санкционного характера (ч. 3 ст. 223, п. 5 ч. 3 ст. 37 УПК РФ и др.), составление досудебного соглашения о сотрудничестве и направление соот-

ветствующего представления в суд, решение вопросов, связанных с изъятием и передачей уголовных дел и материалов, согласование и поддержание в суде ходатайств следователя и дознавателя, отмена процессуальных решений нижестоящего прокурора и другие решения, в которых прокурором четко выражено отношение к квалификации действий конкретного лица (лиц).

При несогласии с правовой оценкой инкриминируемых следователем обвиняемому деяний в обвинительном заключении полностью или частично прокурор лишь косвенно можетказать влияние на квалификацию согласно п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, возвратив уголовное дело следователю для изменения объема обвинения, переквалификации действий обвиняемого или пересоставления обвинительного заключения, а также для прекращения дела по основаниям, предусмотренным ст. 24, 25, 27, 28 и 28.1 УПК РФ, вместо принятия самостоятельного решения об этом.

Единственно возможным случаем прямого вмешательства прокурора в юридическую оценку действий конкретного лица является реализация права самостоятельного прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 24–28 УПК РФ (согласно п. 3 ч. 1 ст. 226, п. 4 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ), и исключения из обвинения отдельных пунктов или переквалификации деяния на менее тяжкое (согласно ч. 2 ст. 226 и ч. 2 ст. 226.8 УПК РФ).

Основным недостатком опосредованного участия прокурора в формировании обвинения является то, что желаемый результат правовой оценки действий лица по возбужденному, расследуемому или направляемому прокурору для утверждения обвинительного заключения уголовному делу отнесен в будущее (иногда до 14 суток и более). И это при условии, что преступление не нуждается в дополнительном расследовании, а требуется всего лишь квали-

ификационная корректировка действий подозреваемого (обвиняемого) на основе имеющихся уже доказательств.

Необъяснима логика законодателя, который предоставил прокурору право отмены более раннего по хронологии расследования постановления о возбуждении уголовного дела (по причине неверности квалификации) и лишил такого права в отношении постановления о привлечении в качестве обвиняемого, снабдив вместо этого на предварительном следствии таким невнятным процессуальным инструментом, как требование об устранении нарушений законов в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, с крайне затруднительным для прокурора порядком преодоления разногласий со следователем и руководителем следственного органа при проведении такого решения в жизнь. Парадоксальным положением закона является и то, что прокурор по делам, расследуемым в форме дознания, может оказывать влияние на квалификацию на завершающем этапе стадии расследования (ч. 2 ст. 226 УПК РФ), а на завершающем этапе стадии возбуждения уголовного дела не может. Сомнительна и вариативность полномочий прокурора относительно возможности влиять на материальную составляющую функции уголовного преследования в зависимости от формы предварительного расследования, учитывая статус прокурора как главного субъекта реализации данной функции (ч. 1 ст. 21 УПК РФ).

Груз процессуальных проблем, связанных с коррекцией неправильной квалификации в досудебном судопроизводстве, толкает прокурора на кардинальное решение этого вопроса в суде, где государственный обвинитель единолично вправе распоряжаться предъявленным обвинением. Таким образом, логичным представляется положение вещей, когда мнение прокурора как главы обвинительной власти будет самостоятельным и решающим в вопросах оцен-

ки полноты обстоятельств, подлежащих доказыванию, квалификации преступления и возможности изменения объема обвинения в пользу его смягчения на всех досудебных стадиях. Процессуальной формой выражения такого мнения может быть постановление о корректировке квалификации, вынесенное прокурором в ходе расследования, которое должно стать ориентиром для вынесения органом расследования постановления о привлечении в качестве обвиняемого или безусловным основанием для его пересмотра. Разумеется, с соответствующими решениями прокурора должна быть ознакомлена и иметь право на их обжалование сторона защиты.

Свою специфику имеет и реализация прокурором процессуальной составляющей функции уголовного преследования. Способность к ее реализации, во-первых, обусловлена концептуальным исключением прокурора из числа субъектов расследования и следованием принципу «кто надзирает, тот не расследует» [2]. Во-вторых, детерминирована времененным фактором. Так, прокурор, исходя из текста норм п. 1.1 ч. 1 ст. 211, ч. 1 ст. 214, ст. 211, 146 УПК РФ, вправе возвратить уголовное дело следователю, изложив в своем постановлении обстоятельства, подлежащие дополнительному расследованию, письменно указать на устранение выявленных недостатков только на завершающем этапе стадий возбуждения уголовного дела или расследования. В-третьих, зависит от формы расследования. В случае с дознанием прокурор вправе руководить процессом уголовного преследования на любом его этапе, применяя полномочия, предусмотренные п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. На предварительном следствии такое управляющее воздействие в своей основе пересекается с надзорной функцией и возможно только при условии нарушения органом следствия закона (исходя из существа требования в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), а также после заверше-

ния расследования по делу (проверки по материалу) необоснованным процессуальным решением. Подобное правовое регулирование имеет свои недостатки. Дача прокурором указаний в порядке п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ о проведении конкретных процессуальных и следственных действий дознавателю на этапе регистрации сообщения о преступлении или непосредственно сразу после возбуждения уголовного дела сковывает его инициативу в уголовном преследовании при одновременном отсутствии оснований для применения мер чисто надзорного характера по проводимому дознавателем расследованию (проверке), так как оно только началось и процессуальный закон никто нарушить не успел. Такие указания дознавателю в начальный момент расследования должен давать не прокурор, а начальник органа или подразделения дознания (ст. 40.1, 40.2 УПК РФ) как должностное лицо, непосредственно осуществляющее ведомственное руководство и процессуальный контроль.

Раз так, казалось бы, логичны соображения А. М. Багмета, замечающего, что на этом этапе положительного влияния прокурорского надзора нет, оно и не требуется, и без участия прокурора, как показывает практика, руководители следственных подразделений способны полностью справляться с организацией проведения первоначальных следственных действий [3], и прав законодатель, лишивший прокурора универсального полномочия по даче указаний следователю, ограничив такие случаи исчерпывающим перечнем незаконных и необоснованных действий последнего. Но как быть, если нарушения со стороны следователя допущены за рамками первоначального этапа расследования. Например, нарушен установленный законом срок проведения проверки (чч. 1, 3 ст. 144 УПК РФ) или расследования (ч. 1 ст. 162 УПК РФ), имеет место длительное и ничем не обоснованное

бездействие в расследовании преступления, что косвенным образом свидетельствует о пассивности следователя в вопросах процессуального уголовного преследования и доказывания. В этот момент прокурор по-прежнему не имеет возможности вмешаться в расследование и эффективно реализовать процессуальную составляющую уголовного преследования. При этом такое квазиполномочие, как требование в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, не носящее властного характера, а апеллирующее к следователю и его руководителю, не может быть альтернативой своевременному устранению нарушений закона и управлению вектора уголовного преследования. Слабым подспорьем в решении прокурором задачи качественного уголовного преследования служит и не носящая властного характера норма ч. 2.1 ст. 124 УПК РФ, предусматривающая указание прокурором в своем постановлении на процессуальные действия, необходимые для ускорения рассмотрения дела, и сроки их осуществления при удовлетворении жалобы, поданной в соответствии с ч. 2 ст. 123 УПК РФ. Несвоевременное и неэффективное участие прокурора в реализации процессуальной составляющей уголовного преследования при установлении нарушений процессуального закона блокирует качественную реализацию прокурором материальной составляющей уголовного преследования. Ведь о какой квалификации может идти речь, если доказательства не собираются или собираются непрофессионально, а руководство следственного органа по той или иной причине бездействует. Учитывая, что до 40 % всех уголовных дел органами следствия оканчивается выше установленного законом срока [4], бездействие должностных лиц следственного органа в сборе доказательств, при том что прокурор не имеет возможности адекватно повлиять на этот процесс, не отвечает назначению уголовного судопроизводства. При этом для

нас очевидно, что прокурор не должен подменять следователя или руководителя следственного органа при производстве расследования, безосновательно вмешиваясь в него на начальных этапах, а также в вопросы тактики и методики расследования. Однако как надзорная инстанция и лицо, отвечающее в итоге за юридизацию уголовного преследования, он должен иметь эффективные процессуальные возможности для побуждения следователя (дознавателя) к сортированию доказательств в подтверждение уже выдвинутого по делу или формирующегося обвинительного тезиса.

Рубеж вмешательства прокурора в процесс сбора обвинительных доказательств на стадии расследования, как и стадии возбуждения уголовного дела, по нашему мнению, должен быть проведен через точку истечения установленных законом процессуальных сроков расследования (проверки) (ч. 1 ст. 162, ч. 3 ст. 223, ч. 1 ст. 226.6, ч. 3 ст. 144 УПК РФ). С момента их истечения прокурор должен получить право дачи обязательных для исполнения указаний следователю или дознавателю о расследовании дополнительных обстоятельств. Это не должно расцениваться как вмешательство в тактику и методику расследования. Необходимо обращать внимание на неполноту и ущербность собранных доказательств в подтверждение обвинительного тезиса, побуждая следователя к сбору новых доказательств. Иными словами, прокурор должен в своих указаниях акцентировать внимание на том, «что не доказано», какие факты нуждаются в дополнительном исследовании и уточнении, а «как доказывать» — должно оставаться в исключительной компетенции следователя и его руководителя.

С учетом изложенного, по аналогии с использующейся в ст. 6.1 УПК РФ категорией «ускорение рассмотрения дела судом», можно ввести категорию «ускорение предварительного рассле-

дования», которая подлежит включению в ст. 6.1 УПК РФ во взаимоувязке с вышеназванным критерием истечения установленного законом процессуального срока.

Возможность реализации прокурором обеспечительной составляющей функции уголовного преследования, исходя из подчиненности ее целей целям материальной и процессуальной составляющих, на наш взгляд, должна напрямую зависеть от возможностей прокурора по реализации последних двух. Из анализа положений действующего УПК РФ следует, что эта составляющая функции уголовного преследования прокурора также проявляется сугубо опосредованно и опять-таки дифференцируется по ряду полномочий в зависимости от формы предварительного расследования. Так, прокурор, будучи ограничен в части дачи согласия на возбуждение перед судом соответствующего ходатайства следователя, реализует обеспечительную составляющую функции уголовного преследования при поддержании ходатайства в суде, обосновывая необходимость избрания (отмены, изменения) меры пресечения, а также иных мер процессуального принуждения, которые допускаются на основании судебного решения, чем устраняются препятствия к законному уголовному преследованию. По мнению И. В. Маслова, в настоящее время расследование преступлений осуществляется на фоне фактического исключения прокурора из субъектов, осуществляющих уголовное преследование, и снятия с него ответственности за раскрытие преступлений и качественное расследование. По этой причине расследование преступлений приобретает уродливые формы и негативно оценивается обществом [5]. Подобные оценки реформы предварительного следствия 2007 года учеными и практиками не единичны [6; 7; 8; 9].

Исходя из изложенного, надлежит заключить, что идея законодателя, который поставил в зависимость объем полномочий прокурора по уголовному преследованию (существо которого едино) от форм расследования и стадий (судебных и досудебных), целевые установки которых, в общем-то, совпадают, весьма спорна. Двусмысленность указанной ситуации заключается и в том, что одновременно прокурор утверждает итоговые акты предварительного следствия и дознания, на базе которых определяются в конечном счете пределы судебного разбирательства, т. е. рамки реализации функции уголовного преследования. В. С. Шадрин обоснованно полагает, что логика законодателя является здесь небезупречной, а эксперимент законодателя, задачей которого было посмотреть, каким образом отразится на качестве расследования уголовных дел передача полномочий от прокурора к руководителю следственного органа, явно затянулся и не оправдал своих ожиданий [10, с. 20 – 25]. Этот вывод подтверждают и некоторые показатели качества следственной работы. Так, ежегодно отмечается достаточно высокий уровень выявленных прокурором нарушений закона на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (если в 2020 году количество таких нарушений составило 1 594 994, то в 2021 году выросло более чем на 7 % и существенно не снижается) [11]. Доля дел, направляемых прокурором для дополнительного следствия (или пересоставления обвинительного заключения), от числа дел, направленных прокурору с обвинительным заключением или постановлением о применении мер медицинского характера, за период с 2007 по 2024 год последовательно возрастала, находясь в диапазоне от 0,35 % до 0,87 %. В среднем около 1% составляют отмененные прокурором постановления о возбуждении уголовных дел от числа возбужденных уголовных дел. В абсолютном

выражении этот показатель в среднем составляет около 10 000 отмененных постановлений о возбуждении уголовных дел ежегодно [12].

На наш взгляд, единство пирамиды обвинительной власти должно прежде всего базироваться на решающей роли прокурора в формировании обвинения или материальной составляющей функции уголовного преследования на всех этапах уголовного процесса. Формирование обвинения – это прежде всего представление обвинения, продвижение и полноценное распоряжение прокурором уголовным преследованием. Уместным будет здесь привести справедливую позицию А. С. Александрова, считающего, что прокурор в уголовном процессе должен обладать полномочием «на распоряжение уголовным преследованием (вплоть до предоставления иммунитета от уголовного преследования обвиняемому). <...>. Органов уголовного преследования может быть много. Обвинительная власть должна быть одна и распоряжаться ею должен прокурор» [12, с. 23].

При этом возврат права самостоятельной квалификационной оценки (юридизации) преступного деяния прокурором должен быть подкреплен возможностью его реального влияния на процесс собирания доказательств, если орган следствия бездействует в вопросах реализации процессуальной составляющей функции уголовного преследования. Ведь только при условии законного и своевременного сбора изобличающих подозреваемого (обвиняемого) улик может быть реализована материальная составляющая функции уголовного преследования. Требует своего законодательного закрепления и право прокурора на непосредственную реализацию обеспечительной составляющей уголовного преследования в случае непринятия или невозможности принятия адекватных обеспечительных мер органом следствия или дознания. Так, прокурору

должно быть предоставлено право отменить или изменить меру пресечения (заключение под стражу или домашний арест), избранную следователем (дознавателем), если сохраненный прокурором при квалификации действий обвиняемого в ходе предварительного расследования или утверждении обвинительного заключения (постановления, акта) объем

вменения не предполагает применение наказания в виде лишения свободы. Кроме того, перечисленные полномочия прокурора по участию в реализации отдельных составляющих функции уголовного преследования должны быть унифицированы независимо от формы расследования или досудебной стадии.

Список источников

1. Сычев Д. А. О содержании функции уголовного преследования в деятельности прокурора в досудебном производстве // Криминалистъ. 2022. № 4 (41). С. 98 – 104.
2. Баstrykin A. Гражданская позиция : сб. выступлений и статей. Москва : [б. и], 2014. 347 с.
3. Багмет А. М. Об устранении двоевластия в уголовном преследовании // Российская юстиция. 2013. № 12. С 57 – 60.
4. Основные результаты прокурорской деятельности за январь – декабрь 2021 года // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://genproc.gov.ru/stat/> (дата обращения: 21.04.2025).
5. Маслов И. В. От Следственного комитета к единому органу расследования // Законность. 2012. № 3 (929). С. 35 – 41.
6. Лапин С. Ю. Прокурор-следователь: революция началась // ЭЖ-Юрист. 2007. № 26.
7. Дьяконова О. Г., Спесивцев П. В. О некоторых полномочиях прокурора при осуществлении им преследования и надзора за предварительным следствием // Российский следователь. 2011. № 10. С 24 – 28.
8. Горюнов В., Макаров К. Прокурор как субъект уголовного преследования // Законность. 2013. № 4. С. 6 – 8.
9. Коршунов И. Г. О проблемах реформирования прокурорского надзора в современный период // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Т. 1, № 4 (56). С. 293 – 296.
10. Шадрин В. С. Современные особенности реализации прокурором функции уголовного преследования в досудебном производстве // Криминалистъ. 2015. № 1. С. 20 – 25.
11. Государственная и ведомственная статистическая отчетность (надзор за исполнением законов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства). Отчеты за январь – декабрь 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 года // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://genproc.gov.ru/stat/> (дата обращения: 21.04.2025).
12. Александров А. С. Забыть Фойницкого? // Стратегии уголовного судопроизводства : сб. материалов научной конференции к 160 годовщине со дня рождения И. Я. Фойницкого. Москва : Российская акад. правосудия, 2008. С. 23.

Информация об авторе

Д. А. Сычев – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

D. A. Sychev – Associate Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343

**ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ИЗГОТОВЛЕНИЕ, ХРАНЕНИЕ, ПЕРЕВОЗКУ
ИЛИ СБЫТ ПОДДЕЛЬНЫХ ДЕНЕГ ИЛИ ЦЕННЫХ БУМАГ**

Владимир Ильич ТЮНИН

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
v-tunin@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы юридической оценки действий, образующих признаки объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 186 УК РФ. Исследуется вопрос о характеристике ценной бумаги как предмета преступления. Рассмотрен вопрос о совокупности преступлений при совершении одним лицом различных действий, образующих объективную сторону преступления, условия квалификации преступления как неоконченного и единого продолжаемого.

Ключевые слова: поддельные деньги, ценные бумаги, изготовление, хранение, перевозка, сбыт, квалификация, покушение, оконченное преступление

Для цитирования: Тюнин В. И. Вопросы уголовной ответственности за изготовление, хранение, перевозку или сбыт поддельных денег или ценных бумаг // Криминалистъ. 2025. № 3 (52). С. 89 – 96.

Original article

**ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY FOR THE PRODUCTION, STORAGE,
TRANSPORTATION OR SALE OF COUNTERFEIT MONEY OR SECURITIES**

Vladimir I. TYUNIN

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia,
v-tunin@rambler.ru

Abstract. The article examines certain aspects concerning the legal assessment of actions constituting the objective elements of the crime provided for by Article 186 of the Criminal Code of the Russian Federation. The issue of characterizing a security as the object of the crime is investigated. The article also considers the issue of the aggregations of crimes when single individual commits various actions forming the objective side of the crime, as well as the conditions for qualifying the crime as incomplete and as a single continuing one.

Keywords: counterfeit money, securities, production, storage, transportation, sale, qualification, attempt, completed crime

For citation: Tyunin V. I. Issues of criminal liability for the production, storage, transportation or sale of counterfeit money or securities. Criminalist. 2025;3(52):89-96. (In Russ.).

В настоящей статье будут рассмотрены некоторые вопросы, касающиеся характеристики предмета и признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 186 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), влияющие на оценку совершенного деяния как преступления.

Остановимся на предмете преступления, который в диспозиции ст. 186 УК РФ указан как государственные ценные бумаги и другие ценные бумаги в валюте Российской Федерации. Названные предметы не являются самыми востребованными при совершении преступления, однако, на наш взгляд, требуют к себе внимания, поскольку не все они могут быть предметом преступления. И связано это с функциями, которые выполняют указанные предметы в гражданском обороте.

Что такое ценная бумага? Для ответа на вопрос обратимся к гражданскому законодательству Российской Федерации. В статье 142 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) сказано, что ценная бумага представляет собой документ установленной формы и с обязательными реквизитами, удостоверяющий имущественные права, осуществление и передача которых возможны только при ее предъявлении. В статье содержится не исчерпывающий перечень наиболее известных видов ценных бумаг: государственные облигации, облигации, векселя, чеки, депозитные и сберегательные сертификаты, коносаменты, акции, приватизационные ценные бумаги и другие документы, которые законами о ценных бумагах или в установленном ими порядке отнесены к числу ценных бумаг. В уголовно-правовой литературе обращалось внимание на характеристики ценных бумаг, их виды, объем прав обладателей ценных бумаг. Достаточно подробно характеризовал государственные ценные бумаги как предмет преступления В. Д. Ларичев

(1, с. 3 – 10). Примеры совершения фальшивомонетничества, предметом которого является вексель, приводит П. С. Яни (2, с. 25 – 29).

Мы обратим внимание на одно обязательное свойство ценных бумаг – их оборотоспособность. Многообразие ценных бумаг, различие прав, вытекающее из характера и основания их возникновения, предполагают различный механизм их обращения (оборотоспособность). Например, в литературе известно деление ценных бумаг на обладающие публичной достоверностью и не обладающие ею.

Ценные бумаги, передаваемые посредством цессии, не обладают признаком публичной достоверности и получили в юридической литературе название обычновенных именных ценных бумаг, или ректа-бумаг. На этот вид ценных бумаг распространяется порядок, установленный п. 2 ст. 146 ГК РФ. Порядок передачи ордерной ценной бумаги определен в п. 3 ст. 146 ГК РФ и т. д.

В отличие от денег, жизнь ценной бумаги связана с реализацией права, закрепленного в ценной бумаге, при наступлении события, которое может быть определено каким-либо сроком или совершением действий владельца ценной бумаги либо сроком исполнения обязательства лицом или органом, выпустившим (создавшим) ценную бумагу. Представляется, что преступление, предусмотренное ст. 186 УК РФ, может быть совершено с момента создания поддельной ценной бумаги до момента погашения такой ценной бумаги, т. е. в период жизни такой бумаги (если бы она была настоящей). Скажем, до момента погашения облигации (акции) субъектом, ее выпустившим, или до момента удовлетворения векселедателем требования векселедержателя, т. е. в период ее оборотоспособности, когда она может переходить из рук одного владельца в руки другого владельца на законном основа-

нии, если новый владелец приобретает все права, которыми обладал прежний.

В своей работе В. Д. Ларичев приводит такой пример подделки ценной бумаги с целью последующего получения денежных средств в отделении банка, являвшегося ее эмитентом. Некто Каплан Е. А., используя бланки именных облигаций, полученные из неустановленного источника, изготовил именные облигации государственного целевого беспроцентного займа 1990 года, предоставляющие право при погашении в отделениях Сбербанка России вместо указанных в них автомобилей «Москвич – 2141» получить 60 процентов их стоимости. После этого на оборотной стороне облигаций были произведены записи о якобы новых владельцах облигаций. Впоследствии записи были заверены поддельной печатью Почепского отделения Сбербанка России Брянской области, и неустановленное лицо произвольно расписалось за контролера и кассира указанного банковского учреждения, якобы выдавшего эти облигации.

Затем облигации были представлены для погашения в Колпинское отделение Сбербанка России, где по ним были получены денежные средства в размере 31 590 000 неденоминированных рублей [1, с. 3 – 10].

Деяние, совершенное Капланом Е. А., было квалифицировано как преступление, предусмотренное ст. 186 УК РФ. Заметим, что облигации были погашены и переданы в архив, следовательно, прекратили действовать и утратили оборотоспособность. Обратимся к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 года № 2 (ред. от 6 февраля 2007 года) «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» сказано, что «изготовление в целях сбыта или сбыт

поддельных денег или ценных бумаг приобретает повышенную общественную опасность в условиях становления рыночной экономики, подрывая устойчивость отечественной валюты и затрудняя регулирование денежного обращения». Как представляется, ценные бумаги, закончившие свою жизнь, не могут находиться в денежном обращении. Не случайно сбыт поддельных денежных знаков и ценных бумаг должен квалифицироваться как хищение.

Приведенный пример свидетельствует, что виновное лицо не собиралось вводить в оборот ценные бумаги, а ставило перед собой цель завладеть денежными средствами, принадлежащими государству, используя для этого поддельные ценные бумаги. К схожему выводу в результате своих рассуждений приходит профессор П. С. Яни (2, с. 25 – 29). Анализируя ситуацию с оборотом ценной бумаги, а именно с векселем, автор отмечает, что из содержания пп. 1, 6 и др. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 года № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» следует, что используются поддельные ценные бумаги в качестве средства платежа при оплате товаров и услуг, дарении, даже взаймы, продаже и т. п. тогда, когда виновный в таком сбыте предполагает, что таким образом вводит подделку в соответствующем качестве в сферу денежного обращения. В противном случае действия, связанные с отчуждением поддельной ценной бумаги, не могут рассматриваться как фальшивомонетничество. При анализе судебной и следственной практики нам не встретилось примеров сбыта поддельной ценной бумаги, где бы она выступала средством расчетов. Обычно ценная бумага выступает предметом сделки, при совершении которой используется для завладения чужими денежными средствами. Однако такие

действия не квалифицировались как хищение, что свидетельствует, с одной стороны, об игнорировании содержания понятия сбыта при обороте ценных бумаг, а с другой стороны, об устоявшейся судебной практике квалификации таких деяний по ст. 186 УК РФ.

Примером ошибки оценки как фальшивомонетничества является осуждение по ч. 2 ст. 186 УК РФ гражданина Борисова, который по просьбе А. и Ж. за плату изготовил поддельный вексель, который в последующем предполагалось вложить в материалы уголовного дела вместо изъятого оттуда работниками милиции. В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2002 года сказано: «Фактически же судом установлено, что Борисов изготовил поддельный вексель не для последующей его реализации как ценной бумаги, а для вложения в материалы уголовного дела вместо имевшегося там векселя. При таких обстоятельствах кассационная инстанция переквалифицировала действия Борисова с ч. 2 ст. 186 УК РФ на ч. 1 ст. 327 УК РФ. Определение № 48-002-117 по делу Борисова и других»¹.

Приведем еще один пример осуждения виновного по ст. 186 УК РФ при отсутствии у него умысла на введение денежных средств в денежный оборот. Осужденный Я. в надзорной жалобе оспаривал квалификацию его действий по ч. 1 ст. 186 УК РФ, указывая, что у него не было умысла пустить в обращение фальшивые денежные купюры, которые не имели существенного сходства с настоящими. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за III квартал 2002 г. (по уголовным делам) : утв. Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2002 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 3. С. 3 – 8.

состоявшиеся по делу судебные решения в отношении Я., указав, что «суд не учел, что непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 186 УК РФ, являются отношения в сфере денежного обращения и кредитного регулирования, а сбыт поддельных денег может совершаться только с прямым умыслом». Действия виновного были переквалифицированы с ч. 1 ст. 186 УК РФ на п. «а» и п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (Определение № 41-Д12-44)².

Обратимся к одной из характеристик предмета преступления, которая в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 2 от 28 апреля 1994 года названа как «существенное сходство по форме, размеру, цвету и другим основным реквизитам с находящимися в обращении подлинными денежными знаками или ценными бумагами» (абз. 2 п. 3). В оценке предмета подделки как имеющего существенное сходство есть два аспекта: объективный и субъективный. Объективный аспект представляет собой фактическое несоответствие подделки находящимся в обращении подлинным денежным знакам или ценным бумагам. В названном Постановлении дается лишь краткое перечисление тех признаков, по которым следует определять такое несоответствие: форма, размер, цвет и другие основные реквизиты денежных знаков или ценных бумаг (объективные признаки). Субъективный аспект выражается в восприятии предмета подделки физическими лицами, к числу которых относятся лица, совершающие преступление, свидетели, эксперты, потерпевшие, члены суда, влияющим на оценку изготовления и сбыта подделки как фальшивомонетничества или мошенничества [3,

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2012 года : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 апреля 2013 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013 № 6. С. 3 – 8.

с. 67 – 75]. Неустановление существенного соответствия либо несоответствия предмета подделки подлинным денежным знакам или ценным бумагам представляет собой существенное нарушение уголовного и уголовно-процессуального закона и является основанием для отмены вынесенного приговора по делу. Приведем пример такого рода. В. был осужден за хранение, перевозку в целях сбыта заведомо поддельных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации (ч. 1 ст. 186 УК РФ). В. оспаривал судебные решения, считая их незаконными и необоснованными, и указывал на отсутствие существенного сходства поддельных купюр с подлинными, что подтверждалось заключением экспертизы и показаниями свидетеля Г. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации установила существенные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона: суд не проверил, имеют ли поддельные купюры существенное сходство с подлинными денежными знаками, что является обязательным условием для квалификации действий по ст. 186 УК РФ, и не установил, могут ли поддельные купюры быть введены в денежное обращение. В итоге апелляционное определение Московского городского суда от 3 июня 2024 года было отменено, материалы уголовного дела направлены на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд в ином составе¹.

Приведем пример осуждения К. по ч. 1 ст. 186 УК РФ. В надзорной жалобе осужденный просил переквалифицировать содеянное на ст. 159 УК РФ на том основании, что судом не учтены все обстоятельства дела. Надзорная инстанция, рассмотрев материалы дела, указала, что объектом фальшивомонетничества является кредитно-денежная

¹ URL: https://nuzhenadvokat.ru/_sudebnaya-praktika-obgalovaniya-prigovorov-po-st-186 (дата обращения: 10.05.2025).

система Российской Федерации и отношения в сфере денежного обращения, что предполагает возможность участия поддельных банкнот в течение определенного времени в денежном обороте. Из заключения экспертизы следовало, что установить признаки поддельности представленного на исследование денежного билета США возможно без применения технических средств. Свидетели по делу также указывали на то, что еще до сбыта К. денежного билета выявили признаки подделки, в частности расхождение номиналов на лицевой и оборотной сторонах купюры². По такому же основанию судебной коллегией по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции определением от 21 июля 2020 года № 77-941/2020 был отменен приговор в отношении Б. Бабушкинского районного суда города Москвы от 20 марта 2019 года³.

В указанных и подобных им случаях содеянное должно квалифицироваться как мошенничество по ст. 159 УК РФ.

По мнению С. А. Смотрова, для определения того, являлись ли действия, состоящие в сбыте поддельных денег или ценных бумаг, умышленными, следует установить критерии, указывающие на это, обязав устанавливать при производстве экспертизы обязательные признаки исследуемых предметов подделки [4, с. 16 – 20].

Н. С. Пономарева выделяет ряд признаков поддельных денежных купюр, которые, по мнению автора, свидетельствуют о мошенничестве, а не фальшивомонетничестве [5, с. 21 – 24].

Обратимся к признакам объективной стороны состава преступления, установленного ст. 186 УК РФ. Начнем с того,

² Определение суда надзорной инстанции Верховного Суда Российской Федерации от 4 июня 2008 г. № 18-Д08-50. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21 июля 2020 г. № 77-941/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

что в редакции до 28 апреля 2009 года объективная сторона преступления описывалась следующим образом: «Изготовление в целях сбыта или сбыт поддельных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации, металлической монеты, государственных ценных бумаг или других ценных бумаг в валюте Российской Федерации либо иностранной валюты или ценных бумаг в иностранной валюте». Таким образом, преступление состояло в изготовлении и сбыте поддельных денег или ценных бумаг. Именно эти признаки, составляющие объективную сторону преступления, и раскрываются в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 года № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг». Предложение изменить (дополнить) текст ст. 186 УК РФ поступило от депутатов Самарской губернской думы 19 февраля 2008 года. Проект прошел все согласования и в итоге был принят в форме Федерального закона от 28 апреля 2009 года № 66-ФЗ. С этого момента ст. 186 УК РФ приобрела еще два признака объективной стороны: хранение и перевозка. По замыслу законодателей, хранение и перевозка становились самостоятельными преступлениями наряду с изготовлением и сбытом при условии, что хранение и (или) перевозка осуществлялись с целью последующего сбыта.

В действующей редакции (2007 года) Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 2 от 28 апреля 1994 года понятия «хранение» и «перевозка» не разъясняются. В пояснительной записке к проекту федерального закона № 385884-4 «О внесении изменений в статью 186 Уголовного кодекса Российской Федерации» указывалось, что в целях избежания уголовной ответственности выстраивается соответствующая схема, которая предполагает

разделение функций лиц, участвующих в совершении преступлений, предусмотренных ст. 186 УК РФ: одни изготавливают поддельные деньги или ценные бумаги, другие осуществляют перевозку, трети — хранение, другие же — их сбыт.

Действительно, при такой схеме, если деяние осуществляется организованными группами, перечисленные действия образуют преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 186 УК РФ, независимо от того, какие конкретно действия совершают участники такой группы. Но как следует квалифицировать содеянное, если нет организованной группы и лица, участвующие в совершении преступления, совершают несколько действий из числа перечисленных. Имеется ли судебная практика квалификации по ст. 186 УК РФ хранения и (или) перевозки поддельных денежных знаков или ценных бумаг, как следует квалифицировать деяние, включающее несколько альтернативных признаков, составляющих объективную сторону преступления?

Снова обратимся к судебной практике применения ст. 186 УК РФ. Гамидов З. С. осужден приговором Камышинского городского суда Волгоградской области от 16 апреля 2018 года по ч. 1 ст. 186 УК РФ. В кассационной жалобе Гамидов З. С. заявил о несогласии с такой юридической оценкой, полагая, что его действия по ч. 1 ст. 186 УК РФ квалифицированы неверно, поскольку продавец магазина П., установив поддельность купюры, ее не приняла и товар не продала. Следовательно, им совершено неоконченное преступление — ч. 3 ст. 186 УК РФ. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации в кассационном определении от 15 сентября 2022 года № 16-УД22-12-К4 указала, что сам факт хранения Гамидовым З. С. фальшивой денежной купюры с целью последующего ее сбыта уже является оконченным преступлением, незави-

сими от того, удалось ли виновному запустить в легальный денежный оборот поддельную купюру. При этом содеянное им не образует совокупности преступлений, поскольку диспозиция ч. 1 ст. 186 УК РФ включает альтернативные действия, позволяющие с учетом положений ст. 17 УК РФ считать содеянное не совокупностью преступлений, а сложным единичным преступлением¹.

В надзорном определении Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 3 июня 2004 года № 57-Д04-6 по делу К. указывается на правильность осуждения виновного по ч. 3 ст. 186 УК РФ и по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 186 УК РФ на основании ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений. Суть дела такова: К. совместно с неустановленным лицом изготовил два поддельных векселя, которые в последующем были сбыты. При совершении сбыта К. выполнял роль пособника, наблюдая за обстановкой. В последующем К. трижды участвовал в сбыте поддельных ценных бумаг в указанной роли. 6 ноября 2001 года при сбыте поддельных векселей было обнаружено, что они являются фальшивыми, после чего Р. (сбыгчик) был задержан. Участие К. в сбыте поддельных векселей было квалифицировано по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 186 УК РФ, а участие в изготовлении двух векселей 20 сентября 2001 года — как оконченное преступление по ч. 3 ст. 186 УК РФ². Таким образом, в данном деле суд не посчитал, что изготовление и сбыт являются альтернативными признаками, образующими одно продолжаемое преступление, и вообще этот вопрос не обсуждался. По-видимому, это верно, поскольку есть особенности в оценке изготовления поддельно-

го денежного знака и последующего его сбыта, который может быть неудачным. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 2004 года № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» указано, что «изготовление фальшивых денежных знаков или ценных бумаг является оконченным преступлением, если с целью последующего сбыта изготовлен хотя бы один денежный знак или ценная бумага, независимо от того, удалось ли осуществить сбыт подделки» (п. 4). Следовательно, изготовление не является альтернативным признаком, к которым следует относить хранение, перевозку и сбыт.

Рассмотрим вопрос о действиях, образующих неоконченное преступление. Чаще всего вопрос о неоконченном преступлении возникает в связи со сбытом поддельных денежных купюр. Имеют место случаи квалификации как оконченного преступления и последующего осуждения судом первой инстанции по ст. 186 УК РФ. После обжалования приговора суды порой отменяют приговоры судов первой инстанции. Так, по приговору Новгородского районного суда Новгородской области от 18 декабря 2019 года А. осужден по ч. 1 ст. 186 УК РФ. А. был признан виновным в хранении в целях сбыта и сбыте заведомо поддельных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации. Судебной коллегией по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции определением от 28 сентября 2021 года № 77-1968/2021 приговор районного суда в отношении А. изменен: действия А. с ч. 1 ст. 186 УК РФ переквалифицированы на ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 186 УК РФ. Суть дела такова: А. приобрел три поддельных банковских билета номиналом 5000 рублей. Указанные билеты А. хранил, а затем использовал в качестве платежного средства в различ-

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 сентября 2022 г. № 16-УД22-12-К4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Надзорное определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 июня 2004 г. № 57-Д04-6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ных торговых точках города в период с 1 по 10 октября 2018 года. При сбыте третьей купюры продавец обнаружила признаки подделки на представленном к оплате билете, преступные действия были пресечены, А. был задержан сотрудниками полиции. Кассационная инстанция усмотрела в действиях виновного единый умысел на сбыт всех имеющихся у него поддельных купюр, который не был доведен до конца¹. Заметим, что это далеко не единственный случай переквалификации оконченно-го преступления на покушение в подобных случаях [6, с. 349–351]. Однако возникает вопрос, возможно ли квалифицировать сбыт как самостоятельное преступление при отсутствии хранения и перевозки. В современном мире вряд ли можно передвигаться, не используя какой-либо вид транспорта, и не всегда сбыт совершается сразу же после при-

обретения поддельных денег или ценных бумаг. Ведь в приведенном нами примере упоминается, что виновный А. какое-то время хранил поддельные купюры. Значит, не всякое перемещение с поддельными деньгами должно пониматься как перевозка и не всякое обладание ими как хранение.

Анализ правоприменительной практики привлечения к ответственности по ст. 186 УК РФ свидетельствует о значительном числе ошибок на стадии предварительного расследования и при вынесении приговора. Полагаем, что их можно было бы избежать при наличии необходимых разъяснений в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 года № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг».

Список источников

1. Ларичев В. Д. Уголовно-правовая характеристика фальшивомонетничества // Адвокат. 2001. № 3. С. 3–10.
2. Яни П. С. Поддельная ценная бумага как предмет фальшивомонетничества // Законность. 2016. № 8. С. 25–29.
3. Ляскало А. Н. Разграничение хищения и фальшивомонетничества // Уголовное право. 2017. № 1. С. 67–75.
4. Смотров С. А. Об объективном критерии разграничения фальшивомонетничества и мошенничества // Эксперт-криминалист. 2015. № 3. С. 16–20.
5. Пономарева Н. С. Проблемные вопросы уголовно-правовой квалификации фальшивомонетничества // Российский следователь. 2007. № 2. С. 21–24.
6. Сабанин С. Н., Медведев Д. А. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного статьей 186 УК РФ // Молодой ученый. 2022. № 23 (418). С. 349–351.

Информация об авторе

В. И. Тюнин – профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук.

Information about the author

V. I. Tyunin – Professor at the Department of criminal law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Science (Law).

---

¹ URL: <https://dzen.ru/a/YXGAqAQenkSLvTS7> (дата обращения: 28.04.2025).

Научная статья
УДК 343.2/7

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НАРУШЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Полина Викторовна ФЕДЫШИНА¹, Анастасия Александровна ЩЕГЛОВА²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ effo@yandex.ru

² shcheglovanastay@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются понятие частной жизни, права, составляющие неприкословенность частной жизни, меры уголовно-правовой охраны частной жизни, а также обосновывается необходимость криминализации вмешательств в частную жизнь граждан и необходимость совершенствования законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: частная жизнь, неприкословенность частной жизни, вмешательство в частную жизнь, нарушение неприкословенности частной жизни

Для цитирования: Федышина П. В., Щеглова А. А. Социальная обусловленность криминализации нарушения неприкословенности частной жизни // Криминалистъ. 2025. № 3 (52). С. 97 – 102.

Original article

SOCIAL CONDITIONALITY OF ESTABLISHING CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF PRIVATE LIFE

Polina V. FEDYSHINA¹, Anastasia A. SHCHEGLOVA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ effo@yandex.ru

² shcheglovanastay@mail.ru

Abstract. The article considers the concept of private life, the rights that constitute the inviolability of private life, measures of criminal legal protection of private life, as well as substantiates the necessity of establishing criminal responsibility for interference in citizens' private lives and the need to improve legislation in this area.

Keywords: private life, inviolability of private life, interference in private life, violation of private life

For citation: Fedyshina P. V., Shcheglova A. A. Social conditionality of establishing criminal responsibility for violation of private life. Criminalist. 2025;3(52):97-102. (In Russ.).

Одним из основных гарантов соблюдения прав и свобод человека в любом государстве является правовая культура,

отношение общества к праву и нормам нравственности и морали, понимание и соблюдение границ дозволенного,

неприемлемость противоправного поведения со стороны отдельных граждан. Преступность и девиантное поведение являются неискоренимой проблемой любого общества, и именно правовая культура в широком смысле позволяет государству разрабатывать и более или менее эффективно внедрять методы правового регулирования различных общественных отношений в целях охраны граждан от противоправных или аморальных посягательств. Лишь высокий уровень правовой культуры приводит к состоянию защищенности граждан. Как отмечают исследователи, общественные отношения усложняются, на общество негативно влияют геополитические аспекты, состояние преступности, уровень жизни, развитие новых технологий [1, с. 381]. При этом каждый человек и гражданин, согласно Конституции Российской Федерации, обладает различными правами, в том числе личными, которые индивидуализируют личность, и государство обязано обеспечивать и защищать эти права [2, с. 122].

Развитие общества и стремительный научно-технический прогресс приводят к появлению новых видов и способов посягательства на личные права граждан, возникающие общественные отношения нуждаются в регламентации и разработке соответствующих мер государственного, в том числе уголовно-правового реагирования, поскольку, будучи неурегулированными, создают правоприменительные проблемы. Кроме того, неурегулированность общественных отношений вызывает невозможность обеспечения правоохранительными органами их защиты, что воспринимается обществом как неэффективность правоохранительной системы и влечет правовой нигилизм и дестабилизацию общества.

Не подвергается сомнению значимость закрепления в Конституции Российской Федерации права на не-

прикосновенность частной жизни. Разнообразие нормативно-правовых актов, уже принятых в нашей стране, подтверждает важность этих отношений. Среди таких актов следует выделить Гражданский кодекс Российской Федерации и Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 года) «О персональных данных», Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ (ред. от 1 апреля 2025 года) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Определение понятия «частная жизнь» претерпело множество изменений. В Декларации прав и свобод человека и гражданина, которая была принята Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 года, впервые упомянута частная жизнь. Затем она была отражена в действующей на данный момент Конституции. Конституционный Суд Российской Федерации, учитывая решения Европейского суда по правам человека, в 2012 году определил частную жизнь как ту область жизнедеятельности человека, которая имеет отношение к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она, в свою очередь, не носит противоправного характера [3; 4]. В частную жизнь включены «все сферы семейной, бытовой, имущественной, культурной жизни, родственных и дружественных связей, домашнего уклада личных отношений» [5, с. 1].

Одним из неотъемлемых конституционных прав граждан является неприкоснovenность частной жизни, означающая предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера.

Исходя из приведенного определения и характера общественных отношений, охраняемых и защищаемых законами

Российской Федерации, неприкосновенность частной жизни включает в себя:

запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия;

право контролировать информацию о себе;

право на защиту чести и доброго имени;

право на защиту персональных данных;

право на тайну связи;

право на неприкосновенность жилища;

врачебную тайну, тайну усыновления, тайну исповеди, другие виды профессиональной тайны и иное.

Неприкосновенность частной жизни охраняется различными отраслями права, в том числе уголовным — ст. 137, 138 и 139 УК РФ.

Так, ст. 137 УК РФ предусматривает ответственность за собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну. Для привлечения к ответственности за подобное деяние необходимо установление субъективного отношения к таким сведениям потерпевшего, учет его мнения об их скрытости от посторонних [6, с. 38]. Личная и семейная тайна являются схожими понятиями, различающимися между собой следующим: личная тайна непосредственно касается интересов конкретного индивидуума, в свою очередь, семейная тайна затрагивает интересы нескольких лиц, находящихся друг с другом в семейных отношениях. Объективная сторона преступления выражается в активной форме поведения: путем незаконного собирания сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия; путем незаконного распространения таких сведений без согласия лица; путем распространения этих сведений в публичном выступлении, публично демонстриру-

ющемся произведении или в средствах массовой информации [7].

Также государство охраняет тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК РФ) и право на неприкосновенность жилища (ст. 139 УК РФ), охватывая значительную часть общественных отношений, касающихся защиты неприкосновенности частной жизни лица. Однако указанные статьи не способны эффективно бороться с новыми видами посягательств, так как правонарушитель, например, может получить доступ к сведениям, охраняемым ст. 138 УК РФ, а также к жилищу потерпевшего на законных основаниях в силу ранее сложившихся отношений между ним и потерпевшей стороной.

В случае одновременного нарушения нескольких конституционных прав граждан, например посредством сбора сведений о частной жизни лица, касающихся его личной или семейной тайны, подключения к линии связи или проникновения в жилище, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений — по ст. 137 и ст. 138 или 139 УК РФ [8, с. 114].

В отдельных случаях доступ к информации о частной жизни является открытый, однако данный факт не устраниет угрозу личной безопасности потенциального потерпевшего со стороны лица, имеющего доступ к данной информации и способного использовать ее во вред потерпевшему. Важным аспектом является и то, что более тяжкие преступления, посягающие на личность потерпевшего, могут являться последствием вовремя не пресеченного вмешательства в его частную жизнь.

Несмотря на важность рассматриваемой проблемы и наличие определенного механизма уголовно-правового регулирования, количество возбужденных уголовных дел и лиц, осужденных по указанным статьям, ничтожно мало. Так, Судебный департамент при Верховном

Суде Российской Федерации привел статистику за первую половину 2024 года: по ст. 137 УК РФ осуждено 96 человек; по ч. 1 ст. 138 УК РФ – 7 человек. Это может свидетельствовать как об отсутствии осознания правоприменителем важности защиты личных прав граждан, так и о правовых пробелах и недостаточной разработанности нормативно-правового регулирования.

Анализ сообщений в средствах массовой информации позволяет заключить, что в России проблема вмешательства в частную жизнь граждан является актуальной. Так, в апреле 2019 года мужчина на протяжении длительного времени преследовал бывшую жену, появлялся на ее работе и возле дома. На фоне ревности и нежелания прекратить отношения он регулярно вмешивался в частную жизнь бывшей супруги, а затем совершил ее убийство [10]. В 2023 году в Тюмень мужчина сначала следил за бывшей женой, а после напал на ее семью, причинив смерть ее матери и сожителю [11].

Случаи вмешательства в частную жизнь являются весьма распространенным явлением. Подобному вмешательству подвержены бывшие партнеры вновьных, их знакомые и коллеги, а также различные медийные лица и субъекты, деятельность которых связана с определенным взаимодействием с гражданами (врачи, должностные лица). Например, с 2011 года в течение девяти лет бывшая клиентка врача-терапевта преследовала его и его семью, ставя под угрозу их психическое и физическое здоровье. Из-за продолжающегося вмешательства в их частную жизнь им пришлось сменить адрес проживания и образ жизни с целью ограничить контакты с преследователем [12].

Проблема вмешательства в частную жизнь граждан является общемировой. Для ее решения было приложено немало усилий и издан не один нормативно-правовой акт. Статистические данные других государств наглядно

показывают тенденцию к возрастанию напряженности в этой сфере и закономерно обозначают необходимость регулирования этой проблемы правовыми методами.

Так, в Японии количество лиц, обратившихся за консультацией по поводу ущерба от незаконного вмешательства в частную жизнь, в 2020 году составило 20 189 человек, оставаясь стабильно высоким и превышая 20 000 уже восьмой год подряд. Количество случаев нарушения Закона о запрете преследований увеличилось на 121 до 985 случаев, что стало на тот момент самым высоким показателем за историю статистики. Также количество случаев нарушения уголовного законодательства и других специальных законов в связи с вмешательством в частную жизнь лица (в частности, с преследованием) увеличилось на 27 до 1518 впервые за четыре года. Такие нарушения включали проникновение в жилище (300 случаев), запугивание (220 случаев), нападения (165 случаев) и причинение материального ущерба (107 случаев). Было совершено одно убийство и семь покушений на убийство [13, с. 889].

В США около 1,3 % (3,4 миллиона) всех людей в возрасте от 16 лет стали жертвами преследования в 2019 году, одна из трех женщин и один из шести мужчин подвергались преследованию в какой-то момент своей жизни [14, с. 2].

Согласно данным исследования преступности в Великобритании (CSEW), вмешательство в частную жизнь становится с каждым годом все более острой проблемой, что приводит к применению в этой стране все более жестких мер со стороны государства и более частому привлечению виновных лиц к ответственности по соответствующим статьям.

Те же выводы применимы и к ситуации в Германии, где полиция официально ведет учет подобных случаев с целью недопущения и своевременного пресе-

чения роста вмешательств в частную жизнь граждан этой страны. Из отчета следует, что в 2023 году было выявлено более 20 000 таких случаев, что не осталось без внимания правоохранительных органов.

Ответственность за данные действия предусмотрена более чем в 45 странах, среди них есть страны как романо-германской правовой семьи (Бельгия, Италия, Швейцария, Германия, Франция и др.), так и ангlosаксонской (Австралия, США, Англия, Канада и др.). Опыт зарубежных государств, в которых достаточно давно и успешно существует правовой контроль вмешательства в частную жизнь граждан, может быть весьма интересен и полезен для совершенствования законодательства в Российской Федерации.

Сложность регулирования общественных отношений, связанных с вмешательством в частную жизнь лица, на правовом уровне диктует необходимость обязательного комплексного решения данной проблемы. В качестве эффективной правовой меры противодействия, в частности, может выступать введение в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовный кодекс Российской Федерации статей, более широко регулирующих эти общественные отношения. Соответствующие законодательные инициативы

внесены в Государственную Думу Российской Федерации, что также свидетельствует об актуальности рассматриваемой проблематики. Например, ЛДПР предложила законопроект № 671685-8, предусматривающий включение в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях нормы, которая бы регламентировала ответственность за вмешательство в частную жизнь, выражющееся в преследовании лица¹. Составители проекта предлагают в качестве квалифицирующих признаков предусмотреть использование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и совершение правонарушения гражданином, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное правонарушение, что представляется обоснованным в силу специфики и существующих в настоящее время возможностей вмешательства в частную жизнь лица как противоправного явления, предполагающего множество способов его осуществления.

Таким образом, в современной России наблюдается постоянный рост случаев вмешательства в частную жизнь граждан, которые не охватываются действующими правовыми нормами, и существует острая социальная необходимость доработки законодательства в данной сфере и внесения изменений в нормативно-правовые акты.

Список источников

1. Судакова О. В. Личные неимущественные права, направленные на обеспечение неприкосновенности и тайны личной жизни граждан // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 1 (30). С. 381 – 384.
2. Кокоева Л. Т. Правовая защита личных неимущественных прав, их место в гражданском праве РФ // Аграрное и земельное право. 2023. № 4 (220). С. 118 – 122.
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 1253-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса

¹ Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 12.06.2025).

Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2005 г. № 248-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Сперанская Л. В. Право на неприкосновенность частной жизни / документ подготовлен для системы «КонсультантПлюс». Дата публикации: 11.06.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Бунова И. И. О предмете нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 5. С. 38–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-predmete-narusheniya-neprikosnovennosti-chastnoy-zhizni-st-137-uk-rf> (дата обращения: 12.03.2025).

7. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Климанов А. М., Пешков Д. В., Розовская Т. И. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина : науч.-практ. пособие / под общ. ред. З. И. Брижак. Москва : Юрлитинфор, 2015. 190, [1] с. (Уголовное право).

9. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в первом полугодии 2024 года административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://vsrf.ru/documents/statistics/?year=2024/> (дата обращения: 12.03.2025).

10. «Преследовал годами»: экс-милиционер убил бывшую жену и избежал тюрьмы // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20200430/1570816427.html/> (дата обращения: 12.03.2025).

11. Тюменец убил тещу и нового сожителя своей бывшей жены // 72.RU : сайт. URL: <https://72.ru/text/criminal/2023/02/20/72073289/> (дата обращения: 12.03.2025).

12. Бывшая пациентка девять лет преследует врача // MK.RU : сайт. URL: <https://spb.mk.ru/social/2020/09/28/byvshaya-pacientka-devyat-let-presleduet-semyu-vracha.html/> (дата обращения: 12.03.2025).

13. Уголовное право России: состояние и перспективы : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. «Волженкинские чтения», Санкт-Петербург, 29 ноября 2024 года / С.-Петерб. юрид. ин-т (филиал) Ун-та прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. А. А. Сапожкова. Санкт-Петербург : СПб ЮИ (ф) УП РФ, 2025. 890 с.

14. Рыжова О. А., Корнишина Ю. С. Об ответственности за stalking в Российской Федерации и в зарубежных странах // Наука. Общество. Государство. 2018. № 4 (24). С. 49–55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-otvetstvennosti-za-stalking-v-rossiyskoy-federatsii-i-v-zarubezhnyh-stranah> (дата обращения: 12.03.2025).

Информация об авторах

П. В. Федышина – старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации;

А. А. Щеглова – студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

P. V. Fedyshina – Senior Lecturer at the Department of criminal law, criminology and penal executive law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation;

A. A. Shcheglova – Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343

КОНЦЕПЦИЯ «МЕНТАЛЬНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ»

Алексей Васильевич ХОЛОПОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, alekseiholopov@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка описания основ криминального поведения, истоки которого, по мнению автора, в ментальном уровне социума. С позиции антропологии права, в рамках концепции «ментального преступления» автор рассматривает криминогенные (девиантогенные) ментальные образы, во многом имеющие метафизическую природу, вызывающие энтропийные изменения в информационно-смысловом пространстве индивидуального и коллективного сознания, проявляющиеся в социальной реальности в виде криминальных форм поведения. Автор рассматривает концепцию «ментального преступления» в качестве основы теоретического описания процесса генезиса преступления как протокриминальной фазы и фазового перехода в предкриминальную фазу преступления.

Ключевые слова: преступление, ментальность, менталитет, концепция, концепция «ментальное преступление», социальная энтропия, социальная система

Для цитирования: Холопов А. В. Концепция «ментального преступления» // Криминалистъ. 2025. № 3 (52). С. 103 – 112.

Original article

THE CONCEPT OF «MENTAL CRIME»

Alexey V. KHOLOPOV

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, alekseiholopov@yandex.ru

Abstract. The article attempts to describe the foundations of criminal behavior, the origins of which, according to the author's opinion, emerge in the mental level of society. From the perspective of legal anthropology, within the framework of the concept of "mental crime", the author examines criminogenic (deviantogenic) mental images, largely of a metaphysical nature, which cause entropic changes in the informational-semantic space of individual and collective consciousness, and which manifest in social reality as forms of criminal behavior. The author considers the concept of "mental crime" as a theoretical basis for describing the process of crime genesis as a pro-criminal phase and phase transition into the pre-criminal phase of a crime.

Keywords: crime, mentality, mindset, concept «mental crime», social entropy, social system

For citation: Kholopov A. V. The concept of «mental crime». Criminalist. 2025;3(52):103-112. (In Russ.).

Сложность научного исследования причин преступного поведения заключается в том, что они имеют междисци-

плинарный характер и рассматриваются с точки зрения таких наук, как социология, психология, психиатрия, нейро-

© Холопов А. В., 2025

физиология, культурология, история и, конечно же, в юриспруденции — криминология, криминалистика, юридическая психология и судебная психиатрия.

Основываясь на том, что *Homo sapiens* эволюционирует в направлении реализации когнитивной (произведенное от латинских терминов *cognitio* и *cogitation*, означающих соответственно «познание» и «познавание») природы человека, представляет интерес рассмотрение процессов взаимодействия индивида и социума на так называемом ментальном (от лат. *mens* — сознание, ум, образ или стиль мышления, умственные способности человека) уровне. Прежде всего это связано с тем, что индивид как субъект познания в процессе восприятия и осмысливания информации не берет ее из ниоткуда, т. е. вся информация, содержащая образы социального и антисоциального (преступного) поведения, уже отражена в так называемой информационно-психологической среде (пространстве) социальной системы. Такая среда является отражением ментального опыта социальной системы. Соответственно, формирование, например, образа и стиля мышления индивида происходит на ментальном уровне, преимущественно бессознательно. Это позволяет говорить о социальной обусловленности процессов формирования и развития личности человека, в которой в результате сложной совокупности факторов в одном случае антисоциальные, преступные образы, отраженные на ментальном уровне социума (ментальный опыт), воспринимаются индивидом и формируют стиль и направленность мышления, в другом случае подобное отсутствует. Можно сказать, что криминальное в личности не проявляется спонтанно, произвольно из ниоткуда, так как формирующим источником является общество, на ментальном уровне которого сохранены как социальные, так и криминальные образы поведения.

Другими словами, ментальный уровень социума уже содержит антисоциальные, девиантные, криминальные образы, при этом, находясь практически в равных условиях, один индивид становится их проводником, а другой нет.

По нашему мнению, подобные процессы возможно рассмотреть на концептуальном уровне, поскольку понятие «концепция» обладает высоким уровнем абстрактности и своего рода семантической емкости, что позволяет использовать его в гуманитарных науках, например для описания явлений в обществе, можно сказать, представляющем собой социальное пространство, в котором на основе совокупности причин и условий осуществляется генезис разнообразных социальных процессов, в том числе и криминальной (негативной) природы.

Традиционно под термином «концепция» (от лат. *conceptio* — понимание, соединение, сумма, совокупность, система) рассматривается «определенный способ понимания, трактовки какого-либо предмета, явления, процесса, основная точка зрения на предмет или явление, руководящая идея для их систематического освещения» [1]. Однако термин «концепция» в переводе в латинского имеет и другие значения, например резервуар, хранилище, формулировка (словесное выражение), зачатие [2]. Основываясь на этом, можно сказать, что «концепция» представляет собой гипотетический резервуар или хранилище идей, предложений и гипотез, на основе которых осуществляется зарождение (зачатие) теории. Иначе говоря, концепцию можно рассматривать как основу или начало (генезис, зарождение) практически любой теории, в широком смысле являющейся формой организации научного знания, обеспечивающей целостное, систематизированное и обоснованное представление субъекта познания о каком-либо предмете, процессе или явлении и т. д.

Таким образом, понимая дискуссионность затрагиваемой темы, считаем необходимым описать ее на концептуальном уровне, позволяющем высказать некоторые идеи, касающиеся сложных информационно-смысовых процессов в социальных системах, которые, как нам представляется, относятся к истокам криминального.

В основе описываемой концепции лежит понятие «ментальное», по сути, являющееся сложной абстрактной категорией, использующейся в философии, психологии, культурологии и истории. Ментальное – представляющее собой некоторое субъективное пространство, сферу или среду, отражающую историко-культурный опыт, мировоззрение и мироощущение на индивидуальном и коллективном уровне социальной системы. Важно понимать, что «мировосприятие и мироощущение близки к тому, что в культурологии обозначается понятием ментальности» [3, с. 12].

Можно сказать, что ментальность соединяет сознание индивида с массовым сознанием социума, преимущественно на бессознательном уровне, тем самым определяя или, вернее, наделяя человека и социальную группу менталитетом.

Менталитет можно понимать как информационно-психологический феномен, связанный «с подсознанием и отражающий гиперличность народа... которая, формируется в течение тысячелетий под воздействием среды обитания и жизнедеятельности народов. <...> При этом глубинные мотивы поведения не осознаются человеком, они определяются подсознанием, которое в образной форме содержит культурный опыт едва ли не всего человечества, выраженный, как правило, в мифологических сюжетах» [4].

В этом смысле «менталитет представляет собой цельную характеристику людей, существующих в определенной культуре, которая позволяет описать

своебразие ощущения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него» [5].

Здесь важно отметить, что такое реагирование может иметь криминальные проявления, истоки которого уходят на ментальный уровень индивидуального и коллективного сознания индивида, социальной группы и социума в целом. Считаем возможным в качестве примера привести преступления, совершаемые мигрантами, криминальное поведение которых во многое может иметь ментальные основы. Такое криминальное поведение возможно объяснить как девиантную реакцию, вызванную непониманием и неприятием традиций и норм историко-культурного и информационно-смыслового пространства российского социума. Конечно же, в данном случае необходимо учитывать образовательный и культурный уровень мигрантов, но, по сути, такое криминальное поведение является результатом столкновения (конфликта) ментальностей и менталитетов народов и культур.

С этой точки зрения можно сказать, что вся мыслительная и физическая деятельность индивида определяется ментальностью, вырабатываемой и транслируемой материнской средой. Ментальность как информационно-смысловая среда, как культурно-историческое пространство или как уровень мировоззрения и мироощущения под воздействием на человека можно назвать фоновым излучением, восприятие которого происходит на бессознательном уровне, например в процессе формирования личности. Ментальность, поддерживаемая и транслируемая социальной системой из поколения в поколение, определяет сознание и мышление человека, формирует и конструирует на протяжении развития личности категориальную сетку (систему) ценностей, позволяющих ориентироваться (геопозиционироваться) в смысловом,

психологическом, историческом, политическом, социальном и географическом пространстве, которое занимает его материнское общество (социум).

Понятия «менталитет», «ментальность», «ментальный», «ментальное» имеют метафизическую природу, одновременно формирующуюся и проявляющуюся на знако-символическом уровне информационно-смыслового содержания социальных процессов. Другими словами, ментальность (ментальный опыт) можно рассматривать как память (наследие) социума, располагающуюся на стыке коллективного и индивидуального сознательного и бессознательного. Проявление ментального можно наблюдать в знаках и символах, отражающих смысл, например, исторических событий, художественного творчества, религиозных традиций, общественной и политической деятельности и т. д. Сложность и неоднозначность распознавания, анализа и толкования ментального уровня социума позволяет говорить о стохастичности (случайный, вероятностный, беспорядочный, непредсказуемый) и стихийности проявления его информационно-смыслового содержания и его влияния на социальные процессы. Однако такие процессы определяют сознание человека как природная среда или как естественная эволюция определяют физиологию человеческого организма, отражаясь в его геноме. В этом смысле полагаем возможным рассмотреть ментальность и менталитет как своего рода социальный геном, передающий из поколения в поколение наследственный невещественный материал гуманитарной природы, определяющий духовные, когнитивные и коммуникативные качества как индивида, так и социальной системы в целом.

Это обуславливает практически все личностные и социальные свойства индивида и, соответственно, антисоциаль-

ные (криминальные) проявления в мыслительной и физической деятельности.

С точки зрения сложности описываемых процессов в социальных системах с помощью такого понятия, как «ментальное преступление», полагаем возможным использовать и другие наименования, отражающие суть рассматриваемых проблем, например ментальные основы криминального, истоки преступления (правонарушения) в ментальном пространстве (на ментальном уровне). По сути, концепция «ментальное преступление» представляет собой докриминальные (протокриминальные) основы (начала) преступления.

Приставка «прото-» обозначает отнесенность к истокам чего-либо, т. е. указывает «на первичность, зачаточность данного явления как истока, начала, предвестия» [6]. С помощью термина «протокриминальный» возможно обозначить первоначальный, первичный, древнейший период зарождения преступления в социальном бытии. Использование этого термина имеет место в научных исследованиях в области криминологии и социологии, например отмечается, что «образы преступника и протокриминальная субкультура присутствуют уже в архаических культурах» [7, с. 8], а также имеет место рассмотрение девиантогенных структур, протокриминального и криминального характера [8]. Отметим, что контекст исследований подобного рода позволяет говорить о протокриминальной фазе преступления, попытка рассмотрения которой предпринимается в данной статье в рамках концепции «ментального преступления». С позиции системной методологии преступление представляется собой самоорганизующуюся динамическую систему или, точнее, развивающийся социальный системный процесс, имеющий свой жизненный цикл, традиционно понимаемый в уголовно-право-

вых науках как предкriminalная, кriminalная и посткriminalная фазы.

Полагаем, что в целом методологическую основу концепции «ментального преступления» необходимо строить на положениях системно-синергетического подхода [9], позволяющего описать преступление с точки зрения жизненного цикла сложной динамической системы, которая, в свою очередь, также является энтропийным (энтропия – мера возрастания хаоса в системе, деградация функций управления и организации) процессом в социальной системе, используя такие характеристики, как нелинейность процесса, фазы, фазовые состояния, фазовые портреты системы, фазовые переходы, диссипация, энтропия, точка бифуркации, атTRACTоры и т. д.

Интерес представляют причины (акторы), факторы, условия и механизм самоорганизации преступления не как физического акта, вызывающего чувственно-материальные изменения в социальной среде, но как когнитивного процесса (явления), происходящего в сознании человека, который по своей сути можно назвать началом правонарушения на ментальном уровне. Другими словами, рассматривая человека как субъекта когнитивной природы, сформированного коммуникативной информационно-смысловой средой социальной системы, необходимо поставить вопрос об исследовании обретения преступлением реальности на ментальном уровне (процесс проявления ментального в сознании), являющегося начальным этапом по отношению к проявлению преступления не только в физической реальности, но и в сознании.

Информационно-смысловое содержание и логика социальных процессов, выраженных для индивида в совокупности ситуаций и событий, формирующих жизненные обстоятельства, обладают своего рода суггестивным воздействием

на бессознательный и сознательный уровень психики человека, заключающимся «во внушении, намеке, психологическом воздействии на чьи-либо мысли, подсознание или поведение» [10], а также «вызывающим собою какие-нибудь представления, идеи» [11].

В этой связи, говоря о человеке как о социальном существе, можно категорично утверждать, что кriminalная (криминогенная) направленность (вектор) в мыслительной деятельности (когнитивных процессах) индивида имеет ментальную обусловленность.

Именно поэтому истоки (причины) преступления как акта мыслительной и физической деятельности полагаем необходимым искать в социальной природе человека как субъекта, создающего сложные коллективно-коммуникативные формы выживания, в которых, собственно, сам человек является преимущественно пассивным участником, подчиняющимся эволюционно сформировавшимся социальным процессам.

Рассматривая социальные системы, следует говорить не просто об энтропии как о мере неупорядоченности системы (мера хаоса в системе), но о так называемой социальной энтропии, представляющей собой «социокультурный феномен, воплощающий совокупность характеристик социальной реальности, сложившихся в ходе социального взаимодействия и отражающих меру ее отклонения от условно нормального (эталонного) состояния, системную социальную неопределенность в жизнедеятельности личности и социума, уровень социального порядка и социальной организации в условиях социокультурной динамики» [12, с. 137].

Отметим, что в XX веке в западных научных социологических исследованиях была сформирована теория социальной энтропии, представленная в работах американского социолога и ученого-си-

стемщика К. Бейли «Теория социальной энтропии» [13] и французского социолога М. Форсе «Маловероятностный порядок: энтропия и социальные процессы» [14].

Полагаем, что социальную энтропию возможно рассматривать как фактор, лежащий в основе возникновения таких антисоциальных явлений, как криминальная деятельность на индивидуальном и коллективном уровне социальной системы. В данном случае считаем возможным рассматривать социальную энтропию как некоторый измеритель (меру) разновидности социальной энергии, возрастание которой активизирует процессы антисоциального (антисистемного) характера, способствующие пробуждению, формированию, развитию и актуализации на ментальном уровне индивидуального и коллективного сознания социума, реакций криминальной природы на какие-либо общественные, культурно-исторические, политico-экономические и иные процессы, протекающие в социальной системе.

Как отмечалось ранее, ментальность (ментальный опыт) можно представить как социальный геном. С этой точки зрения социальная энтропия является проявлением (осуществлением, воплощением) негативной наследственности в социальном геноме.

В этом смысле социальная энтропия на коллективном и индивидуальном уровне социума не всегда криминогенна, т. е. не всегда имеет проявления в криминальных формах, но практически всегда лежит в основе таковых.

Одним из конкретных выражений энтропии в социальных системах (таких как общество, государство), оказывающих негативное воздействие на развитие, является преступление и преступность как «форма сдерживаемого общественной организацией энтропийного процесса» [15, с. 30]. Для противодействия подобным энтропий-

ным процессам в социальных системах сформирована соответствующая технология — уголовное судопроизводство и право в целом.

Основываясь на этом, право как системная совокупность социальных норм имеет достаточно оснований быть ментально обусловленной негэнтропийной (нег- от лат. *negativus* — отрицательный (противоположный) по отношению к понятию энтропия, обозначающий меру порядка и упорядоченности системы) функцией (фактором) в социуме. Кроме этого, на уровне социальных систем право можно рассматривать как ментальный опыт общества, в котором отражено организационно-управленческое наследие в противодействии социальной энтропии, цель которого — увеличение степени организованности социальной системы (уменьшение процессов, вызывающих деградацию и хаос в социуме).

Следует отметить, что в философии и теории права, например в исследованиях, посвященных правовой культуре, рассматривается такое понятие, как правовой менталитет, понимаемый как «исторически сложившиеся специфические, наиболее типичные и устойчивые для определенной социальной или национально-этнической общности системы мировоззренческих представлений, оцениваний и реагирований на объекты государственно-правовой действительности» [16, с. 10–11].

С некоторым допущением полагаем возможным рассматривать правовой менталитет и ментальное преступление (антиправовой (криминальный) менталитет) как деонтологическую категориальную пару, отражающую негэнтропийную и энтропийную характеристики (показатели, явления, факторы) способности социума на индивидуальном и коллективном уровне осуществлять познание, организацию и управление социальными процессами, связанными с исследованием социальной реальности

(сущее), конструированием модели развития социума (должное) и установлением степени расхождения между ними, с целью определения направленности (вектора) социальной динамики развития или деградации общества.

Человек сталкивается с многоуровневым воздействием социальной энтропии, проявляющейся в коммуникативных, информационно-смысовых, социально-экономических и бытовых процессах, которые в целом на протяжении длительного времени оказывают влияние на его когнитивную, психологическую и физическую сферы жизни. Иначе это можно представить как энтропийное воздействие социума на индивида на ментальном уровне, преимущественно находящемся за пределами сознания человека в части его чувственного восприятия, но проявляющемся в нем в виде криминогенной направленности — осмысление совершения преступления как варианта решения какой-либо ситуации. Следует пояснить, что ментальный опыт социума может проявляться для индивида в виде ситуаций и событий, смысловое (символическое) содержание которых на сознательном уровне человеком практически не воспринимается. Полагаем, что в данном случае восприятие осуществляется на бессознательном уровне психики, т. е. смысл, содержание и логика жизненных обстоятельств бессознательно воспринимаются на основе инстинктивного и интуитивного восприятия, а также личного ментального опыта, сформированного коллективным (ментальным) опытом социума.

В этом смысле негативное содержание и противоречия, отраженные на ментальном уровне социальной системы, передаются индивиду или группе посредством социальной энтропии, которая, можно сказать, придает ментальному опыту когнитивную реальность, воспринимаемую сознанием человека.

Результатом этого является формирование образа преступления и осмысление его совершения, истоки которого уходят на ментальный уровень коллективного и индивидуального сознания социума. Другими словами, социальная энтропия переводит содержимое ментального уровня социума из метафизического пространства в физическое.

Можно сказать, что на бессознательном уровне преодолеваются негэнтропийные ментальные барьеры, сформированные системой социальных ценностей, которые человек фактически переступает и тем самым как бы становится восприимчивым к ментальным образам криминального содержания. Фактически человек становится их проводником с метафизического на физический уровень, т. е. совершает преступление на ментальном уровне — ментальное преступление. По сути, дальнейшее осмысление противоправной (криминальной) формы поведения в сознании можно считать совершившимся актом его перехода из ментального мира в реальный, т. е. процесс материализации ментальных криминогенных образов на коллективном и индивидуальном уровне сознания. Важно отметить, что осмысление преступления является уже его предкриминальной фазой, в которой психика человека воспринимает его вплоть до физических ощущений.

В этом контексте метафизический аспект концепции «ментального преступления» считаем возможным рассмотреть, опираясь на такие направления в психологии, как архетипическая психология К. Г. Юнга и трансперсональная психология С. Грофа, так как «архетип и ментальность связаны, при этом архетип является неотъемлемой составляющей психологической системы ментальности» [17].

В качестве иллюстрации зарождения криминального поведения на менталь-

ном уровне психики возможно привести научную работу В. И. Иванова «Практическая криминальная гомицидология», описывающую модели криминального гомицидального поведения, к которому автор относит терроризм, псевдо-террористические формы насилия, серийные убийства, т. е. так называемые сценарные гомицидальные убийства. Основу криминальной гомицидологии В. И. Иванов строит на архетипической психологии, указывая, что «любые проявления гомицидальности несут в себе жестокость, так как своей сущностью отрицают атрибуты гуманистической культуры и ищут возможность воспроизведения на современной почве примитивных антропофагических удовольствий. <...> Архетип гомицидальности... всегда циркулирует в сфере адаптированной примитивной деструктивности, которая неспецифически (на любой мотив) одинаково крайне разрушительна» [18, с. 28 – 29].

Также ментальная обусловленность криминогенной направленности коллективного и индивидуального уровня сознания может быть проявлена логикой жизненных обстоятельств, т. е. совокупностью социальных ситуаций, спровоцировавших криминальную реакцию человека или социальной группы (терроризм, секты и т. д.).

Ментальность преступления означает, что преступление осмысливается и переживается в пространстве коллективного сознания, накапливается и усиливается из поколения в поколение социальными процессами энтропийного характера.

В целом это позволяет сделать предположение о существовании в ментальном пространстве социальной системы (ментальном опыте) криминогенных ментальных образов. Можно сказать, что зарождение, развитие преступления (генезис) происходит на ментальном уровне коллективного и индивидуального сознания социальной системы.

Таким образом, считаем, что с помощью концепции «ментального преступления» возможно сформировать основу теоретического описания генезиса преступления, т. е. его протокриминальную фазу и фазовый переход в предкриминальную. Концепцию «ментального преступления», по сути, также можно представить в качестве медиатора, с помощью которого описывается процесс коммуникации социальной энтропии с массовым и индивидуальным сознанием, т. е. процесс воплощения социальной энтропии через массовое и индивидуальное сознание в преступление как психофизический акт человека (группы) и его социальные последствия. Другими словами, социальная энтропия осуществляет своего рода перенос (трансляцию) криминогенных образов архетипической природы с коллективного уровня сознания на индивидуальный через бессознательную сферу личности человека, преодолевает (пересекает) границы между ментальным и реальным, коллективным и индивидуальным бессознательным, а также между коллективным и индивидуальным сознанием социума.

Криминальные формы поведения как бы растворены на ментальном уровне (ментальный опыт) социальной системы, и их непосредственное проявление (воплощение) в коллективном и индивидуальном сознании осуществляется социальной энтропией в условиях сложной, на первый взгляд стохастичной совокупности социальных факторов. В данном случае нельзя утверждать, что воздействие на человека определенной совокупности социальных факторов проявляет (активирует) в нем криминальные реакции (криминальные формы поведения). Не все люди, попавшие в схожую жизненную ситуацию, совершают преступление и станут преступниками.

По нашему мнению, такой ментальный опыт является источником формирования предпосылок и условий изменений энтропийного характера

в информационно-смысловом и ситуативно-событийном (жизненные обстоятельства) пространстве, бессознательно воспринимаемом на коллективном и индивидуальном уровне социальной системы, в элементах которой социальная энтропия проявляется в противоправных (криминальных) формах деятельности.

Ключом к пониманию концепции «ментального преступления» в теории и философии права (антропологии права) является необходимость установления связи с классическими представлениями в криминологии и уголовном праве о природе преступления посредством формирования его общей (единой) теории – общая (системная) теория преступления [19]. Считаем возможным предположить, что в будущем общая теория преступления может строиться как на неклассической (метафизической) части

(протокриминальная (докриминальная) фаза преступления – ментальное преступление), так и классической части, основанной на устоявшихся «традиционных» в юридических дисциплинах криминального цикла представлениях о преступлении, имеющих целостное описание в рамках системной методологии.

Таким образом, концепцию «ментального преступления» необходимо воспринимать как попытку осмысления в рамках антропологии права с позиции такого направления, как юридическая когнитология [20], своего рода трансграничного информационно-смыслового пространства, соединяющего метафизический и физический уровни протокриминальных и криминальных явлений, вызывающих энтропийные изменения в социальном бытии социума.

Список источников

1. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. Москва : Советская энциклопедия, 1983. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2537/КОНЦЕПЦИЯ (дата обращения: 06.06.2025).
2. Латинско-русский словарь. 2003. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/latin_rus/8935/conceptio (дата обращения: 06.06.2025).
3. Пустовалова И. В. Философско-антропологический анализ категории «миропонимание» // Социосфера. 2011. № 1. С. 10 – 12.
4. Хромова Е. Б. О некоторых подходах к исследованию феномена «менталитет» в социально-гуманитарном знании // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2017. № 1. С. 223 – 233. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-podkhodah-k-issledovaniyu-fenomena-mentalitet-v-sotsialno-gumanitarnom-znanii> (дата обращения: 06.06.2025).
5. Самойлов М. А. Понятие менталитета и попытки локализации области его значений // Культура и образование. 2018. № 2 (29). С. 5 – 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-mentaliteata-i-popytki-lokalizatsii-oblasti-ego-znacheniy> (дата обращения: 06.06.2025).
6. Проективный философский словарь : Новые термины и понятия / под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эштейна. Санкт-Петербург : Алетейя, 2002. 512 с. URL: <https://projective-philosophy.academic.ru/83/> Прото- (дата обращения: 12.03.2025).
7. Гущин Э. Н. Образы преступника и криминальные субкультуры в культурно-цивилизационных системах : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Гущин Эдуард Николаевич. Белгород, 2019. 25 с.
8. Анисимова С. Г. Предпосылки и условия аномии в России: девиантологический дискурс // Вестник РГГУ. Серия: «Социологические науки». 2012. № 2 (82). С. 208 – 221. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-i-usloviya-anomii-v-rossii-deviantologicheskiy-diskurs-2> (дата обращения: 06.06.2025).
9. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетическая парадигма. Основные понятия в контексте истории культуры // Живая этика и наука. 2008. № 1. С. 379 – 443. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sinergeticheskaya-paradigma-osnovnye-ponyatiya-v-kontekste-istorii-kultury> (дата обращения: 10.06.2025).

10. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. Москва : Эксмо, 2006. 669, [2] с. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/34584/СУГГЕСТИВНЫЙ (дата обращения: 06.06.2025).
11. Словарь по возрастной и педагогической психологии / под ред. М. В. Гамезо. Москва : Пед. о-во России, 2001. 127 с. URL: https://educational_psychology.academic.ru/327/Суггестивный (дата обращения: 06.06.2025).
12. Воробьев Г. А. Теоретико-методологический конструкт философского изучения социальной энтропии в процессах воспроизведения социальной реальности // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 22, № 6. С. 134 – 141.
13. Bailey, Kenneth D. Social entropy theory / Kenneth D. Bailey. Albany : State univ. of New York press, Cop. 1990. XVIII. 310 p.
14. Force M. L'ordre improbable. Entropie et processus sociaux. Paris, 1989. 258 p.
15. Тюгашев Е. А. Криминология и синергетика. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2008. Т. 4, № 2. С. 26 – 36.
16. Меняйло Д. В. Правовой менталитет : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Меняйло Дмитрий Васильевич. Ростов-на-Дону, 2003. 23 с.
17. Петрова Е. И. Архетипическое основание менталитета в трансформирующемся социуме // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2014. № 1. С. 58 – 68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskie-osnovaniya-mentaliteta-v-transformiruyuschemsyasotsiume> (дата обращения: 07.07.2025).
18. Иванов В. И. Практическая криминальная гомицидология. Санкт-Петербург : С.-Петербург. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2005. 140 с.
19. Холопов А. В. К вопросу о формировании общей теории преступления // Российский журнал правовых исследований. 2016. Т. 3, № 2 (7). С. 193 – 201.
20. Холопов А. В. Юридическая когнитология: контуры правовой метанавуки // Криминалистъ. 2021. № 1 (34). С. 47 – 56.

Информация об авторе

А. В. Холопов – заведующий криминалистической лабораторией Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. V. Kholopov – Head of the Forensic laboratory, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 343.13

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ЭЛЕКТРОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Надежда Яковлевна ЕЛКИНА¹, Ольга Александровна ХРОПИНА²,
Оксана Евгеньевна ТИМОЩУК³

^{1,2,3} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, rio-procuror@yandex.ru

Аннотация. Цель работы — исследование тенденций и особенностей развития электронного судопроизводства за рубежом. Ключевой задачей является анализ нормативной базы и организационных особенностей внедрения отдельных элементов цифровизации в судопроизводство. В процессе исследования осуществляется постепенный переход от общих тенденций электронного судопроизводства к его особенностям в разных странах. В статье представлен анализ развития и становления электронного судопроизводства в США и использования систем доступа к судебным актам PACER и Управление делами / Электронный Архив дел СМ / ECF. Исследована Национальная типовая практическая инструкция для использования технологий в гражданских процессах Канады. Охарактеризован опыт внедрения электронного судопроизводства в Польше, Австралии и КНР.

Ключевые слова: электронное судопроизводство, суд, спор, конфликт, судебная система, система электронной подачи, интернет-суды

Для цитирования: Елкина Н. Я., Хропина О. А., Тимошук О. Е. Зарубежный опыт электронного судопроизводства // Криминалистъ. 2025. № 3 (52). С. 113 – 121.

Original article

FOREIGN EXPERIENCE IN ELECTRONIC COURT PROCEEDINGS

Nadezhda Y. YOLKINA¹, Olga A. KHROPINA², Oksana E. TIMOSHCHUK³

^{1,2,3} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, rio-procuror@yandex.ru

---

© Елкина Н. Я., Хропина О. А., Тимошук О. Е., 2025

Abstract. The purpose of this paper is to study the trends and specific features of the development of electronic court proceedings (e-proceedings) abroad. A key objective is to analyze the legal framework and organizational features of implementing individual elements of digitalization in litigation proceedings. The research proceeds from general trends in electronic litigation to its specific features in different countries. The article presents an analysis of the development and establishment of electronic court proceedings in the United States, as well as the use of judicial document access systems such as PACER (Public Access to Court Electronic Records) and the Case Management/Electronic Case Files (CM/ECF) system. The National Practice Standard for the Use of Technology in Civil Proceedings in Canada is examined. The experience of implementing electronic litigation in Poland, Australia, and the People's Republic of China is characterized.

Keywords: electronic proceedings, court, dispute, conflict, court system, electronic submission system, online courts

For citation: Yolkina N. Y., Khropina O. A., Timoshchuk O. E. Foreign experience in electronic court proceedings. Criminalist. 2025;3(52):113-121. (In Russ.).

Одной из тенденций современной судебной системы является ее цифровизация. Перед российским правосудием и общественностью открываются многочисленные новые возможности, но одновременно их полноценная реализация предполагает решение ряда организационных, технических и юридических задач. Одним из методов достижения положительных результатов является исследование зарубежного опыта. Несмотря на недружественный статус некоторых государств, их правовой опыт заслуживает внимания¹.

Американская система диджитализации судопроизводства имеет многолетнюю историю формирования. В 1974 году был принят Акт об ускоренном рассмотрении дел судом Speedy Trial Act (URL: <https://www.justice.gov/archives/jm/criminal-resource-manual-628-speedy-trial-act-1974> (дата обращения: 20.03.2025)). В следующем году Федеральный судейский центр разработал COURTRAN – компьютерную систему программного обеспечения по предоставлению услуг информационной поддержки для управления судами и для

изучения и оценки судебных процедур и процессов. В середине 1980-х годов COURTRAN была заменена Интегрированной системой автоматизированного судопроизводства [1; 2]. В основу системы положен принцип экспериментирования с новым программным обеспечением сразу после его выхода: получая отзывы пользователей, авторы системы оперативно ее совершенствовали, устраяли недостатки и развивали программное обеспечение.

В 1990 году Конгресс США ввел в действие закон о создании Фонда автоматизации судебной системы, который позволил планировать действия по созданию эффективных проектов по автоматизации (URL: https://www.uscourts.gov/sites/default/files/fy_2020_jitf_0.pdf (дата обращения: 20.04.2025)). Фонд позволил судебной системе ежегодно собирать средства и направлять их на поддержку автоматизированной системы судебного делопроизводства в актуальном состоянии. Конгресс США утвердил предоставление 71 млн долл. и финансирование 74 должностей в Административном офисе для поддержки программ автоматизации. Это сформировало положительные условия для ускорения развития процессов автоматизации и позволило судебной системе активно заниматься внедрением усовершенствованных механизмов автоматизации для выполнения своих задач.

¹ Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р : текст с изм. и доп. на 29 окт. 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В конце 1980-х годов федеральные суды США начали внедрять пробную версию системы доступа к судебным актам Public Access to Court Electronic Records (PACER), которая обеспечивала доступ к судебным документам через сеть «Интернет», возможность загрузки и печати документов, а также одновременный доступ к файлам дела нескольким участникам производства (URL: <https://pacer.uscourts.gov/> (дата обращения: 20.04.2025)). Подготовка PACER для общенационального доступа к протоколам судов началась в 1990 году, и уже к середине 1990-х годов 180 федеральных судов предлагали платный доступ к протоколам судов через коммутируемый доступ к сети «Интернет» [3]. Система PACER существует по сей день. Зарегистрированные пользователи могут осуществлять поиск дела в федеральном суде, где оно зарегистрировано, или в общенациональном индексе федеральных судебных дел. С помощью PACER можно получать информацию о судебном документе, знакомиться с реестром принятых заявлений, изучать ход рассмотрения дела и историю принятых решений, а также просматривать календарь назначенных заседаний [4, с. 32]. Чтобы получить информацию о судебном документе или его образец, нужно зарегистрироваться в системе, ввести номер дела, фамилию судьи, истца, ответчика или воспользоваться поиском по другим параметрам. Система позволяет проводить поиск по виду дела, дате подачи заявления, наименованию стороны дела, фамилии судьи, представителя стороны и другим параметрам. Федеральные суды самостоятельно формируют базу данных по своим делам, ежедневно предоставляя данные в центр системы. Пользование — просмотр, копирование, печать или прослушивание аудиофайлов в формате .mp3 — указанной системой платное. Если пользователь тратит 30 долл. США или меньше за квартал, плата за этот период не взимается.

мается (URL: <https://pacer.uscourts.gov/pacer-pricing-how-fees-work> (дата обращения: 20.01.2025)). Таким образом, более 75 % пользователей PACER не платят комиссию в определенном квартале и освобождаются от уплаты за получение копий судебных актов. Общественность критиковала систему за то, что она технически устарела, сложна в использовании, а также за то, что требуется плата за записи, которые должны находиться в открытом доступе. Конгресс США в 2020 году принял Закон № 863 «Об открытых судах», в котором было указано на необходимость обеспечения бесплатного доступа к PACER к 2025 году [5].

В 2002 году принят Закон об электронном правительстве «E-Government Act», в котором установлены нормы, регулирующие использование компьютерных технологий в суде. Закон определил необходимость наличия у каждого суда собственного веб-сайта, где должны отображаться адрес суда и контактная информация, порядок доступа к информации по рассмотренным делам и к материалам дел, а также другая информация, «которая считается судом необходимой для размещения на веб-сайте». Суды получили полномочия в части требований к предоставлению сторонами документов в электронном виде. В нормативном акте предусматривалось использование единого формата для подачи документов в цифровой форме. Закон ограничил сборы по судопроизводству (URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-107publ347/pdf/PLAW-107publ347.pdf> (дата обращения: 20.01.2025)).

В конце 2001 года Administrative Office of the U.S. Courts в федеральных судах США ввел систему Управление делами / Электронный Архив дел (Case Management / Electronic Case Files (CM/ECF)) для массового внедрения электронной подачи документов во всех федеральных судах США. Судьи, сотрудники суда, юристы полу-

ли доступ к электронной информации книги записей, данных управления делами и исследований материалов дела. В начале 2002 года шесть окружных судов и 38 судов по делам о банкротстве полностью перешли на систему e-court. В 2003 году система CM/ECF работала в 13 окружных судах и 61 суде по делам о банкротстве, а также в Суде США по вопросам международной торговли (United States Court of International Trade) (URL: <https://www.uscourts.gov/court-records/electronic-filing-cmecf> (дата обращения: 20.01.2025)). К 2004 году более 15 тыс. адвокатов подали более шести миллионов документов с помощью системы e-court, а все федеральные суды имели систему CM/ECF. Эта система чаще всего используется адвокатами по делам, доверенными лицами в США и управляющими по делам о банкротстве. В отличие от системы PACER, в которой пользователь зарегистрироваться может самостоятельно, в системе CM/ECF действуют другие правила: логин и пароль пользователю предоставляет только суд федерального уровня, а сам логин (user id) заменяет электронную подпись на документе, и использование его регулируется определенными нормами. Подавать документы в суд в электронном виде можно бесплатно, без уплаты судебного сбора (пошлины). Все документы должны быть отправлены в формате .pdf. Зарегистрированные адвокаты могут подавать документы круглосуточно, получать копии каждого документа, представленного в электронном виде, по своим делам, для чего необходимо перейти по ссылке, полученной по электронной почте. Уведомление о регистрационной деятельности (сообщение об электронной подаче, NDA) – это уведомление, отправленное по электронной почте, генерируемое, когда транзакция реестра требует отправить сообщение адвокатам, участникам дела и (или) персоналу суда. NDA могут быть созданы, когда сторона или адвокат по-

дает документ или когда суд выносит определение либо принимает другие публичные меры по делу. Если лицо является участником CM/ECF, получение NDA является для него вручением этого документа или заказа, а регистрация в системе CM/ECF означает согласие на получение услуг посредством NDA. Сообщение об электронном представлении содержит гиперссылку на представленный документ. Когда стороны получают NDA, они могут получить доступ к свободному просмотру документа. Поскольку существует только один бесплатный просмотр, стороны должны обязательно сохранить документ во время первичного просмотра (URL: <https://www.ca10.uscourts.gov/faq/what-notice-docket-activity> (дата обращения: 20.01.2025)). Если заинтересованная сторона не сохранила документ, то впоследствии она сможет ознакомиться с ним уже платно через PACER.

Относительно нормативного закрепления возможности электронной подачи документов в суд следует обратиться к правилу 5(e) Федеральных правил гражданского процесса, правилу 5005(a) Федеральных правил процедуры банкротства, правилу 25(a) Федеральных правил процедуры апелляции и правилу 49(d) Федеральных правил уголовного процесса, которые позволяют местным властям разрешить представление документов электронными средствами или требовать такого представления. Подробная инструкция по использованию системой предоставляется апелляционными судами (см., напр.: URL: <https://www.ca4.uscourts.gov/docs/pdfs/cmecfatyusermanual.pdf> (дата обращения: 20.04.2025)). Так, в Руководстве пользователя Апелляционного суда четвертого округа указано, что все документы, которые подаются адвокатом, должны быть представлены в электронном виде в формате .pdf, за исключением официальных резюме и приложений, которые подаются в электронном и бу-

мажном виде, и документов, инициирующих дело, таких как ходатайство о пересмотре, ходатайство о разрешении на апелляцию (могут быть поданы и в бумажном, и в цифровом виде), а также в некоторых других случаях, предусмотренных законодательством.

По состоянию на 2022 год судебная власть получила три отчета от 18F – технологической консультационной компании в рамках Правительственной администрации общих служб, в которых обсуждается замена текущей системы CM/ECF на новую, современную систему управления делами и файлами и рекомендуется, чтобы проект содержал гибкую разработку, дизайн, ориентированный на пользователя, интегрированную кибербезопасность и современную технологическую архитектуру (URL: https://www.uscourts.gov/sites/default/files/18f_experiment_and_iterate_supplemental_report_2022_0.pdf (дата обращения: 20.04.2025)).

Одной из технологий, получившей распространение в судах США и приобретшей популярность за рубежом, является проект SRS Anonymity System. В 2008 году впервые разработан аппаратно-программный комплекс, изменяющий голос, но при этом сохраняющий разборчивость речи, предназначенный для того, чтобы защищаемое лицо не узнавали во время дачи им показаний в ходе судебного процесса. Во время судебного заседания защищаемое лицо находится в специальном помещении – «секретной комнате» – в здании суда или за его пределами [6]. В «секретной комнате» транслируются видеоизображение и звук из зала судебного заседания, а в зал транслируется измененный голос лица, находящегося под защитой, и в случае необходимости его видеоизображение выводится на персональный монитор судьи. Это дает судье возможность идентифицировать лицо, находящееся под защитой. Комплекс SRS Anonymity System используется в Казахстане и Азербайджане.

В Канаде проекты по диджитализации судебной власти в форме государственно-частного партнерства были начаты в 1996 году и предусматривали постепенный перевод судов с бумажного документооборота на цифровой. В настоящее время электронная форма судопроизводства распространена в канадских судах всех инстанций и предусматривает онлайн-подачу документов, электронный доступ к судебным протоколам, раскрытие информации и использование современных информационных технологий в зале судебного заседания [7]. Через веб-сайт www.canlii.org (Canadian Legal Information Institute) обеспечивается доступ к канадскому законодательству и судебным решениям. Порядок проведения электронного судопроизводства регулируется Национальной типовой практической инструкцией для использования технологий в гражданских процессах (National Model Practice Direction fo the Use of Technology in Civil Litigation), которая была принята в 2008 году и которая определяет электронный судебный процесс как «слушание, в рамках которого доказательства подаются и хранятся в электронном виде в суде» (URL: [https://cjc-ccm.ca/cmslib/general/JTAC%20National%20Model%20Practic\(1\).pdf](https://cjc-ccm.ca/cmslib/general/JTAC%20National%20Model%20Practic(1).pdf) (дата обращения: 20.12.2024)). Инструкция предоставляет судьям и адвокатам сведения относительно лучших практик обмена производствами в электронной форме, а также ведения безбумажных судебных разбирательств. Адвокатам предложено использовать формат обмена, который уменьшает расходы на судебный процесс и улучшает доступ к правосудию. Инструкция сопровождается Общим протоколом, который может быть адаптирован как контрольный перечень и форма договоренностей между сторонами по установлению значительного и упрощенного обмена доказательствами. Используя Протокол, стороны могут избежать затратных недоразумений

и несовместимости, необходимости приобретения одинакового программного обеспечения для судебных процессов. По заявлению одной из сторон процесса суд может принять решение о проведении электронного судопроизводства. Если заявление удовлетворено, то стороны за 60 дней до судебного заседания должны довести до сведения суда свои соображения по поводу того, каким образом лучше провести заседание и какие при этом использовать технологии.

Анализируя опыт европейских стран по внедрению электронного судопроизводства, необходимо обратить внимание на достижения польской системы правосудия в этой сфере. В частности, прогрессивным для польской судебной системы с точки зрения процесса евроинтеграции стало создание единственного в государстве электронного суда в городе Люблине. Юрисдикция этого суда распространяется на всю территорию Республики Польша, независимо от места жительства и регистрации сторон; дела гражданского судопроизводства рассматриваются в режиме электронных процедур, т. е. через сеть «Интернет». Осуществление электронного рассмотрения дела регламентировано Гражданским процессуальным кодексом Республики Польша, где в разделе VIII «Электронное приказное производство» предусмотрено, что дело рассматривается в электронной форме, только если истец решит подать иск электронным путем, в соответствии с § 2 ст. 505-30 действия суда, судебного секретаря и участников процесса регистрируются только в информационно-телекоммуникационной системе, а данные, полученные в результате в электронной форме, подтверждаются подписью (URL: <https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/kodeks-postepowania-cywilnego-16786199> (дата обращения: 20.03.2025)). По регламенту суда обращение всей документации в суде осуществляется в режиме онлайн,

кроме того, допускается оформление электронных выписок из документов и передача их сторонам. Для такой процедуры действует специальный электронный адрес суда, а сторонам процесса поступают смс-сообщения о движении судебных документов и движении дела в суде. Исковая процедура начинается с автоматической уплаты судебного сбора через сайт. Отметим, что ставка судебной пошлины в электронном процессе ниже, чем при обычном рассмотрении. На портале имеются инструкции по подаче иска, предлагаются способы оплаты и даны другие подсказки. Для подачи иска истец должен сформулировать сами требования и привести перечень доказательств. Получив иск, референт суда проверяет обоснованность сформулированного в нем требования. Если представление обоснованно, электронная система готовит проект платежного приказа, на котором ставит электронную цифровую подпись референта. Копия такого решения направляется истцу через e-mail, а ответчику — через e-mail и почтовой связью в бумажной форме. Если референт не видит достаточных оснований для открытия производства, приказ не выдается и дело переправляется для детального изучения в обычный суд. Приказ аннулируется, а дело передается в обычный суд также в случае представления ответчиком надлежащим образом оформленного заявления-воздражения.

Федеральный суд Австралии в начале 2000 года внедрил порядок подачи документов в электронной форме. Система электронной подачи документов через веб-сайт суда (e-Filing — электронная регистрация) стала доступна с октября 2000 года и позволила истцам подавать заявления и сопроводительную документацию, а также проводить за использование системы платежи при помощи кредитной карты. Позже были введены изменения относительно необходимости уведомления зарегистрированных

сторон дела о получении и принятии или отклонении их документов. Началом внедрения системы e-court (электронный суд) в Австралии можно считать 2002 год, когда эту систему стали широко применять в судах земли Новый Южный Уэльс (New South Wales). E-court – виртуальный зал суда, который помогает в управлении делами до начала и во время непосредственного судебного заседания. Система позволяет судье давать указания и распоряжения, выносить предписания в режиме онлайн. Цель проекта – улучшение услуг, предоставляемых сторонам судебного процесса и адвокатам. Электронный суд гарантирует высокий уровень безопасности и защищенности информации, поскольку только стороны могут получить доступ к делам электронного суда. С помощью электронного идентификатора участникам производства предоставляется беспрепятственный круглосуточный доступ к материалам дела. Используя e-court, участники производства могут получать подаваемые сторонами документы и письменные доказательства, делать распоряжения. E-court включает учебную онлайн-программу, которая дает объяснения, как правильно использовать такую систему. С 2010 года Федеральный суд ввел новый электронный сервис для подачи заявлений online – eLodgment, который заменил e-Filing с 1 июля 2010 года. Указанный сервис можно использовать для подачи иска в любой юрисдикции, предоставив сопроводительные документы. Система дает возможность размещать документы, касающиеся существующих дел, если сторона, подавшая заявку, ввела номер дела. Пользователи могут отслеживать состояние рассмотрения документов, просматривать их, потребовать отправить по электронной почте или распечатать необходимые документы. На портале Федерального суда Австралии также действуют отдельные подсистемы для проведения судебных процедур в режиме видеоконференций и системы поиска

нормативных актов (URL: <https://www.fedcourt.gov.au/online-services> (дата обращения: 20.03.2025)).

В 2014 году Верховный народный суд Китайской Народной Республики (КНР) создал онлайн-контрольно-информационную систему «Все обо всем», предусматривающую межведомственный обмен информацией между 16 различными государственными подразделениями, охватывающей, в частности, Министерство общественной безопасности КНР, Министерство транспорта КНР, Министерство гражданской администрации КНР, Народный банк КНР, Комиссию по регулированию банковской деятельности КНР, в том числе более 3900 банков и финансовых институтов. Через эту систему государственные органы имеют возможность в пределах страны направлять запросы по 25 пунктам из 16 категорий объектов контроля, в том числе информацию об объектах недвижимости, банковских вкладах, финансовых продуктах, судах, транспортных средствах, ценных бумагах, интернет-фондах и др. Создание такого механизма должно увеличить эффективность доступа к информации, в том числе в интересах судебного процесса для максимального его проведения в онлайн-формате.

В 2017 году в Китае начал свою работу первый в мире интернет-суд в Гуанчжоу. По состоянию на 2023 год на территории КНР действуют три интернет-суда. Согласно ст. 2 Положения о некоторых вопросах рассмотрения дел интернет-судами, опубликованного Верховным народным судом КНР 6 сентября 2018 года, вступившего в силу 7 сентября 2018 года, в интернет-судах первой инстанции рассматриваются иски по следующим вопросам: электронная коммерция; интернет-сервисы (онлайн-музыка, или стриминг); интернет-кредиты; авторское право на произведения, которые публикуются или распространяются в сети «Интернет»; доменные имена; киберпреступления (URL: <http://www.lawinfochina.com> (дата обращения: 20.03.2025)).

ния: 20.03.2025)). Решения интернет-суда имеют юридическую силу решений обычного судебного процесса. Судебное разбирательство осуществляется только в режиме онлайн, в том числе обслуживание юридических документов, представление доказательств, а также непосредственно сам судебный процесс.

Интернет-суды имеют специальную платформу для рассмотрения дел и ведения судебных процессов. Стороны судебного процесса, чтобы получить индивидуальную учетную запись, должны пройти идентификацию с помощью онлайн-аутентификации, в которую входит проверка сертификата, биометрическая идентификация или идентификация через платформы национальной унифицированной аутентификации. Стороны и другие участники судебного разбирательства подают материалы для судебного процесса только в электронном виде. После одобрения интернет-судом предоставленный стороной документ считается надлежащим доказательством по делу и соответствующим оригиналу. Если другая сторона оспаривает подлинность предоставленного документа и имеет на то основания, интернет-суд обязывает сторону предоставить суду оригинал оспариваемого документа. Доказательства в процессе рассмотрения дела интернет-судом должны предоставляться операторами платформы электронной коммерции, поставщиками услуг Сети и соответствующими государственными учреждениями. Интернет-суды оставляют за собой и реализуют право рассматривать дело обычным способом.

Через онлайн-платформу судов обычно осуществляются следующие действия: ведение дел и их систематизация; вручение судебных документов; посредничество; переписка между сторонами и судами; получение доказательств и обмен доказательствами; ведение досудебных дел; проведение судебных заседаний; вынесение приговоров и приказов.

В начале 2020 года в условиях угрозы распространения COVID-19 китайское правительство и органы юстиции для минимизации распространения вируса, профилактики заболеваний и борьбы с эпидемией, обеспечения социальной безопасности и стабильности осуществили ряд мер по переходу к новой модели судопроизводства. Верховный народный суд КНР 18 февраля 2020 года опубликовал сообщение «Об усилении и стандартизации онлайн-судопроизводства в условиях профилактики и контроля распространения эпидемии COVID-19», в котором указал на рассмотрение тех или иных дел с помощью онлайн-платформ как на лучший выбор для судов и участников процесса. В 2019 году Верховный народный суд КНР обнародовал книгу «Интернет-правосудие в китайских судах». Это официальное издание было посвящено обобщению опыта электронного правосудия, в нем охарактеризованы особенности подачи исков онлайн, открытие и регистрация дел онлайн, актуальные вопросы стандартизации онлайн-процедуры судебного процесса и т. д. ([URL: https://english.court.gov.cn/2019-12/04/c_766665.htm](https://english.court.gov.cn/2019-12/04/c_766665.htm) (дата обращения: 20.01.2025)).

В заключение отметим, что электронное правосудие будет настойчиво проникать во все уголки мира. Это глобальная тенденция, отвечающая цивилизационным изменениям. Внедрение искусственного интеллекта, интеграция новых цифровых решений и, как следствие, расширение и улучшение онлайн-сервисов, повышение удобства поиска будут активно способствовать этому процессу. В то же время, для того чтобы электронное судопроизводство стало повсеместной практикой, необходимо подвергнуть технической модернизации инфраструктуру судов и повысить цифровую грамотность как работников судебной системы, так и граждан – участников процесса. Однако важнейшим элементом успешной диджитализации судопроизводства является

создание и совершенствование нормативно-правовой базы. Пока же даже в тех странах, где электронное правосудие применяется достаточно активно (хотя

бы в гражданском процессе, в уголовном процессе наблюдаются лишь некоторые его элементы), не оформилось законодательство, регулирующее эту сферу.

Список источников

1. Форрестер Дж. О. История программы автоматизации Федеральной судебной системы // American University Law Review. 1995. Вып. 44, № 5. URL: <https://digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1498&context=aulr> (дата обращения: 20.04.2025).
2. Арнольд Р. С. Л. Ральф Мечам: дань уважения Л. Ральфу Мечаму и Управлению федеральных судов: десятилетие инноваций и прогресса // American University Law Review. 1995. Вып. 44, № 5. Р. 1479–1482. URL: <https://digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1498&context=aulr> (дата обращения: 20.01.2025).
3. Мартин П. У. Онлайн-доступ к судебным протоколам — от документов к данным, от частностей к закономерностям // Публикации юридического факультета Корнельского университета : сайт. URL: https://scholarship.law.cornell.edu/lsp_papers/93/ (дата обращения: 20.01.2025).
4. Ларина Т. Л., Янышевский С. М. Преимущества и проблемы электронного архива // Актуальные вопросы юридической науки, права и правосудия : сб. материалов Всерос. межвуз. студенческой науч.-практ. конф., Нижний Новгород, 29 апреля 2020 года. Нижний Новгород : Автор, 2021. С. 31 – 33.
5. Гоггин К. Законопроект сделает бесплатным онлайн-доступ к материалам федерального суда = Goggin Kayla. Bill Would Make Online Access to Federal Court Records Free // Internet archive : website. URL: <https://web.archive.org/web/20190213220527/> (дата обращения: 20.04.2025).
6. Huang W. Improved privacy preserving method for periodical SRS publishing / W. Huang, T. Yi, H. Zhu, W. Shang, W. Lin // PLoS ONE. 2021. № 16 (4). URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0250457> (дата обращения: 20.03.2025).
7. Канада: компьютерные технологии в суде // Право.RU : электрон. журнал. URL: <https://pravo.ru/interpravo/news/view/16895/> (дата обращения: 22.03.2025).

Информация об авторах

Н. Я. Елкина – научный сотрудник отдела научной информации и издательской деятельности Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации;

О. А. Хропина – научный сотрудник отдела научной информации и издательской деятельности Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации;

О. Е. Тимошчук – заведующий отделом научной информации и издательской деятельности Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

N. Y. Yolkina – Research worker at the Department of scientific information and publishing, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation;

O. A. Khropina – Research worker at the Department of scientific information and publishing, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation;

O. E. Timoshchuk – Head of the Department of scientific information and publishing, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.963

**ЗАЩИТА ПРОКУРОРОМ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
НА ОКАЗАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ**

Елена Федоровна ИВАНОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, 150803elena@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы оказания медицинской помощи несовершеннолетним в период нахождения их в образовательной организации, практика защиты прокурором прав несовершеннолетних на охрану здоровья в период обучения, изложены рекомендации прокурорским работникам по проведению проверок. На основе анализа государственной статистики исполнения мер прокурорского реагирования выдвигается предложение о совершенствовании действующего законодательства.

Ключевые слова: медицинская помощь, несовершеннолетний, образовательная организация, охрана здоровья несовершеннолетних, прокурорский надзор, совершенствование законодательства

Для цитирования: Иванова Е. Ф. Защита прокурором прав несовершеннолетних на оказание медицинской помощи в образовательных организациях // Криминалистъ. 2025. № 3 (52). С. 122–131.

Original article

**PROSECUTORIAL PROTECTION OF MINORS' RIGHTS
TO MEDICAL CARE IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS**

Elena F. IVANOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, 150803elena@mail.ru

Abstract. The article considers the topical issues related to the provision of healthcare to minors during their stay in educational institutions, as well as prosecutorial practice for protecting minors' rights to medical care during the educational process. The article sets forth recommendations for prosecutorial officers on conducting inspections. Based on an analysis of official statistics on the implementation of prosecutorial measures, a proposal is put forward to improve the current legislation.

Keywords: medical care, minor, educational institution, health protection of minors, prosecutor's supervision, legislative improvement

For citation: Ivanova E. F. Prosecutorial protection of minors' rights to medical care in educational institutions. Criminalist. 2025;3(52):122-131. (In Russ.).

В качестве национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года определены сохранение населения, здоровье и благополучие граждан. Одним из приоритетных направлений государственной политики является охрана здоровья подрастающего поколения.

Главным звеном в системе здравоохранения выступают лечащие врачи, благодаря именно их высокому уровню квалификации, компетенции и самоотдаче здоровье каждого жителя России находится под надежной охраной [1, с. 133].

Конституция Российской Федерации закрепляет право граждан, в том числе не достигших совершеннолетнего возраста, на медицинскую помощь (ч. 1 ст. 38 и ч. 1 ст. 41 Конституции). Основным гарантом защиты прав несовершеннолетних, включая право на охрану здоровья, являются органы прокуратуры.

В соответствии с ч. 1 ст. 129 Конституции Российской Федерации и ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 (ред. от 3 февраля 2025 года) «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации») прокуратура Российской Федерации осуществляет надзор, а также выполняет иные функции, в том числе участвует в рассмотрении дел судами.

В целях защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних законодатель наделяет органы прокуратуры как надзорными, так и ненадзорными функциями.

В соответствии с п. 3 ст. 3 Конвенции о правах ребенка 1989 года (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года, вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 года) государства-участники обеспечивают, чтобы учреждения, службы и органы, ответственные за заботу о детях или их защите, отвечали нормам, установленным компетентными органами, в частности

в области безопасности и здравоохранения, с точки зрения численности и пригодности их персонала, а также компетентного надзора.

В пункте 1 ст. 24 Конвенции сказано, что государства-участники стремятся обеспечить, чтобы ни один ребенок не был лишен своего права на доступ к подобным услугам системы здравоохранения.

Российская Федерация, являясь правопреемником СССР, гарантирует каждому ребенку доступное здравоохранение, в том числе в части наличия медицинских работников и их надлежащей квалификации.

Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 года № 1351 (ред. от 1 июля 2014 года) утверждена Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, в основу которой положен принцип развития системы оказания медицинской помощи детям и подросткам в образовательных организациях.

Таким образом, международными и внутригосударственными правовыми актами закреплены гарантии детей на доступность и надлежащее качество медицинского обслуживания, являющиеся основополагающими началами в рамках охраны здоровья несовершеннолетних по месту прохождения обучения.

Ученые-юристы отмечают, что «доступность и качество медицинской помощи обеспечивается за счет приближенности этой помощи не только к месту жительства, но и к месту обучения, где для этого должны быть созданы все необходимые условия» [2, с. 14].

Медицинские работники обращают внимание на то, что значимыми фактами, формирующими здоровье, является система воспитания и обучения, а также организация медицинской помощи, в связи с чем медицинское обслуживание детей в образовательных организациях требует особого внимания [3, с. 4].

Согласно сведениям Федеральной службы государственной статистики¹, число зарегистрированных заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, растет с каждым годом. Так, в 2011 году зарегистрировано таких заболеваний 21 979 468, в 2015 году – 27 484 301, в 2017 году – 33 807 564, в 2020 году – 40 973 358, в 2021 году – 50 325 372, в 2022 году – 58 033 710, в 2023 году – 72 336 476 (данные за 2024 год не опубликованы), что позволяет сделать вывод о том, что заболеваемость населения растет, в том числе и несовершеннолетних. Отдельно статистических данных в отношении несовершеннолетних не имеется. Есть статистические данные о количестве рожденных больных детей или которые заболели после рождения. Так, в 1980 году таких детей было 169 000, в 1990 году – 288 600, в 2023 году – 385 600 (данные за 2024 год не опубликованы).

В 2000 году общая заболеваемость зафиксирована у 38 526 тыс. детей, однако в 2021 году их число составило 43 048 тыс., в 2023 году – 43 608,4 тыс. детей (данные за 2024 год не опубликованы). Если медицинские осмотры в возрасте от 0 до 14 лет в 1980 году прошли 26 937 тыс. детей, то в 2013 году эта цифра сократилась до 20 892 тыс., в 2015 году – 21 606,03 тыс., с учетом высокой рождаемости в этот период. С 2016 года такие статистические данные не публикуются. В отношении школьников 15–17 лет: медицинскими осмотрами в 2002 году было охвачено 4 404,2 тыс. человек, в 2013 году – 2 772,2 тыс.

При этом доля детей в возрасте до 18 лет, не получивших своевременно медицинскую помощь (процент от общего числа детей соответствующего возраста, нуждающихся в оказании медицинской помощи), снижается. В 2011 году эта

доля составляла 0,7 %, в 2020 году – 0,8 %, в 2022 году – 0,3 % (данные за 2023–2024 годы не опубликованы).

Таким образом, при получении несовершеннолетними своевременной медицинской помощи их заболеваемость растет, что позволяет сделать вывод о возможной недостаточности мер профилактики заболеваний несовершеннолетних.

Л. П. Катаева обращает внимание на то, что с каждым годом состояние здоровья обучающихся будет ухудшаться [4, с. 63].

Именно органы прокуратуры призваны в пределах своих полномочий обеспечить несовершеннолетним реализацию их права на доступность медицинской помощи.

Полномочия прокурора в рамках осуществления надзорной функции вытекают из положений ст. 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Так, в случае нарушения прав и свобод человека и гражданина прокурор вносит представление об устранении нарушений федерального законодательства, причин и условий, им способствующих, приносит протесты на противоречие закону правовые акты, защищает права и свободы человека и гражданина в порядке гражданского и административного судопроизводства.

В соответствии с п. 1.1 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 13 декабря 2021 года № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Согласно п. 2.1.1 данного Приказа, прокуроры должны систематически проверять исполнение законодательства об охране здоровья несовершеннолетних, соблюдение их прав на бесплатное, своевременное и качественное оказание медицинской помощи.

¹ Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 15.04.2025).

Таким образом, прокуроры обязаны на постоянной основе проверять образовательные организации и органы здравоохранения на предмет оказания медицинской помощи детям, что подчеркивает важность данного направления деятельности органов прокуратуры.

На основании изложенного следует обозначить задачи, которые стоят перед прокурорами в рассматриваемой сфере: устранение нарушений прав детей на получение квалифицированной и доступной медицинской помощи по месту обучения; принятие всего комплекса мер прокурорского реагирования; контроль за исполнением актов прокурорского реагирования; усиление прокурорского надзора в отношении органов государственного контроля в сфере защиты прав несовершеннолетних на охрану здоровья.

В целях реализации указанных задач прокуроры уполномочены проводить проверки, основаниями для которых являются: материалы уголовных, гражданских, административных дел и дел об административных правонарушениях; материалы проверок контролирующих органов в сфере здравоохранения; обращения граждан (родителей, педагогов, медицинского персонала) в органы прокуратуры; информация, размещенная в средствах массовой информации; статистическая отчетность в Российской Федерации и в конкретном субъекте Российской Федерации.

В рамках проверок образовательных организаций прокуроры сталкиваются с широким спектром типичных нарушений в части оказания медицинской помощи детям, включая отсутствие медицинского кабинета, лицензии на осуществление медицинской деятельности, лекарственных средств, медицинского оборудования, а также квалифицированного персонала.

Согласно ч. 1 ст. 41 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ

(ред. от 23 мая 2025 года) «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации») организация оказания первичной медико-санитарной помощи обучающимся осуществляется органами исполнительной власти в сфере здравоохранения. Первичная медико-санитарная помощь оказывается обучающимся медицинскими организациями, а также образовательными организациями, осуществляющими медицинскую деятельность в порядке, установленном законодательством в сфере охраны здоровья.

Для оказания первичной медико-санитарной помощи обучающимся в образовательном учреждении должен быть медицинский кабинет, оборудованный всеми необходимыми медицинскими изделиями. За организацию медицинского кабинета и его оснащение отвечает образовательная организация (ч. 3 ст. 41 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»).

При этом необходимо понимать, что первичная медико-санитарная помощь включает в себя не только доврачебную медико-санитарную помощь, но также врачебную медико-санитарную помощь и специализированную медико-санитарную помощь (ст. 33 Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 года) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Первичная медико-санитарная помощь несовершеннолетним в период обучения и воспитания в образовательных учреждениях включает в себя мероприятия по профилактике, диагностике, лечению заболеваний и состояний, формированию здорового образа жизни и санитарно-гигиеническому просвещению детского населения [3, стр. 10].

Первичную медико-санитарную помощь должны оказывать детям врачи-педиатры и медицинские сестры. До 1 сен-

тября 2025 года такую помощь оказывать должны были и врачи-специалисты согласно приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации от 5 ноября 2013 года № 822н (ред. от 21 февраля 2020 года) «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи несовершеннолетним, в том числе в период обучения и воспитания в образовательных организациях» (данный Приказ утратил силу с 1 сентября 2025 года). Вместе с тем на практике выявляются факты, когда при наличии медицинского кабинета, лицензии в соответствии с действующим законодательством отсутствует достаточное количество медицинских работников, оказывающих медико-санитарную помощь в образовательной организации на постоянной основе. Врачи-педиатры приступают к исполнению своих должностных обязанностей в организации лишь в период проведения медицинских осмотров и диспансеризации детей.

Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 14 апреля 2025 года № 213н «Об утверждении порядка оказания несовершеннолетним медицинской помощи, в том числе в период обучения и воспитания в образовательных организациях»,ступившим в силу 2 сентября 2025 года, утверждены штатные нормативы медицинских работников отделения организации оказания медицинской помощи несовершеннолетним в образовательных организациях.

Так, врач-педиатр должен работать в дошкольном учреждении, где численность детей составляет более 400, в общеобразовательной организации — где более 1000 детей, медицинская сестра — если обучается в дошкольном учреждении 100 воспитанников, в общеобразовательной организации — от 100 до 500 обучающихся.

В соответствии с ранее действовавшим Приказом Министерства здраво-

охранения Российской Федерации от 5 ноября 2013 года № 822н в образовательных учреждениях должен был работать врач по гигиене — если количество обучающихся более 2500 детей, врач-офтальмолог — если количество обучающихся составляет 200–300 человек, при условии, что у детей имеются хронические заболевания глаз.

Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 14 апреля 2025 года № 213н штатная численность врачей-специалистов в образовательных учреждениях не установлена, указано только, что в медицинском пункте образовательной организации дополнительно могут быть созданы кабинеты охраны зрения детей, детский стоматологический кабинет, кабинет лечебной физкультуры, а штатную численность медицинского пункта устанавливает руководитель медицинского пункта.

Неоказание надлежащей медицинской помощи в образовательных организациях связано как с отсутствием кадров, так и с низкой заработной платой. Невысокий заработок специалиста, гиперответственная работа, множество профессиональных рисков в совокупности с нарушением трудовых прав негативно сказываются на кадровом вопросе [1, с. 135].

Все это привело к тому, что дети в образовательных организациях повсеместно остались без надлежащей медицинской помощи.

Согласно статистической информации Федеральной службы государственной статистики, травматизм детей растет (если в 2020 году травмы получили 313,4 тыс. детей, то в 2021 году их число составило 979,5 тыс.), также отмечается рост числа детей-инвалидов (если в 2020 году их количество составляло 8 312 тыс. человек, то в 2021 году эта цифра возросла до 8 592 тыс., в 2022 —

2023 годах отмечалось незначительное снижение количества детей-инвалидов)¹.

Анализ прокурорской практики свидетельствует о многочисленных нарушениях в рассматриваемой сфере. В частности, нередко первая медицинская помощь при получении травмы ребенком в образовательной организации оказывается несвоевременно, ежедневные медицинские осмотры не проводятся, контроль за своевременной вакцинацией не ведется, закаливание не производится, за питанием, гигиеной и прохождением физических культурных занятий медицинский персонал не следит, контроль профилактики заболеваемости не осуществляется. Изложенное приводит к тому, что дети остаются без постоянного медицинского наблюдения, что негативно сказывается на состоянии их здоровья.

Как верно отметил А. В. Гришин, деятельность прокуроров должна основываться на правильном применении нормативных правовых актов, многообразие которых еще не гарантирует надлежащую реализацию прав и законных интересов детей [3, с. 4].

Законодательные нормы должны своевременно актуализироваться. Так, если увеличивается число случаев заболевания органов зрения у детей, необходимо обеспечить каждому нуждающемуся ребенку наблюдение у врача-окулиста на постоянной основе, то же самое касается и потребности детей в услугах врача-стоматолога.

Оказание медицинской помощи данными специалистами не должно опираться ни на численность обучающихся, имеющих заболевания, ни на решение руководителя медицинского кабинета, что требует внесения соответствующих изменений в Порядок оказания медицинской помощи несовершеннолетним,

в том числе в период обучения и воспитания в образовательных организациях, утвержденный Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 14 апреля 2025 года № 213н.

Осуществление медицинской деятельности невозможно без специального разрешения – лицензии, поэтому, освещая вопросы оказания медицинской помощи, необходимо обращать внимание при проведении проверок и на наличие или отсутствие лицензии по месту нахождения образовательного учреждения. Указанную лицензию получают, как правило, органы здравоохранения в соответствии с п. 46 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 4 мая 2011 года № 99-ФЗ (ред. от 23 мая 2025 года) «О лицензировании отдельных видов деятельности».

В целях лицензирования деятельности медицинского кабинета образовательной организации требуется оборудовать его необходимым медицинским оборудованием и медицинскими изделиями в соответствии со Стандартом оснащения медицинского блока отделения организации медицинской помощи несовершеннолетним в образовательных организациях, утвержденным Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 14 апреля 2025 года № 213н, что является прямой обязанностью образовательной организации согласно ч. 3 ст. 41 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

Вместе с тем ответственные лица образовательных организаций не всегда принимают меры к приобретению указанных предметов, поскольку они не видят в этом необходимости с учетом отсутствия медицинского персонала, который должен работать с указанными оборудованием и изделиями.

Таким образом, получение органами здравоохранения лицензии на медицинскую деятельность в образовательной организации находится в зависимости

¹ Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 15.04.2025).

от действий самой образовательной организации, что значительно затрудняет данный процесс.

Обозначенная проблема приобретает особую актуальность в учреждениях дополнительного образования, где медицинский кабинет не функционирует либо вовсе отсутствует. К таким учреждениям относятся, в частности, спортивные детские школы, где уровень травматизма детей намного выше, чем в иных образовательных организациях.

В проведении прокурорской проверки важную роль играет подготовительный этап. Следует изучить действующее законодательство в анализируемой сфере, информацию о типичных нарушениях прав несовершеннолетних на охрану здоровья в образовательных организациях, определить задачи проверки, решить вопрос о привлечении к проверке специалистов в области здравоохранения.

Тактика и методика прокурорской проверки в сфере здравоохранения достаточно полно изложена в учебном пособии под редакцией доктора юридических наук, профессора О. Н. Коршуновой [5], которое необходимо изучить каждому прокурору перед проведением проверки исполнения законодательства при оказании медицинской помощи несовершеннолетним в образовательных организациях.

В ходе проверки работники прокуратуры должны внимательно изучить локальные акты как медицинской организации, которая оказывает медицинскую помощь в образовательных организациях, так и внутренние документы самой образовательной организации, в которой оказывается медицинская помощь; проверить наличие лицензии у медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь по адресу нахождения образовательной организации; получить объяснения от медицинского персонала, руководства школы, социального педагога о работе медицин-

ского кабинета, о возникающих проблемах при оказании медицинской помощи детям; изучить журналы обращений в медицинский кабинет, вакцинации детей, несчастных случаев в образовательной организации, а также должностные инструкции медицинских работников и график их работы; проверить наличие необходимых лекарственных средств и сроки их годности. В тех организациях, где отсутствует медицинский кабинет, необходимо выяснить, каким образом оказывается медицинская помощь детям, является ли она доступной и квалифицированной.

По результатам проверки прокурор вправе принять различные меры прокурорского реагирования. Однако устранить выявленные нарушения не всегда представляется возможным.

Наиболее эффективным способом защиты прав несовершеннолетних в сфере охраны жизни и здоровья является обращение прокурора в суд с заявлением (иском). Ведь только для судебного решения предусмотрен действенный механизм принудительного исполнения [5, с. 55].

В связи с чем защита прокурором прав несовершеннолетних на медицинскую помощь по месту получения образования в порядке гражданского судопроизводства приобретает особую актуальность.

В 2011 году Академией Генеральной прокуратуры Российской Федерации (в настоящее время – Университет прокуратуры Российской Федерации) проанализирована практика прокурорского надзора за исполнением законов и защиты прав и законных интересов несовершеннолетних [6].

Так, А. С. Карасев указывал, что образовательные организации не имеют медицинских кабинетов и штатных единиц медицинских работников, медицинские работники посещают учреждения один раз в месяц, надлежащий контроль

за состоянием детей фактически отсутствует [4, с. 61].

Л. П. Катаева отмечала формальность проведения медицинских осмотров детей в образовательных учреждениях, нарушение планов вакцинации, отсутствие стоматологической помощи детям [4, с. 67].

С тех пор прошло 12 лет, а проблемы оказания медицинской помощи в образовательных организациях остаются теми же, не разрешаются по существу, приобретая долголетнюю актуальность.

Все это обуславливает и острую потребность в своевременном прокурорском реагировании, совершенствовании законодательства и правоприменительной практики.

Прокурорским работникам после внесения актов прокурорского реагирования необходимо контролировать фактическое устранение нарушений законодательства в области оказания медицинской помощи в образовательных организациях, в случае выявления повторных аналогичных нарушений своевременно обращаться в суд за защитой прав несовершеннолетних на оказание медицинской помощи по месту получения образования, компетентно составлять исковые заявления и активно отстаивать свою позицию в суде.

Анализ практики Верховного Суда Российской Федерации по искам прокуроров об обеспечении медицинского обслуживания детей в образовательных организациях свидетельствует о том, что указанные иски остаются без удовлетворения ввиду неправильности изложения исковых требований.

Так, определением Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2016 года № 56-КГ16-36 отказано в удовлетворении требований прокурора об обязанности образовательной организации принять меры по обеспечению медицинского обслуживания вос-

питанников дошкольного учреждения. При этом прокурор ссылался на то, что в штате учреждения отсутствует медицинский работник. В удовлетворении требования отказано, поскольку медицинское обслуживание в образовательной организации осуществляется не самой организацией, а работниками медицинских организаций, которым должны быть созданы для этого необходимые условия, при этом обязанность включить в штат медицинского работника у образовательной организации отсутствует.

Аналогичное дело рассматривалось в Верховном Суде Российской Федерации в 2017 году с вынесением аналогичного определения (Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 января 2017 года № 56-КГ16-43), которым отказано в удовлетворении требований прокурора к образовательной организации об обязанности включить в штат образовательной организации медицинского работника по тем же основаниям.

Проанализированная судебная практика свидетельствует о том, что при направлении в суд искового заявления об обязанности включить в штат образовательной организации медицинского работника прокуроры ненадлежащим образом изучили действующее законодательство, неправильно определили ответчика, что привело к отказу в удовлетворении исковых требований и, как следствие, к затягиванию в восстановлении прав несовершеннолетних на доступность медицинской помощи по месту обучения.

В 2015 году Гатчинским городским прокурором Ленинградской области в порядке ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в интересах неопределенного круга лиц предъявлены в Гатчинский городской суд Ленинградской области исковые заявления к ГБУЗ ЛО «Гатчинская КМБ» об обязанности обеспечить несовершенно-

летних по месту обучения медицинской помощью.

По результатам рассмотрения искового заявления требования прокурора удовлетворены, ответчик заключил с каждой образовательной организацией договор на оказание первичной медико-социальной помощи детям, однако медицинского персонала, осуществляющего трудовую деятельность на постоянной основе, в образовательных организациях до настоящего времени не имеется.

Рассмотренная проблема актуальна для всех субъектов Российской Федерации.

Полагаем необходимым в каждом случае конкретизировать исковые требования прокурора. Речь должна идти не об обязанности обеспечить несовершеннолетних медицинской помощью по месту прохождения обучения, а об обязанности обеспечить работу медицинского персонала по месту нахождения образовательного учреждения в конкретные дни и часы, когда несовершеннолетние находятся в учреждении.

Следует принимать во внимание, что отсутствие медицинского персонала в образовательных организациях влечет за собой и отказ в выдаче лицензии на осуществление медицинской деятельности по месту нахождения этой организации.

Так, суды удовлетворяют иски прокуроров об обязанности образовательных организаций обеспечить медицинский кабинет необходимым оборудованием. Однако зачастую возникают проблемы с получением лицензии на оказание медицинских услуг ввиду отсутствия трудового договора, заключенного с медицинским работником по месту нахождения образовательной организации, в связи с чем основания для выдачи лицензии отсутствуют.

Вышеизложенные проблемы негативно влияют на состояние здоровья

несовершеннолетних, обучающихся в образовательных организациях.

Целесообразно на законодательном уровне рассмотреть вопрос оказания медицинской помощи несовершеннолетним по месту получения образования, делегировав обязанность по организации и оказанию медицинской помощи исключительно образовательной организации, являющейся самостоятельным юридическим лицом, имеющей в своем штате должности медицинских работников, уполномоченной регулировать уровень их заработной платы по своему усмотрению, предоставлять им льготы.

Таким образом, образовательные организации обязаны будут получать лицензию на осуществление медицинской деятельности, оборудовать медицинский кабинет, приобретать необходимое оборудование, лекарства, заключать договор с учреждением здравоохранения на проведение медицинских осмотров врачами-специалистами и диспансеризацию несовершеннолетних, а также нести полную ответственность за отсутствие вышеизложенного.

Контроль за деятельностью медицинских работников, за повышением их квалификации, безусловно, необходимо возложить на органы здравоохранения. Таким образом, ответственность за доступное и качественное оказание медицинской помощи будет возложена на один субъект, что благоприятно скажется на оперативном решении проанализированных проблем.

Кроме того, на законодательном уровне следует закрепить норму о том, что в любой образовательной организации, независимо от численности обучающихся, должны быть врач-педиатр и медицинская сестра, врачи-специалисты.

Только тогда медицинская помощь в образовательных организациях будет доступна всем несовершеннолетним, а конституционные гарантии детей на охрану здоровья будут реализованы.

В целях повышения эффективности деятельности прокурора в сфере защиты прав несовершеннолетних на охрану здоровья работникам прокуратуры важ-

но руководствоваться теоретическими источниками, действующим законодательством, а также прокурорской и судебной практикой.

Список источников

1. Омельянович В. В., Короп А. Б. Особенности прокурорской проверки исполнения законов о периодической аккредитации врачей в современных условиях // Криминалистъ. 2023. № 1 (42). С. 132 – 137.
2. Прокурорский надзор за исполнением законов об охране жизни и здоровья несовершеннолетних / А. В. Гришин, Т. Г. Воеводина, Д. И. Ержипалиев [и др.]. Москва : Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. 67 с.
3. Организация оказания медицинской помощи несовершеннолетним в образовательном учреждении / Т. А. Романова, В. И. Акиньшин, Т. А. Крючкова [и др.]. Белгород : Белгород. гос. нац. исслед. ун-т, 2015. 43 с.
4. Практика прокурорского надзора за исполнением законов о защите прав и законных интересов несовершеннолетних (актуальные вопросы) : сб. ст. / Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации ; под ред. О. И. Величко. Москва : АГП РФ, 2011. 220 с.
5. Прокурорская проверка. Методика и тактика проведения : учеб. пособие / О. Н. Коршунова, Е. А. Бурмистрова, И. И. Головко [и др.] ; под ред. О. Н. Коршуновой. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юстиция, 2019. 408 с.
6. Медицинское обслуживание детей в дошкольных образовательных учреждениях / А. С. Калмыкова, Н. В. Зарытовская, Н. В. Ткачева [и др.]. Ставрополь : Ставрапол. гос. мед. акад., 2004. 91 с.

Информация об авторе

Е. Ф. Иванова – аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

E. F. Ivanova – Postgraduate Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.163

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В РАМКАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРАВОВОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ

Полина Витальевна ШИРОКОВА¹, Милана Андреевна РЕБКОВЕЦ²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ shirokov4444@mail.ru

² milanarebkovets@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена влиянию информатизации на деятельность органов прокуратуры Российской Федерации по правовому просвещению. Значение этого направления прокурорской деятельности в свете современных политических, экономических, идеологических и культурных реалий существенно возросло, поскольку названное направление способно довольно эффективно выступать результативным средством формирования правосознания в обществе. Авторы акцентируют внимание на практических аспектах использования работниками прокуратуры различных форм взаимодействия с общественностью в сети «Интернет» в рамках просветительской деятельности, а также возможности совершенствования данной сферы путем внедрения искусственного интеллекта для стандартизации размещаемой органами прокуратуры информации.

Ключевые слова: прокуратура, информатизация, правовое просвещение, искусственный интеллект

Для цитирования: Широкова П. В., Ребковец М. А. Информатизация органов прокуратуры в рамках деятельности по правовому просвещению // Криминалистъ. 2025. № 3 (52). С. 132 – 137.

Original article

ENHANCING PUBLIC LEGAL EDUCATION THROUGH DIGITAL INNOVATION IN PROSECUTORIAL PRACTICE

Polina V. SHIROKOVA¹, Milana A. REBKOVETS²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ shirokov4444@mail.ru

² milanarebkovets@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the impact of digitalization on the prosecutorial activities in the Russian Federation in the field of public legal education. The significance of this aspect of prosecutorial work has considerably increased in the light of current political, economic, ideological, and cultural realities, as it has proven to be an effective means of fostering legal consciousness in society. The authors focus on the practical aspects of how prosecutors use various forms of interaction with the public via the Internet as part of their educational efforts. They also explore opportunities for improving this area through the implementation of artificial intelligence to standardize the information published by prosecutorial authorities.

© Широкова П. В., Ребковец М. А., 2025

Keywords: prosecutor's office, informatization, public legal education, artificial intelligence

For citation: Shirokova P. V., Rebkovets M. A. Enhancing public legal education through digital innovation in prosecutorial practice. *Criminalist*. 2025;3(52):132-137. (In Russ.).

Активное развитие и внедрение цифровых технологий, отмечающееся в последнее время, оказывает существенное влияние на преобразование практически всех сфер жизни общества и функционирование органов власти всех уровней. В документах стратегического планирования Российской Федерации к числу национальных целей развития государства на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года отнесена цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы [1].

Деятельность прокуратуры также подвержена значительному влиянию процесса цифровизации, что отражается на комплексе средств прокурорской деятельности, применяемых при организации работы и осуществлении полномочий прокурора в надзорных и ненадзорных направлениях деятельности.

Согласно определению, сформулированному советским и российским философом А. И. Ракитовым, информатизация — это «процесс прогрессивно нарастающего использования информационных технологий для производства, переработки, хранения и распространения информации и знаний, в результате которого происходят радикальные преобразования и формируется базис для перехода общества на новый, более совершенный этап развития» [2, с. 2]. Схожее определение предлагал и профессор А. Д. Урсул, который указывал на то, что информатизация является «интеллектуально-гуманистической перестройкой всей деятельности человека и общества» [3, с. 89].

Начальник Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры

Российской Федерации С. А. Бессчастный отмечает, что в новых реалиях «возникла необходимость совершенствования информационного пространства органов прокуратуры РФ с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений» [4, с. 16].

В период действия распоряжения Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 года № 1632-р «Об утверждении программы „Цифровая экономика Российской Федерации“» [5] одной из площадок для апробации заложенных в программе технологий являлась Генеральная прокуратура Российской Федерации. В связи с этим Генеральная прокуратура Российской Федерации «проводит масштабную работу по созданию прозрачной высокотехнологичной среды взаимодействия органов прокуратуры, бизнеса и граждан, по повышению эффективности информационного сопровождения процессов надзорной деятельности» [6, с. 6].

Основополагающим документом, обозначившим цели и задачи цифровой трансформации органов прокуратуры Российской Федерации, служит приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14 сентября 2017 года № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» [7].

В рамках данной работы наиболее важное значение имеет такая цель Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года, как развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия органов прокуратуры с гражданами, организа-

циями, институтами гражданского общества, органами государственной власти и местного самоуправления.

Реализация направлений Концепции проходит успешно, и в связи с технологическими новшествами Генеральный прокурор Российской Федерации И. В. Краснов в свое время отмечал, что в работу органов прокуратуры с 2024 года начнут внедряться искусственный интеллект и нейросети [8]. Нейросети будут использоваться для аналитической работы, прогнозирования роста преступности в отдельных регионах, анализа законопроектов и других документов.

Одним из важнейших направлений деятельности органов прокуратуры Российской Федерации является работа по правовому просвещению граждан, направленная на профилактику пра-вонарушений. Основным организационно-распорядительным документом в данной сфере является приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 2 августа 2018 года № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию» [9].

На деятельность по правовому просвещению и информированию оказывает прямое влияние информатизация органов прокуратуры.

Согласно п. 1.4 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 2 августа 2018 года № 471, работу органов прокуратуры по правовому просвещению «необходимо обеспечивать с помощью применения информационно-разъяснительных материалов, за-действовать возможности социальной рекламы» [8]. В этом же пункте Приказа говорится о внедрении новых форм правового просвещения и информирования, в частности посредством использования современных информационных технологий.

В контексте осуществляемых прокуратурой задач на данном направлении информатизация представляет собой переход к размещению различного рода просветительской информации в электронных ресурсах в виде видеороликов, брошюр, плакатов и т. д., созданных с применением различных фото- и видеоредакторов, а также с использованием искусственного интеллекта (далее также – ИИ). Одним из наиболее важных «инструментариев» в деятельности по правовому просвещению в сети «Интернет» является Единый портал органов прокуратуры, на котором публикуются информационные и наглядные материалы по результатам деятельности различных прокуратур.

После вступления в силу Распоряжения Правительства Российской Федерации от 2 сентября 2022 года № 2523-р с 1 декабря 2022 года государственные органы были обязаны вести официальные аккаунты в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники». Однако Генеральная прокуратура Российской Федерации, а впоследствии и прокуратуры субъектов Российской Федерации, специализированные прокуратуры начали активно вести социальные сети еще в 2016 году [10], что говорит о высоком уровне информатизации прокуратуры уже в тот период.

Еще одним ярким примером интеграции правового просвещения в информационное пространство является проведение Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Межгосударственным советом по противодействию коррупции Международного молодежного конкурса социальной антикоррупционной рекламы «Вместе против коррупции!» [11]. Благодаря возможности дистанционного участия в конкурсе и в дальнейшем опубликования работ деятельность органов прокуратуры по просвещению осуществляется не только напрямую – посредством привлечения

участников к освещению одной из важнейших в мире проблем, но и опосредованно, путем использования их работ для демонстрации в социальных сетях и на сайтах различных организаций.

Активную деятельность по правовому просвещению граждан прокурорские работники осуществляют и в рамках участия в теле- и радиоэфирах, что также является одним из достижений информатизации государственного органа. Так, в эфире «Первого Псковского» телеканала транслируется программа «Территория закона», в выпусках которой прокуратура Псковской области дает разъяснения по актуальным вопросам законодательства [12].

Следует отметить, что деятельность органов прокуратуры по правовому просвещению пусть и урегулирована ведомственным приказом, но тот имеет направленность только на сам процесс взаимодействия с общественностью и не регулирует форму материалов по правовому просвещению и информированию.

На данный момент в органах прокуратуры не имеется методических рекомендаций или соответствующего приказа (например, как в случае с требованиями к документам — приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 29 декабря 2011 года № 450 (ред. от 5 июня 2024 года) «О введении в действие Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации»), который бы регламентировал деятельность по правовому просвещению и информированию в сети «Интернет» в наглядной форме ее осуществления: требования к оформлению текстовых постов и новостей, к оформлению видеороликов и сопроводительных изображений. В различных субъектах Российской Федерации требования к предоставляемым материалам устанавливаются старшим помощником прокурора по взаимодействию со средствами массовой информа-

ции и общественностью и носят неформальный характер.

Неотъемлемой частью любого усовершенствования информационного взаимодействия с общественностью является его стандартизация. Известны случаи, когда в социальных сетях органы прокуратуры по результатам проведенных надзорных мероприятий или рассмотрения дел в судах публиковали информацию с заголовками, не соответствующими принятому в обращении с гражданами деловому стилю общения, что оказывается на отношении граждан к органам прокуратуры.

Для совершенствования данного вида деятельности в информационном пространстве предлагается не только разработать единые требования к оформлению материалов по правовому просвещению и информированию, обозначив допустимость использования на страницах в социальных сетях различного стиля изложения, но и разрешить вопрос о повышении квалификации работников, ответственных за осуществление деятельности по правовому просвещению. Необходимо искать новые подходы по доведению до граждан информации об изменении законодательства и предупреждении противоправных действий (например, путем размещения ее в виде рекламных сообщений на сайтах и в социальных сетях, где целевую аудиторию представляют граждане, для которых данная информация представляет непосредственный интерес).

Также необходимо рассмотреть вопрос о внедрении искусственного интеллекта в деятельность по правовому просвещению. Так, благодаря способности ИИ анализировать большие массивы данных, при внедрении данного инструмента в органах прокуратуры посредством единых настроек может быть создана возможность автоматизированного написания информационных

постов по результатам анализа надзорных и наблюдательных производств единого образца и создания изображений к ним по фабуле, соответствующей текстовой информации. Также может быть упрощен анализ изменений законодательства, так как ИИ, проведя поиск в системе «КонсультантПлюс», сможет подготовить вывод о вступивших в силу изменениях и их значении для применения того или иного нормативного правового акта не только федерального законодательства, но и регионального, содержащегося в базе системы. Также ИИ способен, при правильном указании задачи, создать демонстративные материалы, социальную рекламу и иные изображения, которые могут быть использованы прокуратурой в деятельности по правовому просвещению и информированию.

Основные проблемы, с которыми надзорный орган может столкнуться при использовании ИИ, это безопасность загрузки данных в программу, в связи с чем ИИ должен быть интегрирован в закрытый контур органов прокуратуры, что представляется затруднительным из-за больших денежных затрат и нагруженности внутренней системы и так большим количеством данных. Возникает также вопрос о том, будет ли работник прокуратуры, отвечающий за создание и публикацию таких материалов, привлечен к ответственности в случае их несоответствия действительности. Для того чтобы избежать подобной ситуации, прокурорскому работнику придется дополнительно проверять информацию, которую генерирует ИИ, что увеличит временные затраты на данное направление деятельности, в итоге эффективность применения ИИ как средства уменьшения временных затрат ставится под сомнение. Также ИИ является наименее регулируемой законодательством Российской Федерации

сферой – еще не принят акт, который бы регулировал порядок создания и применения данной программы в органах государственной власти и авторские права на результаты ее деятельности.

Подводя итог, отметим, что цифровая трансформация органов прокуратуры Российской Федерации является закономерным и необходимым процессом, обусловленным развитием информационных технологий и потребностями современного общества. Реализация Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года способствует повышению эффективности надзорной деятельности, обеспечению информационной безопасности, а также укреплению доверия граждан к органам прокуратуры.

Правовое просвещение, осуществляющее органами прокуратуры, является одним из важнейших направлений деятельности, так как позволяет не только на постоянной основе повышать правовую грамотность граждан, но и обеспечивать присутствие органов прокуратуры на различных площадках электронного взаимодействия, тем самым обозначая их заинтересованность в освещении тех или иных проблемных вопросов и предотвращении противоправных деяний.

В заключение следует отметить, что внедрение ИИ открывает новые перспективы для всех направлений деятельности прокуратуры, в том числе и по правовому просвещению, но одновременно с этим существует необходимость в качественном правовом регулировании внедрения ИИ в деятельность государственных органов и разрешении ряда проблем, сопутствующих этому. Предполагается, что в дальнейшем именно ИИ может стать необходимым «инструментарием» каждого работника органов прокуратуры.

Список источников

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Стратегия прорыва. Информатизация – назревшая необходимость / Д. М. Гвишиани, В. С. Михалевич, А. И. Ракитов, В. С. Семенихин // Правда. 1988. № 173. С. 2.
3. Урсул А. Д. Путь в ноосферу : Концепция выживания и устойчивого развития человечества. Москва : Луч, 1993. 274 с.
4. Бессчастный С. А. Цифровая трансформация органов прокуратуры Российской Федерации // Прокуратура: история и современность – 300 лет прокуратуре России (Сухаревские чтения) : сб. материалов VII Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 8 октября 2021 года / Ун-т прокуратуры Российской Федерации : под общ. ред. О. С. Капинус. Москва : УП РФ, 2022. С. 16 – 25.
5. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. Утратило силу. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Капинус О. С. Цифровизация деятельности органов прокуратуры: настоящее и будущее // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 4 (66). С. 5 – 10.
7. Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14 сентября 2017 г. № 627 : текст с изм. и доп. на 27 апр. 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Генпрокуратура начала внедрять в свою работу искусственный интеллект // ТАСС: информ. агентство России : сайт. URL: <https://tass.ru/politika/20634537> (дата обращения: 06.05.2025).
9. Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 2 августа 2018 г. № 471 : текст с изм. и доп. на 31 авг. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Генпрокуратура РФ запустила новый официальный сайт и страницы в соцсетях // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20160614/1447203432.html> (дата обращения: 16.05.2025).
11. Международный молодежный конкурс социальной антикоррупционной рекламы «Вместе против коррупции!» // Вместе против коррупции : сайт. URL: <https://www.anticorruption.life> (дата обращения: 16.05.2025).
12. В эфир «Первого Псковского» вышла новая программа «Территория закона» // Генеральная прокуратура Российской Федерации : сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_60/mass-media/news?item=102411025 (дата обращения: 18.05.2025).

Информация об авторах

П. В. Широкова – старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации;

М. А. Ребковец – студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

P. V. Shirokova – Senior Lecturer at the Department of prosecutorial supervision and prosecutor's participation in criminal, civil and arbitration cases, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation;

M. A. Rebkovets – Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 34.01

ПРАВОВОЙ РЕАЛИЗМ ПРАВОСУДИЯ

Илья Львович ЧЕСТНОВ¹, Екатерина Александровна ЯСЕНОВСКАЯ²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ ichestnov@gmail.com

² jasenovskaja2002@yandex.ru

Аннотация. Авторы статьи показывают перспективы методологии правового реализма применительно к направлению правосудия. Выявлены факторы, влияющие на мышление и вынесение судьей решений. Продемонстрированы отличия судебного мышления при разрешении уголовных и гражданских дел, специфика правосудия в России и США.

Ключевые слова: правовой реализм, мышление судей, факторы, влияющие на судебное решение

Для цитирования: Честнов И. Л., Ясеновская Е. А. Правовой реализм правосудия // Криминалистъ. 2025. № 3 (52). С. 138 – 145.

Original article

THE LEGAL REALISM OF JUSTICE

Ilya L. CHESTNOV¹, Ekaterina A. YASENOVSKAYA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ ichestnov@gmail.com

² jasenovskaja2002@yandex.ru

Abstract. The authors of the article outline the prospects of the legal realism methodology in the context of judicial decision-making. Key factors influencing the judicial thinking and making decisions are identified. The distinctions between judicial reasoning in criminal and civil cases are illustrated, along with the specifics of the judicial system in Russia and the United States.

Keywords: legal realism, judicial thinking, factors influencing judicial decisions

For citation: Chestnov I. L., Yasenovskaya E. A. The legal realism of justice. Criminalist. 2025;3(52):138-145. (In Russ.).

Правовой реализм — важное, если не важнейшее, направление юриспруденции эпохи, именуемой постсовременностью, получившее в наше время второе рождение [1]. Его актуализация сегодня связана с практическим поворотом в социогуманитарном знании, затронувшим и юриспруденцию. При этом реалистический подход к практике эксплицируется применительно к юридической повседневности, а не как общие фразы о практике или абстрактные представления о всемирно-практической, преобразовательной миссии либо просвещенного (законодательствующего) разума, либо передового класса. Более того, юридическая практика как реализм (или реализм юридической практики) — это не только и не столько выяснение внешних факторов, влияющих на право (не отрицая важности и сложности такого научного предприятия), и даже не то, как правоприменитель принимает решение (интиериоризируя внешние факторы во внутреннюю мотивацию). Реализм юридической практики — это в первую очередь деконструкция классических представлений о практике. Нет такой «вещи», как общество, право или преступление, а есть социальные представления о реальности, конструируемые в сложной борьбе множества социальных групп за право официальной номинации, классификации, категоризации и квалификации социального мира как юридического (т. е. приписывание юридической значимости некоторым действиям, социальным явлениям)¹.

¹ Реальность права (и преступления) — не только имманентный аспект права (фактические правовые коммуникации), но и трансцендентные рамки права, задающие его роль в обществе. Принятие решений в правовой сфере, как и факторы, влияющие на принятие

Рассмотрим эти общетеоретические положения правового реализма применительно к тому, как реально мыслят и действуют судьи в процессе отправления правосудия.

Принятие судебного решения в совещательной комнате при соблюдении тайны — это самое сакральное из всех процессуальных тайнств. Почему? В этот промежуток времени происходит алхимический процесс: событие, доказательства, нормы законодательства, а также сложная субъективная нравственно-философская категория — совесть судьи, взаимодействуя, должны превратиться в справедливое решение. По сути, судья не ограничен какими-либо требованиями по вынесению приговора, за исключением двух элементов — закона и совести (ст. 17 УПК РФ). Последовательность действий судьи в совещательной комнате не регламентирована, единственное отступление из общего правила — это статьи, предусматривающие порядок разрешения вопросов судом в коллегиальном составе (например, ст. 301 УПК РФ).

В один и тот же день двое судей одного и того же районного суда рассмотрели уголовные дела по обвинению нескольких лиц в совершении ряда преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Оба привлекаемых к уголовной ответственности лица были обличены в совершенном преступлении с помощью производства оперативно-разыскных мероприятий, однако объективных признаков соучастия должностные лица установить не смогли. Установленные

тие юридических решений, всегда дополняется интерсубъективностью в правовой реальности — тем, как право оценивается населением и реализуется в правопорядке.

обстоятельства, а также данные, характеризующие личность подсудимых, имеющие значение для дела, в основном совпадали. Каждый судья вынес решение на основе исследованных в судебном заседании доказательств, и вот какой результат получился: тождественен оказался вид наказания — лишение свободы, однако срок отличался на полтора года. По смыслу закона и исходя из собственного внутреннего убеждения судьи посчитали, что вынесли абсолютно справедливые решения, хотя и не одинаковые. Получается, что судьба подсудимого зависит в том числе и от того, кому распределят дело, что уже свидетельствует о факторе определенной непредсказуемости результата [2, с. 136]. Так, элемент случайности зачастую оказывается сильнее справедливости. И такая субъективность характерна для системы вынесения приговоров многих государств — и это не только дела давно минувших дней, но и сегодняшняя реальность.

Еще в 1973 году эту проблему вынес на публичное обсуждение судья окружного суда по Южному округу Нью-Йорка М. Франкел, написав весьма лаконичную по объему, но не по смысловой нагрузке книгу «Приговоры по уголовным делам: закон без порядка». Проведенное им исследование многочисленных судебных решений показало, что тенденцией XX столетия стала практика назначения судьями иногда абсолютно отличных друг от друга видов наказания, не говоря уже о различиях в его размере или сроке, при фактически тождественных условиях (одинаковая квалификация преступлений, схожие обстоятельства совершенного деяния, идентичные характеристики личности и т. д.).

Вот наглядная история: двое мужчин, без уголовного прошлого, обналичили поддельные чеки — первый на 58 долларов, второй на 32 доллара. Но первому

лицу назначили наказание за содеянное в виде 15 лет тюремного заключения, а второму — 30 суток лишения свободы [3].

Исследование М. Франкела оказало принципиальное влияние на движение за реформу системы вынесения приговоров, став одной из самых влиятельных книг в истории уголовного права не только в США, но и в иных странах. Его работа сподвигла других ученых сыницировать последовательную серию исследований, посвященных этой проблеме. Одним из самых знаменитых и масштабных экспериментов стал опыт с участием 208 федеральных судей. Суть была в том, что им предложили рассмотреть и назначить справедливое наказание по 16 одинаковым делам. Однако оказалось, что понятие справедливости у каждого свое. Так, лишь три дела судьи разрешили относительно тождественно: они выбрали один вид наказания — тюремное заключение обвиняемому. В отношении остальных случаев подобное единогласие не наблюдалось. По одному из дел самым суровым приговором стало наказание в виде 15 лет лишения свободы, хотя средний общий показатель равнялся 1,1 года [4].

Другое научное исследование позволило сделать не менее важные выводы о феномене разброса в вынесении приговора. Например, шанс, что осужденному удовлетворят ходатайство об условно-досрочном освобождении, значительно повышается, если судебное заседание назначено на утро или после обеденного перерыва. А судьи, рассматривающие дела о предоставлении политического убежища, после двух удовлетворенных подряд заявлений в третьем случае отказывали на 19 % чаще.

Д. Канеман, О. Сибони и К. Санстейн в революционной работе «Шум: несовершенство человеческих суждений» обращают внимание на феномен разброса в экспертных убеждениях, а также

рассматривают проблему воздействия посторонних влияний на решения, принимаемые нами. Так, соавторы разбирают причины «шума» и разделяют его на межэкспертный, внутриэкспертный и ситуативный (табл. 1).

Так как же снизить уровень нежелательных факторов в процессе судопроизводства? Ответ не самый обнадеживающий: никак. Шум неизбежен, причем в любой системе, где центральной фигурой при принятии вердикта является

Таблица 1

КРИТЕРИЙ СРАВНЕНИЯ	МЕЖЭКСПЕРТНЫЙ ШУМ	ВНУТРИЭКСПЕРТНЫЙ ШУМ
Субъекты	По одному и тому же делу несколько судей принимают разные решения	Непоследовательность одного и того же лица
Пример	См. пример с решениями судей по делам о незаконном обороте наркотических средств на с. 139–140	Например, один судья может крайне сурово относиться к «мелким кражам» и на удивление снисходительно – к фактам легализации, а его коллега наоборот. Или судья безотчетно проявляет относительную мягкость, вынося приговор преступникам пожилого возраста
СИТУАТИВНЫЙ ШУМ		
Это влияние ситуационных факторов (погода, время суток, эмоциональное и физиологическое состояние)		
Причина	Разница в уникальных личностных реакциях судей	

человек, так что не стоит надеяться на идеальную согласованность там, где необходимо вынести какое-либо суждение. Вот почему правосудие по своей природе не может быть справедливым. Однако ученые предлагают стратегию по снижению уровня шума – «гигиену» принятия решения. «Мы выбрали этот термин, поскольку снижение шумовых помех, равно как и гигиена в общепринятом смысле, является превентивной мерой, направленной против неизвестного врага» – заключают исследователи [4, с. 102].

Итогом кампании по борьбе с необъяснимыми расхождениями при вынесении приговоров судьями стал законо-проект о реформе системы назначения наказаний, принятый в 1984 году Конгрессом США. Была создана специальная комиссия, миссия которой – сокращение неограниченных дискреционных

полномочий судей. Комиссия проанализировала 10 000 дел, взяла за основу средние сроки заключения по каждой категории и разработала обязательные рекомендации (Федеральные руководящие принципы вынесения приговоров) [5].

Согласно рекомендациям, следовало учитывать два фактора: само преступление и уголовное прошлое подсудимого, чтобы ограничить диапазон уголовных наказаний. Преступлениям присваивалась одна из 43 степеней тяжести, уголовное прошлое – это количество судимостей и их общий срок. С помощью несложных математических вычислений судья устанавливал точный верхний и нижний предел наказания, причем верхняя граница этого диапазона может превышать нижнюю лишь на шесть месяцев или на 25 %.

Научные исследования, проведенные в различные исторические этапы, позволили прийти к общему умозаключению о том, что уровень шума снизился, а положительный сдвиг выразился в сокращении расхождений между приговорами. В результате применения закона первоначальная цель была достигнута, но значительное количество судей выражало критическое умонастроение, объясняя это тем, что рекомендации приводили к огромной несправедливости, ущемляя право вершителей судеб учитывать все обстоятельства дела. Тем не менее вплоть до 2005 года рекомендациям удалось просуществовать, Верховный суд США отменил требования по причине нарушения 6-й поправки Конституции.

Посмотрим, какой стала ситуация после того, как статус Федеральных руководящих принципов изменился с обязательного на консультативный. Ученые из Гарвардского университета под руководством профессора права Кристал Янг решили попытаться это выяснить, проанализировав внушительное количество решений, вынесенных по более чем 400 000 делам. Краткий итог исследования таков: после 2005 года все чаще приговоры выносились на основе личностных ценностей судей, т. е. увеличилось арифметическое расхождение по схожим противозаконным действиям. Когда рекомендации носили обязательный характер, правонарушители, которые попадали в руки достаточно жестких судей, получали на 2,8 месяца больше, чем если бы решения выносили их среднестатистические коллеги. Когда рекомендации приобрели статус консультативных, эти расхождения удвоились [6].

Существует ли проблема расхождения в приговорах, когда судьи выносят решения по идентичным делам в России? Никто не усомнится, что да, но с возможной оговоркой, что не в таких масштабах как в США. Почему? На это

есть несколько причин: 1) относительная социальная однородность кадрового состава, а следовательно, схожесть менталитета должностных лиц; 2) важную роль играют постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащие разъяснения по вопросам применения законодательства, а также *de-facto* подлежащие обязательному учету в целях вынесения законных и обоснованных решений судьями; 3) наличие «серых кардиналов» судебной системы — председателей судов, отвечающих за урегулирование противоречий в precedентной практике, т. е. ответственных за сохранение единообразия правоприменения.

Однако даже рассмотренные обстоятельства, увы, не устраниют фундаментальную проблему — случайность при назначении наказания.

При назначении наказания судьям надлежит учитывать сведения о личности подсудимого, а также фактические обстоятельства совершенного деяния. При этом в приговорах, как правило, содержится исключительно ссылка на то, что вышеуказанные данные приняты во внимание. Получается, что просто невозможно понять, каким именно образом судья учел эти сведения и как в действительности они повлияли на вид и размер наказания, да и учел ли вообще. Сам судья также вряд ли смог бы ответить на этот вопрос.

Юридическое мышление — это сложный многогранный феномен. Так, сравнивая процессы принятия решения судьей по гражданскому и уголовному делам, с уверенностью приходим к выводу, что существуют различия в структурировании познавательной деятельности у судьи в зависимости от вида судопроизводства. Какова цель обращения лица с исковым заявлением в гражданском или арбитражном процессе? Это, как правило, устранение препятствий в хозяйственном обороте.

Следовательно, судья-цивилист мыслит с точки зрения того, как эту преграду преодолеть, по сути, удовлетворить исковое заявление. Дела по искам, связанным с нарушением прав потребителей, или трудовые споры (особенно категория о восстановлении на работе сотрудника) суды разрешают исходя из правовой традиции, которая пришла еще со времен советской эпохи, т. е. фактически сформирована презумпция виновности работодателя или организации, поэтому жрецы правосудия становятся на сторону гражданина, менее, по их мнению, защищенного. Так, по данным

судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2023 году судами общей юрисдикции в подавляющем количестве исковые требования удовлетворены в полном объеме – 83 %, отказ – 17 % [7].

Что же касается уголовного процесса, то здесь сложилась иная ситуация: судьи скептически воспринимают требования частных лиц, поскольку в данном случае судья воспринимает себя форпостом государственности.

С другой стороны, мышление судьи зависит и от степени сложности рассматриваемого дела (табл. 2).

Таблица 2

КРИТЕРИЙ СРАВНЕНИЯ	ЛЕГКИЕ ДЕЛА	СРЕДНИЕ ДЕЛА	ТЯЖЕЛЫЕ ДЕЛА
Сущность	Фактор/система фактов – одно конкретное положение закона/очевидная система норм	Каждая из сторон обладает обоснованными аргументами, подкрепленными ссылками на нормы закона. Судья анализирует правовые позиции, т. е. совершает сознательный акт толкования, чтобы понять, кто в действительности прав	Нет одного законного решения, существует несколько вариантов
Наличие судебского усмотрения	Нет	Нет	Да
Обжалование решений	Как правило, не обжалуются, вышестоящая инстанция отменяет или изменяет решения крайне редко	Низкий процент обжалования. Как правило, используется такое основание для обжалования, как «нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права»	Обжалуются часто
Примечание	«Поточные» дела, нужны, чтобы поддерживать высокие показатели. Паттерн как помощник судьи в условиях дефицита времени	Любой профессиональный юрист понимает, что по этому делу существует только одно верное решение	

Отсюда следует, что для уголовных дел вышеуказанную классификацию необходимо применять в части установления фактических обстоятельств и соответствия деянию квалификации, реализация же судебского усмотрения происходит в момент выбора вида наказания и его размера. Вершителю судеб всегда не просто назначить наказание, заключающееся в содержании осужденного в условиях строгой изоляции от общества, тут легких дел не бывает.

Так как же судья выносит вердикт, например, о количестве лет лишения свободы или сроке принудительных работ, какие таинственные арифметические правила использует? С точки зрения когнитивного подхода процесс решения математической задачи, заданной судье, ничем не отличается от иного механизма, где отсутствует точный шаблон, схема, формула расчета, — число просто угадывается. Однако судья действует отнюдь не произвольно, а по определенным правилам, в том числе используя в процессе эффект привязки (эффект якоря): это особенность оценки неизвестных числовых значений человеком, из-за которой эта оценка смещается в сторону ранее воспринятых чисел, даже если эти числа не имеют никакого отношения к оцениваемому значению. Это продемонстрировали в 1974 году Даниэль Канеман и его коллега Амос Тверски, за что первый ученый, изучавший также применение психологической методики в экономической науке, в особенности при исследовании формирования суждений и принятия решений в условиях неопределенности, получил премию Альфреда Нобеля в 2002 году [8]. Когнитивные искажения — ошибки мышления, которые можно обнаружить и исправить при анализе автоматических мыслей.

Исследователями был проведен такой эксперимент: немецким судьям, имеющим богатый опыт в судебной системе,

не менее 15 лет юридического стажа, предлагалось ознакомиться с фабулой казуса и назначить преступнику наказание, но перед этим участники испытания должны были бросить «особые» кости, у которых результат мог равняться исключительно числам 3 или 9. После броска судья сразу должен был озвучить срок лишения свободы, который бы назначил лицу, в отношении которого выносится решение. Итог: в среднем те, у кого на костях выпало 9, собирались назначить наказание в виде 8 месяцев лишения свободы, а те, у кого выпало 3, — 5 месяцев [9, с. 167].

Понятно, что в реальности решения судей не зависят от числового значения, выпавшего при бросании кости. Источниками же когнитивных искажений часто являются:

опыт судьи, т. е. аналогичные дела, по которым уже вынесены приговоры;

опыт иных судей по делу, тождественному тому, что сейчас находится на рассмотрении;

наказание, предложенное суду государственным обвинителем, и иное.

Так, в судах общей юрисдикции города Москвы существует неизменное правило: наказание, в нашем случае лишение свободы, за простое убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) должно быть только реальным, а также составлять не менее 10 лет. Сейчас уже невозможно выяснить, где корни этой привязки, тем не менее она прочно вошла в коллективное сознание.

Интересно и то, что подобная практика может косвенно влиять на назначение наказания и за совершение преступлений иного рода. Например, если лицо виновно во взяточничестве в крупном или особо крупном размере, судья будет рассуждать примерно следующим образом: лишение человека жизни — 10 лет, значит, пострадавшие интересы государственной службы не могут быть оценены выше указанного предела, по-

этому следует назначить наказание равное 8 годам лишения свободы.

В заключение отметим, что там, где есть место для суждения, всегда обнаруживается и шум. Вот почему правосудие далеко от идеала справедливости. Пра-

вой же реализм как методология права призван, и имеет для этого адекватный инструментарий, прояснять, как именно мыслят и действуют судьи, осуществляя правосудие.

Список источников

1. Тонков Е. Н., Тонков Д. Е. Правовой реализм : монография. Санкт-Петербург : Алетейя, 2022. 464 с.
2. Цветков Ю. А. Игры, в которые играют судьи : Деконструкция правосудия и судебной деятельности в парадигме правового реализма. Москва : Юнити-Дана, 2023. 385 с.
3. Frankel M. E. Criminal Sentences: Law Without Order. N.Y. : Hill & Wang, 1973.
4. Канеман Д., Сибони О., Санстейн К. Р. Шум: несовершенство человеческих суждений / пер. с англ. А. Котовой, С. Селифоновой, В. Тулаева. Москва : ACT, 2021. 544 с.
5. Бирюков П. Н., Жданов И. Н. Назначение наказания при заключении сделки о признании вины в США // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 2 (21). С. 164 – 175. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/naznachenie-nakazaniya-pri-zaklyuchenii-sdelki-o-priznanii-viny-v-ssha> (дата обращения: 17.01.2025).
6. Crystal S. Yang. Have Interjudge Sentencing Disparities Increased in an Advisory Guidelines Regime? Evidence from Booker, 89 N.Y.U. L. REV. 2014. P. 1268 – 1333.
7. Нагорная М. В 2023 г. в суды поступило больше гражданских дел // Адвокатская газета. 2024. 15 апр.
8. Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 4. С. 31 – 42.
9. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро : пер. с англ. Москва : ACT, 2016. 532 с.

Информация об авторах

И. Л. Честнов – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Е. А. Ясеновская – студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

I. L. Chestnov – Professor at the Department of theory and history of state and law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor;

E. A. Yasenovskaya – Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

РЕЦЕНЗИИ ОБЗОРЫ МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СОБРАНИЙ

Обзорная статья

УДК 34

ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПОСТКЛАССИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВА» НА ТЕМУ «ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕАЛИЗМА»

Илья Львович ЧЕСТНОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, ichestnov@gmail.com

Аннотация. В обзоре излагаются основные положения докладов и сообщений спикеров Всероссийской научно-теоретической конференции «Постклассические исследования права» на тему «Перспективы правового реализма», которая прошла 30 мая 2025 года в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Ключевые слова: правовой реализм, правопонимание, реальность права, правовые практики

Для цитирования: Честнов И. Л. Обзор Всероссийской научно-теоретической конференции «Постклассические исследования права» на тему «Перспективы правового реализма» // Криминалистъ. 2025. № 3 (52). С. 146–158.

Review article

REVIEW OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND THEORETICAL CONFERENCE «POSTCLASSICAL LEGAL STUDIES» ON THE TOPIC «PROSPECTS OF LEGAL REALISM»

Ilya L. CHESTNOV

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, ichestnov@gmail.com

Abstract. The review presents the main provisions of the reports and presentations of the speakers of the All-Russian Scientific and Practical Conference «Postclassical Legal Studies» on the

© Честнов И. Л., 2025

topic «Prospects for legal realism», held on May 30, 2025 at St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Keywords: legal realism, understanding of law, reality of law, legal practices

For citation: Chestnov I. L. Review of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference «Postclassical Legal Studies» on the topic «Prospects of Legal Realism». *Criminalist*. 2025;3(52):146-158. (In Russ.).

---

30 мая 2025 года в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации состоялась ежегодная Всероссийская научно-теоретическая конференция «Постклассические исследования права» на тему «Перспективы правового реализма».

В работе конференции приняли участие студенты, магистранты, аспиранты и профессорско-преподавательский состав Института, ведущие крупнейшие теоретики права страны: Г. Э. Адыгезалова, М. В. Антонов, В. В. Архипов, М. В. Баранова, М. А. Беляев, Ю. Ю. Ветютнев, Е. Ю. Калинина, Е. М. Крупеня, О. Б. Купцова, И. Б. Ломакина, И. Ю. Козлихин, И. А. Кузьмин, Н. В. Малиновская, Н. И. Малышева, И. А. Миникес, И. А. Осветимская, А. В. Поляков, Р. А. Ромашов, Н. В. Разуваев, Е. Г. Самохина, Ю. В. Сорокина, Е. Н. Тонков, Л. А. Харитонов, Ю. А. Цветков, А. Э. Черноков, И. Л. Честнов, историк права А. А. Дорская, специалисты международного права и отраслевых юридических наук из Санкт-Петербургского государственного университета, Московского городского педагогического университета, Нижегородского государственного университета, Воронежского государственного университета, Московской академии Следственного комитета Российской Федерации им. А. Я. Сухарева, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Северо-Западного института управления РАНХиГС и других вузов страны.

В рамках конференции были рассмотрены вопросы: история правового реализма, в том числе возможность использования термина «советский правовой реализм»; какова реальность бытия права в постсовременном мире; как происходит процесс конструирования правовой реальности с точки зрения правового реализма; каково содержание процесса реализации права с позиций правового реализма; каковы источники права в теории правового реализма. Ниже приводятся наиболее интересные, содержательные выступления коллег в рамках состоявшейся научной дискуссии.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, модератор конференции И. Л. Честнов в приветственном слове поблагодарил собравшихся за проявленный интерес к конференции, которая в этом году проводится в 25 раз и является «правопреемницей» Спиридоновских чтений.

В своем докладе он отметил, что правовой реализм может претендовать на то, чтобы стать новой парадигмой в юриспруденции, заместив в этом качестве догматику права, не отрицая, но дополняя ее реалистическим измерением. Для этого правовой реализм должен не только развивать эмпирические исследования юридической практики, ее контекста и факторов, ее обусловливающих (в чем он немало преуспел), но и сформировать собственную философию права. Последняя должна стать те-

оретическим основанием практико-ориентированной юриспруденции, ответив на многие сложные вопросы и прежде всего, что считать «существующим» в правовой реальности или как «существует» правовая реальность. По мнению И. Л. Честнова, «существовать» – быть воспринимаемым, признаваемым (или принимаемым и значимым) и практически используемым людьми, социализированными в соответствующей правовой культуре и живущими в данном историческом и социокультурном контексте. В таком случае правовая реальность (любой правовой феномен) «реально существует», если воспринимается и фиксируется в соответствующих юридических формах, наделяется значимостью (или легитимностью в широком смысле слова) и производит (порождает) юридически значимые последствия в виде действий, понимаемых в широком смысле слова как юридические акты. Этим, конечно, бытие как существование права не исчерпывается, однако через эти модусы проявления права возможно и перспективно практическое реалистическое его измерение.

В докладе доцента Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС кандидата юридических наук, доцента Е. Н. Тонкова «История формирования концепции правового реализма на территории России» исследована эволюция российского правопорядка после радикального культурологического поворота, осуществленного в период между Первой и Второй мировыми войнами. Сформировавшиеся в революционное время и в годы строительства социализма реалистические подходы к решению юридических задач укоренились в советском праве на многие десятилетия и в значительной степени продолжают использоваться сегодня.

Российский вариант правового реализма, по мнению докладчика, является социологическим подходом к праву.

Ленинскую версию марксизма на протяжении десятилетий рассматривали как вариант юридического позитивизма, но, по мнению Е. Н. Тонкова, ошибочно именовать позитивизмом доктрину, направленную на отмирание государства, основанную на примате партийных решений над актами государственных органов. Реалистический подход способствует снижению абстракций и метафизики в праве, помогает осознать механизм функционирования действующего правопорядка, проявляет роль акторов силы.

Профессор Санкт-Петербургского государственного университета доктор юридических наук, профессор А. В. Поляков представил свое видение права и его связи с правовой реальностью. Суть его подхода заключается в трактовке права как специфического результата человеческих коммуникаций. Право, по А. В. Полякову, это не нормы в виде письменных текстов, изданных государством (правовой этатизм), но право – это и не фактическое поведение на основе этих текстов (социологический позитивизм); право – не переживание определенных эмоций, связывающих или развязывающих поведение человека (психологическая теория права), но право – это и не набор каких-то принципов, ценностей, существующих или где-то в метафизическом, идеальном пространстве, или в индивидуальном сознании кого бы то ни было (естественное право). Право, т. е. правовая реальность, представляет собой коммуникативную связь всех трех реальностей: субъективной реальности, объективной реальности и интерсубъективной реальности.

С этой точки зрения субъективная правовая реальность представляет собой восприятие нормативных текстов человеком: их интерпретацию, оценку и последующие действия; объективная правовая реальность предстает в виде знаковых (текстуальных) форм права,

репрезентируемых через поведенческие паттерны, складывающиеся на основе институционализации жизненно необходимых условий для человеческого выживания и саморазвития; интерсубъективная правовая реальность представлена согласованными нормативными смыслами и ценностями, признаваемыми участниками коммуникации и получающими в их сознании общеобязательное значение. Право предстает, таким образом, как бытие в коммуникации, субъекты которой осознают себя носителями взаимных прав и обязанностей, основанных на общезначимых и общеобязательных нормативных текстах. Взаимность прав и обязанностей, как и их общезначимость и общеобязательность, вытекает из лежащего в их основе принципа взаимного правового признания, конституирующего всю правовую реальность как реальность и интенциональную, и институциональную.

Взаимность правового признания, как трансцендентальный принцип права, предполагает обязанность каждого признать правосубъектность других людей и включает в себя вытекающий отсюда запрет на проявление по отношению к ним каких-либо форм непризнания. Не признаваться могут только поведенческие акты, нарушающие сам принцип взаимного признания. Такое правопонимание сродни естественному праву, но стремится увязать естественно-правовые идеи с идеями реализма и нормативизма (идеал-реализм). Явно такой взгляд на право противостоит таким вариантам правового позитивизма и правового реализма, которые пытаются уравнять право и насилие; право и аморализм; право и безграничный, абсолютный релятивизм. Право, по мнению А. В. Полякова, нельзя отождествлять с силой и односторонним навязыванием своей господской (господствующей) воли. Право, в отличие от насилия, предполагает двустороннюю взаимную коммуникацию,

основанную на признании и заинтересованности в правовой коммуникации. Господство превращается в право тогда, когда снимается претензия на одностороннее господство и признается персональное личностное участие Других в правовой коммуникации, т. е. когда за ними признаются основные права и обязанности участников коммуникации. Быть субъектом права означает обладать правосубъектностью, т. е. правами, превращающими человека из вещи, не обладающей субъектностью, в цель правового общения. Однако поскольку все являются такими целями, то отношения между ними могут строиться только на основе взаимного правового признания и ограничения собственного произвола личностью другого такого же субъекта правовой коммуникации и его свободой саморазвития в такой же мере. Свой вариант понимания права А. В. Поляков характеризует как антропологический и аксиологический реализм, который синтезирует идеи российского концепта «возрожденного естественного права», инициированного в свое время П. И. Новгородцевым и продолженного И. А. Ильиным, с идеями Петербургской школы права Льва Петражицкого.

В докладе доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Р. А. Ромашова «Государственно-правовые символы в контексте иллюзорной реальности» отмечалось, что в контексте теории государства и права понятие «правовой реализм» используется преимущественно для обозначения научных подходов правопонимания, противопоставляемых как правовому идеализму, так и правовому нигилизму. В таком понимании классический позитивизм, представленный в первую очередь «чистым учением о праве» Г. Кельзена, представляет собой направление правового идеализма, а реалистический позитивизм следует

рассматривать в контексте правового реализма.

Реалистический позитивизм предполагает рассмотрение государства, права, преступления как юридических детерминант в совокупности, образующих континуум — социально-юридическую среду, в которой исследуются государственно-правовые институты и процессы, формирующиеся и протекающие под воздействием различных внешних и внутренних факторов.

В контексте реалистического позитивизма предлагается оперировать не отдельными категориями — государство, право, преступление как предметными областями самостоятельных научных исследований, а комплексным понятием государственно-правовая система.

В контексте теоретического моделирования государственно-правовая система представлена комплексом неких внешних атрибутов — символов, которые наделяются как собственно рациональной (прагматической) функциональностью, так и сакральной.

В качестве символов государственно-правовой системы могут рассматриваться: официальная государственно-правовая символика (государственные герб, гимн, флаг); фигура главы государства как действующего, так и исторического; система государственных праздников и наград; а также конституция, воспринимаемая и как самостоятельная ценность и как юридическая форма закрепления «официальных» ценностей.

Доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения МГИМО МИД России кандидат юридических наук Д. Е. Тонков в своем докладе «Движения правового реализма в Европе: коллизионный аспект» привел анализ подхода представителя генуэзского правового реализма Риккардо Гуастини к принципу *«lex superior derogat legi inferiori»* (приоритет норм правового акта, имеющего большую юридическую силу или

занимающего более высокое место в нормативной иерархии). На основе краткого обзора литературы об иерархии норм в правопорядке (идей Г. Кельзена, А. Меркла, Г. Л. А. Харта, Н. Боббио, Дж. Гавацци, Дж. Тарелло и М. Тропера) итальянский правовед выделяет четыре типа нормативных иерархий: формальный (структурный), материальный (субстантивный), логический (лингвистический) и аксиологический. Указанный понятийный аппарат используется Р. Гуастини для того, чтобы прояснить статус принципа *«lex superior»*, концепции действительности (валидности) и метанормы.

Д. Е. Тонков также отметил увеличение современных подходов к анализу, реконструкции и критике правового реализма в Европе. Различные реалистические концепции разрабатываются ведущими зарубежными и отечественными правоведами, однако критерий отделения множества вариантов «правового реализма» от теорий естественного права и юридического позитивизма остается дискуссионным. Особое внимание в выступлении было уделено «коллизионному» пересечению идей скандинавского, итальянского, французского, нового европейского, континентального, немецкого, раннего датского и российского движений правового реализма.

Профессор СПбНИУГУВШЭ кандидат юридических наук, доцент М. В. Антонов выступил с докладом на тему «Правовой реализм и его многогранность». Вопрос о правовом реализме, по его мнению, может быть поставлен в аспекте двух разных образов права, каждый из которых обоснован и оправдан в своем контексте. Один образ — это распространенный практически во всех правовых культурах архетип, в рамках которого для каждого конкретного случая формулируется индивидуальное правило, что учитывает все заслуживающие внимания обстоятельства. В этом и заклю-

чается справедливость в смысле «каждому свое», она индивидуализирует, а не обобщает. Справедливость не может быть найдена через применение общих шаблонов, нужна мудрость, чтобы вникнуть в конкретику каждого дела и решить его так, чтобы воздать каждому по заслугам — таков идеал справедливости. Кажется, что именно этот архетипический образ права лежит в основе того, что смутно обозначается правовым реализмом в современных отечественных дискуссиях. Хотя в философских терминах тут правильнее было бы говорить не о реализме, а о его антиподе — номинализме. Этому образу противостоит иной образ справедливости, выработанный в романо-германской правовой культуре — образ, что предполагает право как правильный разум, заранее облеченный в словесную форму и наделенный объективным, существующим до истолкования и применения нормативным смыслом. Это образ права как системы, построенной на разумных началах, который предполагает соответствующий образ правосудия — суд на основании общих для всех, заранее созданных общезначимых норм, которые устанавливают равную для всех меру и отмеряют каждому по этой мере — справедливость по принципу «с равными по равному». Образ индивидуального правосудия и образ формализованного (основанного на общезначимых нормах) правосудия имеют свою философскую основу, опираются на древние интеллектуальные традиции, у них есть свои плюсы и минусы, которые по-разному проявляются в различных правовых культурах. Используемые в современных философско-правовых дискуссиях термины «реализм» и «формализм» имплицитно опираются на эти образы соответственно.

Реалистический подход к ценностным основаниям права предложил в своем докладе доцент Волгоградского

филиала РАНХиГС Ю. Ю. Ветютнев. Стремление правового реализма к выявлению подлинных, а не иллюзорных характеристик права, вероятно, может быть распространено и на систему правовых ценностей. Однако, несмотря на это, отношение правового реализма к идее ценностей скорее можно определить как прохладное и скептическое, доходящее до представлений, что высказывания о ценностях не имеют своего предмета (А. Росс). Причина видится в том, что правовой реализм фактически представляет собой «натуралистический сенсуализм» (Г. Гурвич), т. е. склоняется к тому, чтобы свести все утверждения о праве к чисто эмпирическим, в то время как правовые ценности не могут быть предметом непосредственного восприятия. Большинство представителей правового реализма, несмотря на свое негативное или нейтральное отношение к идее правовых ценностей, воспринимают их в духе психологизма, что также вызывает трудности с точки зрения признания ценностей, поскольку никакие переживания или эмоции, очевидно, не могут быть основанием правопорядка как надиндивидуальной общности. Вместе с тем на уровне правового реализма достаточно успешно схватываются такие аспекты ценностей, как их поведенческие и речевые формы. Обращение к ценностям остается необходимым для правового реализма постольку, поскольку он претендует не только на описательность, но и на практическую актуальность, неизбежно требующую рефлексии своих ценностных предпосылок.

Доклад А. А. Дорской, доктора юридических наук, профессора, заместителя директора по научной работе Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, был посвящен роли концепции правового реализма в преодолении кризисных явлений в международном

праве. А. А. Дорская показала, что идея создания системы международного права, ориентированной на идеал, но способной решать практические задачи, зародилась в конце XIX – начале XX в. в нескольких странах (США, Россия, Германия), в результате чего началось обсуждение самой природы международного права. Развитие концепции правового реализма привнесло базисную установку приоритета политики над правом, а поэтому начались междисциплинарные исследования, во главу угла был поставлен национальный интерес, проявившийся в разработке стратегий национальной безопасности, от идеи международного правосудиячество перешло к активной фазе ее реализации. С конца 1970-х гг. в науке международного права развивается нео-реализм, сторонники которого считают, что международно-правовая система отличается хаотичностью, поскольку предопределется неустойчивым балансом сил и столкновением уже не государств, а цивилизаций, отводят особую роль судебной практике международных судебных учреждений, уделяют большое внимание социальной составляющей международного права. Был сделан вывод о том, что концепция правового реализма сыграла как позитивную, так и негативную роль в преодолении кризисных явлений в международно-правовой системе начиная с конца XIX в. и до наших дней.

Доцент кафедры теории и истории права и государства Санкт-Петербургского государственного университета кандидат юридических наук И. И. Осветимская выступила с докладом «Когда справедливость зависит от „длины“ ступни лорда-канцлера: недостатки правового реализма». Название выступления отсылает к Суду справедливости, который существовал наряду с судами общего права в Англии начиная с XII в. Суд принимал иски от тех, кто не смог по-

лучить защиту в системе общего права. Возглавлял его лорд-канцлер, который, рассматривая любой иск, мог руководствоваться собственными представлениями о справедливости. Решения канцлеров могли быть непоследовательными, так как не было никаких правил отправления ими правосудия, только совесть. По словам Джона Селдена, английского юриста, «справедливость меняется в зависимости от длины ступни лорда-канцлера». Пожалуй, это и есть наиболее важная закономерность, выявленная сторонниками правового реализма, – субъективность права, его неопределенность.

Безусловно, правовой реализм полезен для понимания практической стороны права, но он имеет и свои недостатки. Его можно критиковать за тенденцию к субъективности (право представляется правовыми реалистами как зависящее от личных взглядов и предпочтений судей), излишний нормосkeptицизм (делая акцент на судебном правотворчестве, правовые реалисты оставляют без внимания законодательную деятельность), отсутствие ясности в предсказательных целях (поскольку решения судей провозглашаются полностью субъективными и зависимыми от конкретных обстоятельств дела), а также за то, что он может не учитывать более фундаментальные аспекты права, такие как справедливость и мораль (если решения судей будут зависеть от их личных взглядов и предпочтений, это может привести к правовому неравенству и нарушению принципа справедливости).

Для того чтобы справедливость не зависела от «длины» ступни лорда-канцлера, необходимо установить пределы релятивизма в праве. Нужно понимать, что право не может иметь любое содержание, точно так же, как черное нельзя называть белым или белое черным, у права как у любого другого феномена есть своя сущность: «стремление к справедливости, мирному существованию

людей в обществе». «Право существует в единстве его нормативного установления и интерпретационного прочтения». Конституирующему принципу права выступает принцип взаимного правового признания, согласно которому человек с его правами и обязанностями воспринимается как автономная личность, как цель, а не как средство».

Тема доклада кандидата юридических наук, старшего преподавателя Санкт-Петербургского государственного университета М. С. Куликовой — «Реальность права и многомерность ее источников». Право — это живая система, нормы которой взаимодействуют с динамикой общества. На сегодняшний день многие юристы, философы, социологи и антропологи спорят о том, где рождается «реальное право», актуализируя в научном дискурсе вопросы о признаках права и его месте во взаимоотношениях с государством. Сторонники правового реализма — направления, отрицающего формально-догматический подход и утверждающего, что право создается не только (и не столько) текстами законов, сколько реальной правовой практикой, усматривали ответы на эти вопросы в теории источников права, при этом по-переменно понимая под «источником права» предпосылку либо форму права.

Правовые реалисты, обращаясь к объективной реальности (аргумент к внешним факторам, на основании которых принимается решение), а также здравому смыслу (аргумент к невозможности исчерпать нормотворчество деятельности законодателя), несомненно, стали яркими представителями в теории юридической науки.

Вместе с тем критики этого направления настаивали на отказе реалистов от волонтаристской концепции правоприменения в целях реализации принципа справедливости, от казуальности права в целях обеспечения правовой определенности, от правотворческих полномочий

иных субъектов в целях соблюдения теории разделения властей.

Таким образом, именно обращая внимание на источники права, на их многомерность, не преуменьшая заслуг правовых реалистов, но критически оценивая их идеи, следует координировать усилия для совместной работы на общее благо теории права.

Е. М. Крупеня, доктор юридических наук, доцент, профессор департамента права ИЭУП, ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет», выступила с докладом на тему: «К вопросу верификации идей правового реализма в условиях развития искусственного интеллекта: компаративистский анализ». Она, в частности, отметила, что актуальность темы верификации идей правового реализма в условиях развития искусственного интеллекта обусловлена: 1) философско-историческим сюжетом, который поддерживает в актуальном состоянии интеллектуальную историю юриспруденции, эволюцию различных типов понимания сущности права и отдельных идей; 2) тем, что сохраняется потребность переосмысливания классических идей правового реализма в североамериканской версии (Холмс, Ллевеллин и др.) в условиях смены технологического уклада общества, его цифровой трансформации и внедрения технологий (AI) ИИ; 3) потребностью в модернизации национальной судебной системы в условиях технологических вызовов. В качестве эмпирического подтверждения актуальности этой проблематики автор привела интересные данные использования ИИ во Франции и России.

Е. А. Поворова, заместитель главного редактора журнала «Российская юстиция», кандидат юридических наук, выступила с докладом на тему «Открытость судебного процесса как экзистенциальная основа правосудия». Обычно, говоря об экзистенции, в первую очередь мы

подразумеваем человека, его опыт существования. Относительно социальных структур, тем более наделенных, по Веберу, властью навязывать волю, экзистенциализм не рассматривался как их сущностная характеристика. Но развитие антропоцентрических взглядов в доктринах права, рассмотрение через коммуникативную перспективу эволюции права и общества, выявление культурального и медиального поворота в восприятии правовой реальности дает нам возможность сменить оптику во взглядах на феномен правосудия и говорить о его именно экзистенции. Именно человек создает — конструирует социальную и правовую реальность, он же ее воспроизводит экзистенциально, как актор — коммуникацией, взаимодействием, включенностью в диалог, ментальными и психическими особенностями восприятия бытия. Благодаря смене оптики в отношении социальных систем, возможно рассматривать правосудие как феномен, производный от сферы экзистенциального, обусловленного своим существованием, наличием профессионального сообщества с определенным набором ценностей и правил построения межличностных коммуникаций.

Акцент на коммуникацию позволяет говорить о том, что судебная власть — это в принципе власть, построенная на коммуникативной основе взаимодействия с обществом и индивидом. Модус экзистенции правосудия — это способ организации и восприятия правосудия обществом через коммуникативные социально-правовые практики.

Принцип открытости судебной власти антропологичен по своей сути и влияет на эволюцию судебной власти, давая возможность формировать коммуникативное пространство и постепенно, с перерастанием общества в гражданское общество, давая ему инструмент контроля над судом. Публичность, открытость судебного процесса и инфор-

мации о деятельности судебной власти являются неотъемлемыми элементами справедливого судебного разбирательства, но также служат экзистенциальной основой для реализации функций суда в медиатизированном обществе, влияют на реализацию судейской независимости, личной и профессиональной, задают этические стандарты для самих судей и для общества в целом.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации доктор юридических наук, профессор И. Б. Ломакина в докладе «Реалистичность мифологем в праве» указала, что знание как рациональное обоснованное убеждение, а также вера в это знание являются результатом познания, которое включает в себя осознаваемые и бессознательные процессы осмысливания (наделения смыслами) полученной в процессе деятельности человека информации. Познание в таком ключе не тождественно непосредственному отражению, кроме того, познание никогда не осуществляется, если будет отсутствовать коммуникация между понимаемым и понимающим. Греческая мифология образно демонстрирует, как устанавливается эта связь богом Гермесом. Первыми профессиональными герменевтами были средневековые гlosсаторы, толкующие Кодекс Юстиниана.

С помощью мифа человек символически адаптировался к актуальной реальности. Примирение (адаптация) имело именно символическое содержание. Бернар Доре, Жак Брод, Ив Кло, Мишель Берtrand утверждают, что именно миф делает творческую, в том числе познавательную, деятельность человека возможной.

Миф — основа ментальности, он ментальная память, своеобразный способ сбережения и ретрансляции знаний. Он выступает как мембрана сферы ос-

мысленного существования людей, позволяющая бесстрашно смотреть в будущее, конструировать это будущее в соответствии со своими представлениями о переживаемом прошлом.

На основании изложенного можно констатировать, что миф важный компонент сознания (познания), миф – основа философствования, миф – основа переживания исторических событий. Он выполняет смыслориентирующую, идентификационную, интерпретирующую, ценностную функции познания правовой реальности. Именно история как наиболее важная составляющая мировоззрения социума всегда была окутана мифами, и именно мифы выражали социально важные события и диктовали правила поведения. В основе практически каждого социально значимого события лежит своя идея, мифически объективированная в той или иной форме.

Доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Воронежского государственного университета кандидат юридических наук, доцент Н. В. Малиновская обратила внимание на иррациональные начала конструирования правоприменительных актов. Она отметила, что иррациональные факторы согласуются с идеями pragmatизма и «юриспруденции интересов» в правовом реализме. Отсутствие ожидаемой правовой логики в ряде случаев правоприменительной деятельности позволяет говорить о «надрациональных» факторах принятия решений. К числу таковых можно отнести правовые инстинкты и правовую интуицию. Их можно рассматривать с нескольких позиций: 1) как предпонимание; 2) как способность распознавания правовых норм; 3) как предзнание; 4) как внутреннюю когнитивную способность.

Данные аналитические плоскости сложно четко разграничить между собой. Но они помогают лучше понять механизм происхождения и роль ирра-

ционального в принятии юридически значимых решений.

Одним из дискуссионных вопросов является связь правовых инстинктов и правовой интуиции с опытом: с одной стороны, данные явления рассматриваются как априорные феномены, с другой – их истоки коренятся в опытных практиках, которые позволяют сформировать бессознательные реакции, поддающиеся тем не менее объяснению с позиций опыта и знаний.

Ю. А. Цветков, заведующий кафедрой уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации им. А. Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, выступил с докладом на тему «Правовой реализм в уголовном процессе». Россия, по его мнению, прославилась шедеврами реализма в искусстве и литературе. В Советском Союзе реализм (пусть и с определением «социалистический») стал господствующим творческим методом. Руководители советского государства смогли перестроить свою внешнюю политику в русле политического реализма. Однако перед реализмом правовым, мощный поток которого в первую половину XX в. охватил сразу два континента, в советской юридической науке был поставлен прочный заслон, который не снят и до настоящего времени. В последнее десятилетие в России стали появляться общетеоретические работы, посвященные правовому реализму, в частности опубликованы две монографии (отца и сына Тонковых, 2022, и Б. В. Лесива, 2023) и защищена докторская диссертация (В. С. Груздев, 2021). Однако в отраслевых юридических науках, включая и уголовный процесс, реалистический подход все еще встречает противодействие. Между тем сегодня для понимания уголовно-процессуальных отношений одного лишь знания УПК недостаточно. На страницах УПК следователь, прокурор и судья предстают перед нами как герои-оди-

ночки. В реальной же действительности их правовое поведение определяется не только законодательными моделями, но и принадлежностью к соответствующей организации: следственному органу, прокуратуре и суду. Свои действия и решения они должны соотносить не только с правовыми абстракциями, но и с правилами своей организации, критериями оценки эффективности и корпоративной культурой. Именно поэтому далеко не все проблемы уголовной юстиции, вопреки мнению догматиков, решаются сугубо правовыми средствами — изданием новых и изменением старых законов. Как в правовых науках в целом, так и в уголовном процессе в частности, назрел переход к «понимающей» и «объясняющей» юриспруденции, которая за теми или иными правовыми явлениями способна разглядеть не только верхний пласт — особенности нормативного регулирования, но и фундаментальный уровень социальных, политических, культурно-исторических и психических процессов. А это уже даже не реализм века джаза, это уже не что иное, как правовой неореализм.

О. Б. Купцова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, выступила с докладом «Технико-юридические основания правового реализма». Различные научные школы, по ее мнению, осуществляют взаимодействие в процессе познания и исследования юридической действительности. В этом аспекте необходимо подчеркнуть значимость технико-юридического инструментария, применение которого позволяет найти новые пути развития правового реализма в русле признания ряда его постулатов представителями иных доктринальных течений. В данном случае

была отмечена значимость широкого понимания юридической техники, вос требованность процедурных правил и оформление выявляемых закономерностей. В этом контексте было указано, что назрела необходимость признания судебного прецедента толкования в российской правовой системе и использова ние опыта англо-американского права в совершенствовании юридических актов российского права, которые имеют прецедентную природу. Среди составляющих технико-юридического инструментария, направленных на развитие правового реализма, были особо выделены использование приема юридической техники, идея законопроекта, также значимым представляется развитие идеологем как феноменов языка права, конструктивным видится использование законодательства «sunset legislation» и формирование технико-юридической культуры.

А. В. Холопов, заведующий криминалистической лабораторией Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, сделал сообщение, посвященное тотальности цифровизации и трансгуманизму правовой реальности. По его мнению, современная цифровизация стала явлением в социуме, которое не просто проникает во все сферы человеческой жизни, но практически их поглощает, оказывая достаточно сильное изменяющее воздействие на общественные отношения. Фактически можно констатировать, что цифровизация приобретает свойство тотальности, в том смысле, что оказывает всеобщее и всеохватывающее влияние не только на процессы объективной реальности, но и на когнитивные процессы субъективной реальности как на уровне индивида, так и малых и больших социальных групп. В этом смысле масштабность явления

тотальности цифровизации позволяет говорить о таком воздействии, эффект накопления которого может вызвать на определенном отрезке времени достаточно существенные изменения не только в социальных коммуникативных процессах, что в принципе уже произошло, но и в правовой реальности как категории, отражающей присутствие права и правовой системы в социуме, а именно правосознание, юридическую практику и правопорядок, законность, а также противоправные (криминальные) явления. Все это оказывает влияние на восприятие, например, права и правопорядка, его осмысление и воплощение в виде поведения на индивидуальном и коллективном уровнях.

Заместитель заведующего кафедрой адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российского университета адвокатуры и нотариата им. Г. Б. Мирзоева кандидат юридических наук, доцент Д. В. Мирошниченко в своем докладе исследовал проблему реальности преступления сквозь призму онтологического и гносеологического подходов. Автор подверг критике два основных направления: нормативизм, опирающийся на законодательные критерии, и реализм, использующий объективные показатели. Альтернативой выступает концепция ситуативного изучения деяния, где ключевым элементом является ситуативность как гносеологическая предпосылка онтологизации преступления. В конкретной ситуации деяние обретает социально-нормативный смысл общественно опасного поведения.

Уголовный закон определяет уголовно-правовое значение деяния, а фактические обстоятельства формируют его социальное значение. Интегративным элементом служит моральный упрек правопримениеля, который является основанием для интерпретации деяния как преступления.

Такой подход создает целостную картину реальности преступления, где формальные признаки и социальный контекст рассматриваются в неразрывной взаимосвязи. Это позволяет избежать крайностей нормативизма, реализма и конструктивизма, поскольку деяние с моральной упрочностью как социальное действие всегда имеет определенный социальный смысл и объективно существует.

Доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации И. А. Кузьмин поделился своим видением концепта правового наказания в стратегиях развития правового реализма с позиции общей теории права. Докладчик обратил внимание, что контролируемые трансформации правового наказания как универсальной правовой категории должны зависеть от объективных изменений в общественной жизни, имеющих место в соответствующем государстве в определенный исторический период времени. В числе прочего И. А. Кузьмин высказал предположение об относительности «сугубости» и «тяжести» как критериев для дифференциации наказаний вне специфических свойств наказываемого субъекта и его социального окружения, а также предложил считать атавизмом «карю» при характеристике наказания, исходя из pragmatичности стоящих перед государством регулятивных задач. Опираясь на позиции российских и зарубежных представителей правового реализма в контексте актуальной диалектики правовых институтов, выступающий сформулировал собственное видение тенденций правогенеза и перспектив совершенствования системы правовых наказаний в ее многомерном измерении.

В своем выступлении *доцент кафедры государственного права РГПУ им. А. И. Гер-*

цена кандидат юридических наук А. Э. Черноков затронул проблему соотношения социологии права и правового реализма. Ученый подчеркнул, что оба эти типа правопонимания гораздо ближе друг к другу по своим сущностным аспектам, чем кажется на первый взгляд. Так, во многом совпадает понимание источников права и, в частности, оценка роли суда как законодателя. Кроме того, оба

типа правопонимания уделяют много внимания юридической доктрине как источнику права. Чего нельзя сказать о представителях юридического позитивизма, для которых право – есть приказ суверена. В рамках изучения отечественного права как раз социологическое правопонимание должно играть не последнюю роль, опираясь на соответствующие эмпирические данные.

Информация об авторе

И. Л. Честнов – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

I. L. Chestnov – Professor at the Department of theory and history of state and law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor.

Научная статья
УДК 343.9

**ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА НА ДИССЕРТАЦИЮ
ВОЛКОВОЙ МАРГАРИТЫ АНДРЕЕВНЫ НА ТЕМУ
«КОРРУПЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНЫХ ЗАКУПОК
И ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ», ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСКАНИЕ
УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК
ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 5.1.4 – УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ**

Шамиль Мурадович ШУРПАЕВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, s.shurpaev@mail.ru

Аннотация. Приведен отзыв официального оппонента Шурпаева Ш. М. на диссертацию Волковой Маргариты Андреевны на тему «Коррупционная преступность в сфере публичных закупок и ее предупреждение», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки. Отзыв подготовлен в соответствии с требованиями п. 23 постановления Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (в редакции от 16 октября 2024 года) «О порядке присуждения ученых степеней» (Положение о присуждении ученых степеней). В отзыве приводятся результаты оценки оппонентом актуальности избранной темы исследования, степени обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверности и новизны, а также заключение о соответствии диссертации критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней.

Ключевые слова: коррупционная преступность, отзыв официального оппонента, публичные закупки, противодействие

Для цитирования: Шурпаев Ш. М. Отзыв официального оппонента на диссертацию Волковой Маргариты Андреевны на тему «Коррупционная преступность в сфере публичных закупок и ее предупреждение», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки // Криминалистъ. 2025. № 3 (52). С. 159 – 167.

Original article

**OFFICIAL OPPONENT'S REVIEW OF MARGARITA ANDREEVNA VOLKOVA'S
DISSERTATION «CORRUPTION IN PUBLIC PROCUREMENT
AND ITS PREVENTION», SUBMITTED FOR THE ACADEMIC
DEGREE OF CANDIDATE OF SCIENCE (LAW)
IN SPECIALTY 5.1.4 – CRIMINAL LAW SCIENCES**

Shamil M. SHURPAEV

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, s.shurpaev@mail.ru

Abstract. This document presents the official opponent's review by Shurpaev Sh. M. on Margarita Andreevna Volkova's dissertation titled «Corruption in Public Procurement and Its Pre-

© Шурпаев Ш. М., 2025

vention», submitted for the academic degree of Candidate of Science (Law) in specialty 5.1.4 – Criminal Law Sciences. The review has been prepared in accordance with paragraph 23 of the Russian Federation Government Decree No. 842 dated September 24, 2013 (as amended October 16, 2024) «On the Procedure for Awarding Academic Degrees» (Regulations on Awarding Academic Degrees). The review evaluates the relevance of the chosen research topic, the substantiation of scientific positions, conclusions and recommendations formulated in the dissertation, their validity and novelty, and provides a conclusion regarding the dissertation's compliance with the criteria established by the Regulations on Awarding Academic Degrees.

Keywords: corruption crime, official opponent's review, public procurement, counteraction

For citation: Shurpaev Sh. M. Official opponent's review of Margarita Andreevna Volkova's dissertation «Corruption in Public Procurement and Its Prevention», submitted for the academic degree of Candidate of Science (Law) in specialty 5.1.4 – Criminal Law Sciences. *Criminalist*. 2025;3(52):159-167. (In Russ.).

Актуальность темы диссертации.

Публичные закупки (сфера публичных закупок, сфера закупок) относятся к сферам с высоким уровнем подверженности коррупционным проявлениям, что подтверждается результатами научных исследований и деятельности правоохранительных органов. Как показывают исследования, сфера публичных закупок воспринимается субъектами предпринимательской деятельности как наиболее коррумпированная [1].

Ввиду особой значимости противодействия коррупции в сфере закупок интерес исследователей к данной проблеме в последние годы существенно вырос. Несмотря на наличие трудов по данной теме, остаются нерешенными многие вопросы. Например, недостаточно внимания в существующих исследованиях уделено коррупционным проявлениям в сфере так называемых корпоративных закупок (государственно-корпоративных) – закупок, регулируемых Федеральным законом от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон № 223-ФЗ). Диссидентом рассматривается публичные закупки двух сегментов: государственные (муниципальные) и государственно-корпоративные, что является дополнительным значимым фактором, актуализирующим тему диссертационного исследования.

Автор диссертационного исследования на с. 4 справедливо подчеркивает, что «к числу коррупциогенных факторов в данной сфере можно отнести „дуализм“ нормативно-правового регулирования, обусловленный наличием двух различных закупочных систем: государственных (муниципальных) и государственно-корпоративных. Сложившееся положение препятствует формированию эффективной модели предупреждения рассматриваемого вида коррупционной преступности». Действительно, наличие двух закупочных систем – значительно более урегулированной контрактной системы в сфере закупок (регламентируется положениями Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ)) и содержащей меньшее количество императивных предписаний для заказчиков государственно-корпоративной системы (Закон № 223-ФЗ) – требует отдельного научного осмысления как юридической детерминанты коррупционной преступности в сфере закупок.

Таким образом, актуальность темы не вызывает сомнений. В условиях высокого уровня распространенности коррупции в сфере закупок требуется разработка в том числе и инновационных решений противодействия ей.

Обоснованность и достоверность научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных Волковой М. А. в диссертации, обеспечивается следующим:

– работа основана на значительном теоретическом фундаменте: в исследовании автором использовано более 300 источников, в том числе диссертаций и авторефератов, монографий, научных статей, иных результатов исследований не только в области наук криминального цикла, но и в иных областях знаний: экономики, социологии, психологии и других;

– полученные автором результаты исследования основаны на значимой эмпирической основе: данных официальной статистической отчетности о состоянии преступности в России; результатах контент-анализа судебных решений по уголовным делам, связанным с обвинением лиц в совершении коррупционных преступлений в сфере публичных закупок, за период с 2019 по 2023 год. Особенno стоит отметить результаты опросов, проведенных диссидентом, в том числе представителей заказчиков (911 участников), работников правоохранительных органов (91 участник).

Интересным и нестандартным инструментом эмпирического обоснования результатов исследования надо признать проведенный автором антикоррупционный диктант, участниками которого стали служащие и иные работники сферы закупок Красноярского края (с. 127, 270).

Полагаем, что и охарактеризованный автором личный опыт работы, связанной в том числе с правовым проповедиением заказчиков, способствовал эмпирической обоснованности результатов исследования. Согласно заявленной в исследовании информации, Волковой М. А. с 2018 года обучено более 1300 человек. Непосредственное регулярное взаимодействие с представителями заказчика, несомненно, дает автору

представление о потенциальной эффективности тех или иных мер противодействия коррупции в данной сфере;

– основные положения и выводы диссертационного исследования вынеслись на обсуждение на научных мероприятиях с 2015 по 2023 год. Большая часть таких мероприятий имела антикоррупционную направленность, что также вносит вклад в обоснованность результатов исследования;

– основные результаты диссертационного исследования отражены в 32 публикациях, из них 11 [2–12] – в научных журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук;

– результаты диссертационного исследования Волковой М. А. внедрены в учебный процесс Юридического института Сибирского федерального университета в рамках реализации дисциплин: «Криминология», «Юридическая психология», «Правовые аспекты мер безопасности», «Противодействие коррупции», «Основы профилактики коррупции», «Основы противодействия экстремизму, терроризму, коррупционному поведению» и «Управление коррупционными рисками в сфере закупок»;

– полученные автором результаты внедрены в электронных образовательных курсах к дисциплинам, реализуемым с применением электронных технологий: «Основы профилактики коррупции» и «Основы противодействия экстремизму, терроризму, коррупционному поведению».

Анализируемое диссертационное исследование обладает должной степенью научной новизны. Исследование является комплексным, характеризуется логическим единством и завершенностью. В исследовании достигнута по-

ставленная автором цель — получение новых концептуальных научных знаний о коррупционной преступности в сфере публичных закупок, а также разработка на основании их предложений по совершенствованию системы предупреждения данного негативного социально-правового явления.

Полагаем, что научной новизной обладают следующие авторские положения и выводы.

1. Автор на основе анализа сущностных характеристик коррупции и коррупционной преступности в сфере публичных закупок предлагает уточненные определения терминов предмета исследования: «публичные закупки», «коррупция в сфере публичных закупок», «коррупционное преступление в сфере публичных закупок», «коррупционная преступность в сфере публичных закупок» (с. 19–71).

2. Важное значение имеет многосторонний анализ понятия «публичные закупки» и сделанный автором на основе изучения признаков категории «публичный интерес» вывод о том, что публичные закупки следует понимать как «особый вид деятельности органов и организаций, направленный на обеспечение нужд в товарах, работах или услугах, необходимых для реализации их функций по удовлетворению и защите публичных интересов» (с. 29). Данное понятие является одним из центральных в исследовании, его преимуществом следует признать учет в структуре публичного интереса как исключительно публичных, так и частно-публичных интересов. С точки зрения вопросов противодействия коррупции в сфере публичных закупок, возникают теоретические условия антикоррупционной защиты как контрактной системы в сфере закупок, так и системы государственно-корпоративных закупок.

Уточнена типология форм, типов и видов коррупционного преступного

поведения в сфере публичных закупок по имеющим значение для теории и практики признакам (с. 53–62). На схеме, приведенной на с. 53 исследования, автором продемонстрированы формы коррупционного поведения в сфере публичных закупок: а) коррупционный протекционизм в сфере публичных закупок (откат, коррупционное дробление закупок, фиктивное исполнение договора (контракта)); б) закупка для удовлетворения личных материальных потребностей; в) закупка под прикрытием иной сделки; г) создание коррумпированного посредника; д) «раздел рынка». К основным типам коррупционного преступного поведения в сфере публичных закупок автор относит: злоупотребление полномочиями и (или) публичным статусом; подкуп-продажность; посредничество; коррупционныйговор (с. 61). Автор выделяет виды коррупционного поведения по следующим основаниям: по виду публичных закупок; по этапу закупочной деятельности; по субъекту; по направленности коррупционной цели (с. 62). Систематизация многообразия коррупционных проявлений позволяет создать условия для дифференциации мер воздействия на коррупцию и повышения их эффективности.

Систематизированы объективные и субъективные детерминанты коррупционной преступности в сфере публичных закупок, новизной которых является учет ими специфики данной сферы (с. 75–98). Особо стоит отметить содержательную новизну конкретных детерминант, выделяемых автором. Например, на с. 83 исследования автор среди детерминант коррупционной преступности в сфере закупок называет недостаточный уровень открытости отдельных этапов закупочной деятельности публичных заказчиков, конкретизируя, что, например, «на этапе исполнения контрактов такая открытость не обеспечена, что привело к развитию такой

формы коррупционного преступного поведения, как фиктивное исполнение договора (контракта)». Уделяется внимание коррупционным стереотипам (с. 87), коррупционным традициям (с. 87), деформации правосознания с точки зрения преоломления данной детерминанты в сфере публичных закупок (с. 88).

Отдельного внимания заслуживает обоснование автором необходимости использования в системе предупреждения коррупционной преступности в сфере закупок подхода, предполагающего применение двух групп мер: не связанных с принуждением (антикоррупционная профилактика) и связанных с принуждением (антикоррупционные меры безопасности, антикоррупционные меры восстановления, антикоррупционные меры ответственности) (с. 113–195).

Анализ положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертационной работе Волковой М. А., позволяет оценить ее положительно. Вместе с тем данная работа, как и любой научный труд, не лишена недостатков, отдельные положения и выводы являются дискуссионными либо требуют пояснений автора во время защиты.

1. Во вводную часть исследования следовало включить рубрику, содержащую обобщенные сведения о нормативной основе исследования. Хотя из содержания самой работы следует, что нормативно-правовая база исследования основана на анализе широкого круга нормативно-правовых актов, указанная рубрика является традиционной для диссертационных исследований подобного рода.

2. Нельзя не обратить внимание на незначительный объем эмпирической базы в части анализа судебных решений: в контент-анализ диссертанта вошло только 50 судебных решений по уголовным делам, связанным с обвинением лиц в совершении коррупционных преступлений в сфере публичных закупок,

за период с 2019 по 2023 год. Диссертанту следует дать пояснения по данному вопросу.

3. На с. 29 исследования диссертант вводит термин «субъекты коррупции в сфере публичных закупок», отмечая, что таковыми могут выступать все участники соответствующих отношений. Далее автор диссертационного исследования выделяет субъектов публичных закупок, которые, судя по всему, отождествляются им с субъектами коррупции в сфере публичных закупок. Здесь возникают следующие замечания. Во-первых, следовало уточнить признаки субъектов коррупции, в том числе определив одним из них связь со сферой публичных закупок. Во-вторых, целесообразно ввести понятие субъекта коррупционных преступлений (субъекта преступлений коррупционной направленности) в сфере публичных закупок, определив признаки таких субъектов. В-третьих, при перечислении таких субъектов следовало указать, что исполнителями коррупционных деяний могут быть должностные лица или иные работники (представители) соответствующих организаций (например, субъектом коррупции будет не публичный заказчик, а должностное лицо или иной работник (представитель) публичного заказчика, не обладающий признаками должностного лица). В-четвертых, диссертант в объем понятия субъекта коррупции в сфере публичных закупок (отождествив его с понятием субъекта публичных закупок) включил и таких неочевидных с точки зрения распространенности участия в преступных коррупционных схемах субъектов, как, например, специализированные организации (представители таких организаций). Следовало обосновать включение в объем понятия субъекта коррупции в сфере публичных закупок каждого из субъектов, что позволило бы внести существенный вклад в новизну исследования.

4. В продолжение предыдущего замечания рекомендацией может стать ранжирование субъектов по рискам коррупционных проявлений. Например, очевидно, что в наибольшей степени коррупционным рискам подвержены представители публичных заказчиков. В гораздо меньшей степени — представители специализированных организаций, операторов электронных площадок.

5. С учетом существующей терминологической разобщенности автору следовало сделать более явные акценты и сформулировать конкретную позицию относительно соотношения понятий «коррупционные преступления» и «преступления коррупционной направленности», в том числе применительно к сфере закупок. Такое разграничение позволило бы ответить на один из центральных исследовательских вопросов: какие преступления образуют коррупционную преступность — коррупционные преступления, преступления коррупционной направленности или совокупность преступлений этих двух групп?

Рассуждая по данному вопросу, автор на с. 44 замечает, что «правопримениительные органы при рассмотрении составов преступлений, имеющих признаки коррупции, используют понятия: „преступление коррупционной направленности“ и „коррупционное преступление“. Так, правоохранительные органы для целей формирования статистической отчетности такие составы именуют „преступления коррупционной направленности“. Верховный суд РФ в своих документах использует понятие „коррупционное преступление“ (курсив наш. — Ш. Ш.). Далее на той же странице автор соглашается с одной из точек зрения в том, что данные термины следует разграничивать. При этом, как следует из текста на с. 44–45 исследования, автор принимает следующую позицию и руководствуется ею в ходе исследования:

«По его мнению, преступления, содержащие признаки коррупции, должны именоваться „коррупционными преступлениями“, а к „преступлениям коррупционной направленности“ следует относить те преступления, которые не являются коррупционными, но связаны с ними (способствуют их совершению, направлены на сокрытие следов и последствий коррупционных преступлений, направлены на легализацию полученного в результате совершения коррупционных преступлений имущества и др.)».

Таким образом, автор принимает позицию, согласно которой преступления коррупционной направленности не являются коррупционными, но связаны с ними. Однако из текста диссертации следует, что автор отождествляет эти понятия. Полагаем, это связано с недостаточно глубоким анализом Перечня № 23 преступлений коррупционной направленности (далее — Перечень № 23) [13]. Например, отождествление двух различных, на мой взгляд, по объему понятий следует из выводов и положений диссертации:

— на с. 67 Волкова М. А. в одном предложении использует понятия «коррупционные преступления» и «преступления коррупционной направленности», включая их в объем понятия «коррупционная преступность»: «доля коррупционных преступлений, зарегистрированных по специальным составам в сфере публичных закупок, в структуре общих показателей коррупционной преступности незначительна и составляет 0,3 % по показателям зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в 2023 году (всего зарегистрировано 36 407 таких преступлений)» (курсив наш. — Ш. Ш.). Считает ли автор исследования, что специальные составы преступлений в сфере закупок (ст. 200.4, 200.5, 200.6 УК РФ) являются исключительно составами коррупционных преступле-

ний? Если ответ на предыдущий вопрос положительный, то как сложившаяся терминологическая неопределенность может оказаться на задачах прикладного характера по противодействию коррупционной преступности в условиях, когда в Перечне № 23 данные преступления называются (без условий и с определенными условиями) преступлениями коррупционной направленности;

– на с. 94 автор отмечает, что «в соответствии с Указанием Генпрокуратуры России и МВД России обязательным признаком *коррупционного преступления...*» (курсив наш. – Ш. Ш.). Однако в соответствии с указанным правовым актом речь идет не о коррупционных преступлениях, а о преступлениях коррупционной направленности. Это же вступает в противоречие с позицией автора о различном объеме этих понятий.

6. Из названия работы, цели, задач исследования, его содержания следует, что в структуру его предмета входит коррупционная преступность (ее состояние, структура и прочие характеристики, являющиеся частью криминологического анализа). Представляется, что авторская позиция относительно составов преступлений, образующих круг общественно опасных деяний, которые называют коррупционной преступностью в сфере публичных закупок, является одной из ключевых задач исследования. На с. 46 – 47 автор дает собственное видение групп коррупционных преступлений в сфере закупок, положив в основу классификации их видовой объект: преступления против собственности; преступления в сфере экономической деятельности; преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях; преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Не возражая против разделения их по группам в зависимости от видового объекта преступлений,

не согласен с включением в соответствующие группы отдельных видов преступлений. Исходя из признаков преступлений коррупционной направленности, закрепленных в Перечне № 23, полагаю дискуссионным включение автором в число коррупционных преступлений в сфере публичных закупок следующих составов:

преступлений, предусмотренных чч. 5 – 7 ст. 159 УК РФ (составы так называемого «предпринимательского мошенничества»). Данные преступления совершаются в сфере предпринимательской деятельности. Включение предпринимательского мошенничества в объем коррупционной преступности в сфере публичных закупок требует дополнительного обоснования;

преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 178 УК РФ (ограничение конкуренции путем заключения между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо повлекло извлечение дохода в крупном размере, совершенное лицом с использованием своего служебного положения). Такие преступления действительно распространены в сфере закупок. Полагаю, что корректней относить их к способствующим совершению преступлений коррупционной направленности в сфере закупок. Данные преступления совершаются на этапах, предшествующих заключению контракта между участниками конкурентных процедур. Субъектами данных преступлений не могут быть представители заказчика – их исполнителями являются должностные лица хозяйствующих субъектов-конкурентов. Таким образом, такие преступления следует считать преступлениями экономической направ-

ленности, хотя связь с коррупционной преступностью не исключена;

преступлений, предусмотренных ст. 285.5, 285.6 УК РФ. Сложно представить случай, когда нарушение должностным лицом условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа, отказ или уклонение должностного лица, подвергнутого административному наказанию, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа, совершается с корыстным мотивом, при этом не содержит признаков преступлений, предусмотренных ст. 285, 286 УК РФ.

7. Обладающей научным и антикриминальным потенциалом представляется идея автора о развитии партисипативной открытости (с. 115 – 116, 118) в сфере публичных закупок. Полагаю, автору диссертационного исследования надлежало больше внимания уделить данному направлению.

8. С учетом значительных различий систем правового регулирования диссиденту следовало дифференцировать меры предупреждения коррупционной преступности в зависимости от сферы применения: контрактная система в сфере закупок или государственно-корпоративная система.

Отмеченные замечания, однако, не влияют на общую положительную оценку работы.

Таким образом, диссертационное исследование Волковой М. А. является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития криминологии. Работа отвечает требованиям пп. 9 – 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (ред. от 16 октября 2024 года). В свою очередь, Волкова Маргарита Андреевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

Список источников

1. Закупки товаров и услуг признали самой коррумпированной сферой в 2023 году // Коммерсантъ : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6393514> (дата обращения: 20.09.2024).
2. Антикоррупционная безопасность: выявление угроз и стратегия обеспечения (Обзор V Сибирского антикоррупционного форума) / И. А. Дамм, Е. А. Акунченко, К. С. Сухарева, М. А. Волкова // Вопросы безопасности. 2020. № 1. С. 59 – 78.
3. Волкова М. А. Антикоррупционная профилактика и ее основные направления в сфере публичных закупок // Правоприменение. 2024. № 1. С. 44 – 53.
4. Волкова М. А. Антикоррупционные меры безопасности в системе предупреждения коррупционной преступности в сфере государственных (муниципальных) закупок // Национальная безопасность / nota bene. 2020. № 4. С. 66 – 80.
5. Волкова М. А. Детерминанты коррупционной преступности в сфере государственных (муниципальных) закупок // Право и политика. 2020. № 9. С. 189 – 205.
6. Волкова М. А. Негативные последствия коррупции в сфере публичных закупок // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 6. С. 18 – 28.
7. Волкова М. А. Характерные черты коррупции в сфере государственных (муниципальных) закупок: криминологический аспект // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16, № 3. С. 84 – 95.
8. Конфликт интересов руководителя образовательной организации высшего образования при внутреннем совместительстве / И. А. Дамм, С. П. Басалаева, О. В. Роньжина,

И. Н. Толстикова, Е. А. Акунченко, М. А. Волкова, Н. В. Щедрин // Юридические исследования. 2018. № 5. С. 39–56.

9. Открытость и доступность информации о правотворческой деятельности органов местного самоуправления в Российской Федерации / И. А. Дамм, О. В. Роньжина, Е. А. Акунченко, М. А. Волкова, А. В. Корхов // Российский юридический журнал. 2018. № 6. С. 85–97.

10. Состояние информационной открытости муниципального нормотворчества как показатель антикоррупционной транспарентности (на примере Красноярского края) / И. А. Дамм, О. В. Роньжина, Е. А. Акунченко, М. А. Волкова, К. С. Сухарева, В. В. Кострыкина, М. А. Федорова // Юридические исследования. 2019. № 7. С. 1–16.

11. Тематический рубрикатор муниципальных правовых актов как средство обеспечения доступности информации о нормотворческой деятельности органов местного самоуправления / О. В. Роньжина, Е. А. Акунченко, С. И. Гутник, М. А. Волкова, А. В. Корхов // Административное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 17–25.

12. Электронная информационная система учета, хранения и актуализации муниципальных правовых актов: разработка и апробация на территории Красноярского края / И. А. Дамм, О. В. Роньжина, Е. А. Акунченко, А. В. Корхов, М. А. Волкова // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 4. С. 699–719.

13. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 462/11, МВД России № 2 от 25 июня 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

Ш. М. Шурпаев – заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат экономических наук, кандидат юридических наук.

Information about the author

Sh. M. Shurpaev – Head of the Department of humanitarian and social-economic subjects, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Economics), Candidate of Science (Law).

ПЕРСОНАЛИИ В НАУКЕ

Н. А. КОРНИЕНКО – 90 ЛЕТ!

Николаю Александровичу Корниенко, талантливому ученому-криминалисту, кандидату юридических наук, доценту, старшему советнику юстиции, Почетному работнику прокуратуры Российской Федерации, исполнилось 90 лет!

В 1960 году Н. А. Корниенко окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова. Трудовую деятельность в период 1960 – 1966 гг. осуществлял в органах МВД дознавателем, старшим следователем и экспертом-криминалистом.

Научная и педагогическая деятельность Николая Александровича началась с момента основания нашего Института в 1966 году. В сентябре 1966 года был зачислен на должность преподавателя кафедры криминалистической техники Института усовершенствования следственных работников органов прокуратуры и охраны общественного порядка.

Читал лекции по криминалистической технике и проводил семинарские и практические занятия по таким те-

мам, как трасология, использование кино- и видеосъемки в расследовании преступлений, тактика осмотра места происшествия и т. д.

В 1976 году защитил диссертацию на соискание степени кандидата юридических наук по теме «Теория и практика предварительных криминалистических исследований вещественных доказательств». В 1980 году Н. А. Корниенко присвоено звание доцента.

Практически с момента начала работы в Институте Николай Александрович проводил научные исследования в области судебной кинематографии и видеозаписи. Результатом данных исследований явилось создание криминалистических рекомендаций применения кино- и видеосъемки в следственных действиях. Фактически эти рекомендации являлись основной методикой применения видеозаписи в расследовании преступлений для следователей и прокуроров-криминалистов. За разработку данных рекомендаций Н. А. Корниенко поощрялся приказами Генерального прокурора.

В 1996 году приказом Генерального прокурора Российской Федерации Николай Александрович был награжден нагрудным знаком «Почетный работник прокуратуры Российской Федерации».

Область научных интересов Н. А. Корниенко обширна – история криминалистики, криминалистическая техника и тактика проведения следственных действий, международное сотрудничество полицейских организаций в борьбе с преступностью и т. д.

Николай Александрович автор и соавтор более 80 печатных работ. В области криминалистики ученый является автором таких значимых научных работ, как «Судебная видеозапись» (СПб., 1995); «Следы человека в криминалистике» (СПб., 2001); «Учеты и учетная документация, используемые при расследовании уголовных дел» (СПб., 2-е изд., 1998); «Российские и международные криминалистические учеты» (СПб., 2004) и пр.

Также публиковался в соавторстве с М. Б. Вандером (Следственный осмотр и предварительное исследование предметов и документов. Л., 1976) и И. Е. Быховским (Проверка показаний на месте Л., 1988). Член авторского коллектива трехтомного «Курса криминалистики» (СПб., 2-е изд., 2016).

Николай Александрович и по сей день активно занимается творческой деятельностью и публикует свои научные работы.

Руководство и коллектив Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации поздравляют Николая Александровича со знаменательной датой!

Выражаем Н. А. Корниенко наши искренние признание и уважение! Желаем доброго здоровья, новых творческих и научных свершений, счастья, добра и благополучия!

А. В. Холопов

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ ОРИГИНАЛОВ СТАТЕЙ

Статьи следует представлять в распечатанном виде и в электронном варианте.

Текст должен быть набран на компьютере в редакторе Word for Windows и отпечатан на одной стороне стандартных листов писчей бумаги формата А4.

Поля: верхнее, нижнее, левое, правое – 25 мм.

Нумерация страниц располагается внизу по центру.

Стиль оформления основного текста должен содержать следующие установки. Гарнитура «Times New Roman Cyr». Расстояние между строками текста – 1,5 интервала, между текстом и заголовками – 1 строка, заголовок – прописными. Размер шрифта – 14. Абзацный отступ – 0,75. Выравнивание – по ширине. Перенос – автоматический.

Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников».

В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

Библиографическую запись для перечня затекстовых библиографических ссылок, а также отсылки на затекстовые библиографические ссылки оформляют по ГОСТ Р 7.0.5.

Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи.

Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице («References»). Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

В статье могут быть внутритекстовые и подстрочные примечания.

Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках. Подстрочные примечания помещают внизу соответствующей страницы текста статьи.

Внутритекстовые и подстрочные примечания, содержащие библиографические ссылки, составляют по ГОСТ Р 7.0.5.

Рисунки, иллюстрации, фотографии должны быть представлены в распечатке и отдельным файлом в электронном виде.

Рекомендуемый объем статьи от 0,4 до 0,6 учетно-издательского листа (16 000 – 24 000 знаков, включая пробелы между словами).

К рукописи статьи прилагается следующая информация на русском и английском языках: аннотация; список ключевых слов; фамилия, имя, отчество (полностью), должность и место работы (службы), ученая степень и ученое звание автора. Также следует указать номер телефона, адрес электронной почты для связи.

Вместе с рукописью автором в обязательном порядке направляется справка о проверке статьи в системе «Антиплагиат» (при отсутствии указанной справки статья к рассмотрению редакционной коллегией приниматься не будет). Оригинальность исследования в программе системы «Антиплагиат» должна составлять не менее 60 %.

Также к рукописи просим прилагать «Согласие на обработку персональных данных автора и на размещение полнотекстовой версии статьи впервые в открытом доступе в сети “Интернет”».

Рукопись должна быть подписана всеми авторами.

ТРЕБОВАНИЯ К НАПИСАНИЮ АННОТАЦИЙ

Аннотация выполняет следующие функции:

дает возможность установить основное содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа;

представляет информацию о документе и устраниет необходимость чтения полного текста документа в случае, если документ представляет для читателя второстепенный интерес;

используются в информационных, в том числе автоматизированных системах для поиска документов и информации.

Аннотация следует сразу после сведений об авторе (авторах) статьи, выполняет функцию расширенного названия и используется в качестве элемента библиографической записи, элемента выходных сведений и элемента оформления публикуемых материалов. В аннотации указывают, что нового несет в себе данный документ в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению.

Аннотация включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты. Аннотация кратко и лаконично характеризует статью, поэтому не стоит делать краткую версию статьи, надо дать именно ее характеристику.

В аннотации не рекомендуется вести повествование от собственного имени и выражать собственное мнение (следует избегать оборотов «Я думаю», «Я считаю», «По-моему мнению» и т. п.); использовать штампы, речевые обороты, научные термины и приводить общезвестные сведения. Обязательно указание аудитории, которой описанные в статье результаты могут стать интересными. Соответственно, аннотация показывает, что наиболее ценно и применимо в выполненной автором работе.

Рекомендуемый объем аннотации: не более четырех предложений.

Аннотация должна быть представлена на русском и английском языках.

ТРЕБОВАНИЯ К ВЫБОРУ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ

Ключевые слова выражают основное смысловое содержание статьи, служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей в электронных базах, поэтому должны отражать дисциплину (область науки, в рамках которой написана статья), тему, цель и объект исследования.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и слово-сочетания в единственном числе и именительном падеже. Рекомендуемое количество ключевых слов – 5–7 на русском и английском языках, количество слов внутри ключевой фразы – не более трех. Основные принципы подбора ключевых слов:

применяйте базовые термины вместе с более сложными;

не используйте слишком сложные слова, слова в кавычках, слова с запятыми;

каждое ключевое слово – это самостоятельный элемент. Ключевые слова должны иметь собственное значение.

ГРАФИК ПРИЕМА СТАТЕЙ

Журнал «Криминалистъ» выпускается четыре раза в год.

Статьи принимаются на постоянной основе.

Решение об опубликовании, необходимости доработки, об отказе в опубликовании статей принимается по результатам рецензирования статей редакционной коллегией.

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

«ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЫБОР УЧЕНЫХ И ПРАКТИКОВ

ЧИТАЙТЕ В КАЖДОМ НОМЕРЕ:

- ◆ ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ
- ◆ НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ
- ◆ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции:

123022, г. Москва,
ул. 2-я Звенигородская, 15

8 (499) 256-71-51

E-mail: vest@msk.rsnet.ru

Индекс в подписном агентстве
«Урал-Пресс»: 82370.

ОТДЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ ЖУРНАЛА ПУБЛИКУЮТСЯ НА ПОРТАЛЕ
СПРАВОЧНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ «КОНСУЛЬТАНТПЛЮС».